

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
20 декабря 2016 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4 (2016)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

Если для привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности должностное лицо фальсифицирует доказательства, то его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 299 и 303 УК РФ.

К. признана виновной в том, что, являясь заместителем начальника следственного отдела, покушалась на получение через посредника взятки в виде денег в крупном размере от директора коммерческой фирмы – Д. за непривлечение его к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, и привлечение вместо него другого лица.

Во исполнение задуманного К., получив от Д. копию паспорта Я. и документы, содержащие ложные сведения о том, что именно он являлся директором коммерческой фирмы, совместно со следователем Ж. подготовили с использованием компьютерной техники тексты показаний от имени Д., Я. и работников фирмы, внося в них заведомо ложные сведения и приобщив их к материалам уголовного дела в качестве доказательств. Впоследствии К. составила постановление о привлечении Я. в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ, указав заведомо ложные сведения о том, что именно он, являясь директором коммерческой фирмы, осуществлял незаконную предпринимательскую деятельность, получив при этом доход в крупном размере. К. составила протокол допроса обвиняемого Я. без его фактического проведения, внося в него заведомо ложные сведения о том,

что он признает себя виновным в предъявленном ему обвинении, а затем приобщила указанные документы к материалам уголовного дела.

Таким образом, К. незаконно привлекла заведомо невиновное лицо – Я. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 171 УК РФ.

Помимо этого, К. совершила незаконные действия, сопряженные с фальсификацией доказательств по уголовному делу, а именно изъяла из данного дела документы, свидетельствующие о невозможности совершения Я. незаконного предпринимательства из-за отсутствия у него каких-либо полномочий в коммерческой фирме, и составила документы, подтверждающие процессуальный статус Я. как подозреваемого (обвиняемого).

К. составила постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Д. за отсутствием в его действиях состава преступления. Одновременно с этим она составила обвинительное заключение по обвинению Я. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ, и направила уголовное дело прокурору для принятия решения в порядке, предусмотренном ст. 221 УПК РФ.

23 июля 2012 г. посредник передачи взятки получил первую часть взятки в сумме 300 000 рублей, а 3 октября 2012 г. при получении оставшейся части он был задержан сотрудниками правоохранительных органов.

Действия К. (с учетом внесенных изменений) квалифицированы по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в» ч. 5 ст. 290, ч. 2 ст. 303 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и ч. 1 ст. 299 УК РФ.

В надзорной жалобе осужденная К. просила исключить осуждение по ч. 2 ст. 303 УК РФ, полагая, что фальсификация доказательств по уголовному делу в отношении Я. явилась способом совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил приговор в части квалификации действий осужденной К. по ч. 2 ст. 303 и ч. 1 ст. 299 УК РФ без изменения, указав следующее.

Довод осужденной К. о том, что квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 303, ч. 1 ст. 299 УК РФ, влечет повторное осуждение за одни действия, противоречит закону и установленным судом фактическим обстоятельствам.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, выражается в действиях, направленных на привлечение заведомо невиновного в качестве обвиняемого, а именно в вынесении следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и в предъявлении ему сформулированного обвинения, а объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, характеризуется активными действиями, которые выражаются в подделке или фабрикации вещественных доказательств, протоколов следственных действий,

собираении и представлении доказательств, не соответствующих действительности.

Действия К., осуществлявшей предварительное следствие по уголовному делу, заключались в том числе в умышленном изготовлении по предварительному сговору с Ж. протоколов допросов от имени ряда свидетелей, содержащих заведомо ложные сведения, которые затем были приобщены к материалам уголовного дела в качестве доказательств совершения Я. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ.

Указанные и другие действия, связанные с фальсификацией доказательств по уголовному делу, не охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, и требуют самостоятельной квалификации по ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Содержание и направленность умысла К. в том числе при совершении этих преступлений установлены судом правильно, исходя из фактических обстоятельств совершения преступлений и анализа всей совокупности имеющихся доказательств.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 72П16*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Разрешение споров, возникающих в связи с защитой права собственности и других вещных прав

1. Высоковольтная линия электропередачи представляет собой единый объект вещных прав, ее составные части (в частности, опоры) не являются самостоятельными объектами недвижимости, в связи с чем они не могут быть признаны самовольными постройками.

Т. обратился в суд с иском к Е. об устранении препятствий в пользовании земельным участком, о возложении обязанности демонтировать линию электропередачи, указав в обоснование своих требований, что на его земельном участке расположена опора линии электропередачи, которая делает невозможным использование земельного участка по назначению – индивидуальное жилищное строительство. Просил обязать ответчика демонтировать опору линии электропередачи на принадлежащем ему земельном участке.

Представитель ответчика в судебном заседании исковые требования не признал, просил отказать в их удовлетворении.

Решением суда в удовлетворении требований Т. отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу вынесено новое решение об удовлетворении иска.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с определением суда апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 40 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) собственник земельного участка имеет право возводить жилые, производственные, культурно-бытовые и иные здания, сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением требований градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов.

В соответствии с п. 5 ст. 119 ЗК РФ не допускается раздел, перераспределение или выдел земельных участков, если сохраняемые в отношении образуемых земельных участков обременения (ограничения) не позволяют использовать указанные земельные участки в соответствии с разрешенным использованием.

Судом первой инстанции установлено, что линия электропередачи построена на основании технических условий и принята в промышленную эксплуатацию в 2006 году. Трасса прохождения линии электропередачи согласована. В период строительства и ввода в эксплуатацию объекта трасса прохождения линии электропередачи не затрагивала прав других лиц, поскольку проходила в поле. Выделение земельных участков на данной территории администрация района производила намного позже. Земельный участок, принадлежащий истцу, был выделен с обременением (установлена охранный зона уже существующей линии электропередачи), а впоследствии приобретен истцом по договору купли-продажи.

Первоначально охранный зона высоковольтной линии электропередачи составляла менее 1/7 от общей площади спорного земельного участка, который впоследствии истцом самостоятельно разделен на два участка. Одному из них присвоен новый кадастровый номер и новый адрес, в связи с чем охранный зона высоковольтной линии электропередачи составила 1/4 от общей площади вновь образованного земельного участка.

Отказывая в удовлетворении требований Т., суд первой инстанции исходил из того, что высоковольтная линия является неотъемлемой частью принадлежащего Е. объекта «Придорожный комплекс...», который построен на основании разрешений на строительство, выданных администрацией муниципального образования в порядке ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), и введен в эксплуатацию на основании разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, и создана для обслуживания основного объекта (придорожного сервиса), не предназначена для электроснабжения иных лиц, в связи с чем она в силу ст. 135 ГК РФ, п. 3 ч. 17 ст. 51 ГрК РФ

является объектом вспомогательного назначения, выдача разрешения на строительство которого не требуется и который следует судьбе основного объекта.

В соответствии с п. 5 ч. 17 ст. 51 ГрК РФ выдача разрешения на строительство не требуется в случае, если в соответствии с данным кодексом, законодательством субъектов Российской Федерации о градостроительной деятельности получения разрешения на строительство не требуется.

В соответствии с ч. 4 ст. 36 Градостроительного кодекса Краснодарского края не требуется получение разрешения на строительство объектов капитального строительства, строящихся в целях исполнения договора об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям классом напряжения до 20 кВ включительно, если расстояние от границ участка заявителя до объектов электросетевого хозяйства необходимого заявителю класса напряжения сетевой организации, в которую подана заявка, составляет не более 300 м в городах и поселках городского типа и не более 500 м в сельской местности.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении иска Т., о возложении на Е. обязанности устранить препятствия в пользовании земельным участком путем демонтажа за свой счет опоры линии электропередачи, суд апелляционной инстанции приведенных положений закона субъекта Российской Федерации не учел и исходил из того, что земельный участок под возведение высоковольтной линии ответчику не выделялся, данный линейный объект в нарушение требований п. 2 постановления Правительства Российской Федерации № 486 от 11 августа 2003 г. расположен на земельном участке, отведенном для индивидуального жилого строительства, а не на обособленном земельном участке, охранная зона объекта электросетевого хозяйства в нарушение требований Правил установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 24 февраля 2009 г. № 160, не устанавливалась, что влечет нарушение прав Т., как собственника земельного участка.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном применении норм материального и процессуального права без учета обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения спора.

Судом первой инстанции установлено, что Т. без получения разрешения возведен объект капитального строительства, не отвечающий целевому назначению земельного участка, в связи с чем в отношении Т. прокуратурой вынесено представление об устранении нарушений земельного и градостроительного законодательства и возбуждены дела об

административных правонарушениях, а также местной администрацией подано в суд исковое заявление о сносе самовольных построек.

В соответствии со ст. 222 ГК РФ (в редакции, действующей на момент возникновения спорных правоотношений) самовольной постройкой является жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое имущество, созданное на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами, либо созданное без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил (п. 1).

Лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. Оно не вправе распоряжаться постройкой – продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки. Самовольная постройка подлежит сносу осуществившим ее лицом либо за его счет, кроме случаев, предусмотренных п. 3 названной выше статьи (п. 2).

Статьей 130 ГК РФ установлено, что к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество (п. 1).

Вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законе (п. 2).

Согласно п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» положения ст. 222 ГК РФ не распространяются на отношения, связанные с созданием самовольно возведенных объектов, не являющихся недвижимым имуществом, а также на перепланировку, переустройство (переоборудование) недвижимого имущества, в результате которых не создан новый объект недвижимости. Лица, право собственности или законное владение которых нарушается сохранением таких объектов, могут обратиться в суд с иском об устранении нарушения права, не соединенного с лишением владения (ст. 304 ГК РФ). В случаях, когда самовольно возведенный объект, не являющийся новым объектом или недвижимым имуществом, создает угрозу жизни и здоровью граждан, заинтересованные лица вправе на основании п. 1 ст. 1065 ГК РФ

обратиться в суд с иском о запрещении деятельности по эксплуатации данного объекта.

Из приведенных правовых норм и разъяснения пленумов следует, что отнесение того или иного объекта к недвижимому или движимому имуществу обуславливает и способ защиты права, которое может быть нарушено возведением такого объекта.

Принимая решение об отказе в удовлетворении заявленных истцом требований, суд первой инстанции исходил из того, что опора линии электропередач, с требованием о сносе которой обратился Т., является частью объекта «Придорожный комплекс...», право собственности на который зарегистрировано в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним за Е.

Самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные, созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные, созданные без получения на это необходимых разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил (п. 1 ст. 222 ГК РФ).

По смыслу приведенной правовой нормы, самовольной постройкой может быть признан исключительно объект недвижимости.

В силу п. 1 ст. 133 ГК РФ вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части.

Согласно п. 11 ст. 1 ГрК РФ красные линии – линии, которые обозначают существующие, планируемые (изменяемые, вновь образуемые) границы территорий общего пользования, границы земельных участков, на которых расположены линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие подобные сооружения.

По смыслу приведенной правовой нормы, под линейными объектами в положениях градостроительного законодательства понимаются линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие подобные сооружения.

Таким образом, линия электропередачи представляет собой единый линейный объект и выступает как единый объект вещных прав, ее раздел в натуре невозможен без изменения ее назначения, в связи с чем такая линия представляет собой неделимую вещь, отдельные составные части которой (в частности, опоры) не являются самостоятельными объектами недвижимости.

Согласно ст. 1331 ГК РФ недвижимой вещью, участвующей в обороте как единый объект, может являться единый недвижимый

комплекс – совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как на одну недвижимую вещь. К единым недвижимым комплексам применяются правила о неделимых вещах.

Из приведенных правовых норм следует, что составная часть единого недвижимого комплекса не является самостоятельным объектом недвижимости и не может иметь самостоятельную юридическую судьбу.

Таким образом, составная часть единого недвижимого комплекса не может быть признана самовольной постройкой.

Придя к выводу о нарушении прав истца как собственника земельного участка, отведенного для индивидуального жилищного строительства, расположением на данном земельном участке опоры линии электропередачи (железобетонного столба), суд апелляционной инстанции не учел, что железобетонный столб сам по себе не является объектом недвижимого имущества, поскольку не обладает неразрывной связью с землей, и вопрос о возможности переноса данной опоры за пределы земельного участка истца без утраты технических характеристик линии электропередачи в целом не обсудил.

Вместе с тем выяснение данного вопроса имеет существенное значение для правильного разрешения возникшего спора, поскольку демонтаж части линейного объекта энергоснабжения может повлечь утрату функциональности линии электропередачи, которая в целом объектом самовольного строительства не признана, и, как следствие, нарушение прав и охраняемых законных интересов Е. как собственника объекта недвижимости «Придорожный комплекс...», законность возведения которого сторонами по делу под сомнение не ставилась.

При указанных обстоятельствах для правильного разрешения дела суду апелляционной инстанции надлежало установить обстоятельства, имеющие существенное значение, а именно: является ли самостоятельным объектом опора линии электропередачи или она лишь элемент линии электропередачи как линейного объекта (единого самостоятельного объекта недвижимости) и являются ли линейный объект (линия электропередачи) и объект «Придорожный комплекс ...» единым недвижимым комплексом, поскольку самовольной постройкой может быть признан только самостоятельный объект недвижимости.

Без установления и оценки указанных выше обстоятельств дела вынесенное судом апелляционной инстанции решение о демонтаже опоры линии электропередачи является незаконным.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшееся по делу апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 18-КГ16-61

2. Выдел доли в натуре одним из собственников земельного участка возможен только в том случае, если все образуемые при выделе земельные участки имеют площадь не менее установленных предельных минимальных размеров земельных участков соответствующего целевого назначения и вида целевого использования.

М. обратилась в суд с иском к К.А. и К.Л. о выделе дома и земельного участка, принадлежащего на праве общей долевой собственности.

Иск обоснован тем, что М. на праве собственности принадлежит 2/3 доли жилого дома и земельного участка, расположенных в Волгоградской области. Общая площадь дома согласно техническому паспорту БТИ составляет 70,1 кв.м, площадь земельного участка – 506 кв.м. Собственником 1/3 доли указанного имущества являлась К.К., умершая в декабре 2012 года. Наследником К.К. является К.А.

К.А. обратилась в суд со встречным иском к М., в котором просила разделить вышеуказанные жилой дом и земельный участок по предложенному ею варианту.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, произведен раздел дома и земельного участка. В собственность М. суд выделил земельный участок площадью 337,3 кв.м, в собственность К.А. – 168,7 кв.м.

Удовлетворяя иск о выделе земельного участка, суд исходил из фактически сложившегося порядка пользования спорным домом и земельным участком, который предполагал выделение собственникам частей дома и земельного участка без отступления от размера долей в праве собственности сторон на домовладение и земельный участок.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводом суда не согласилась по следующим основаниям.

Земельные участки образуются при разделе, объединении, перераспределении земельных участков или выделе из земельных участков, а также из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности (п. 1 ст. 11² Земельного кодекса Российской Федерации).

Согласно пп. 1 и 2 ст. 11⁵ Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) выдел земельного участка осуществляется в случае выдела доли или долей из земельного участка, находящегося в долевой собственности. При выделе земельного участка образуются один или несколько земельных участков. При этом земельный участок, из которого осуществлен выдел, сохраняется в измененных границах (измененный земельный участок).

При выделе земельного участка у участника долевой собственности, по заявлению которого осуществляется выдел земельного участка, возникает право собственности на образуемый земельный участок и указанный участник долевой собственности утрачивает право долевой собственности на измененный земельный участок. Другие участники долевой собственности сохраняют право долевой собственности на измененный земельный участок с учетом изменившегося размера их долей в праве долевой собственности.

В силу п. 3 ст. 11² ЗК РФ целевым назначением и разрешенным использованием образуемых земельных участков признаются целевое назначение и разрешенное использование земельных участков, из которых при разделе, объединении, перераспределении или выделе образуются земельные участки, за исключением случаев, установленных федеральными законами.

В соответствии с законодательством в отношении земельных участков в зависимости от их целевого назначения и разрешенного использования устанавливаются их предельные минимальные и максимальные размеры.

При выделе вновь образованные земельные участки, сохраняя целевое назначение и разрешенное использование исходного земельного участка, также должны соответствовать предельным минимальным и максимальным размерам соответствующих земельных участков.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с п. 3 ст. 252 ГК РФ суд вправе отказать в иске участнику долевой собственности о выделе его доли в натуре, если выдел невозможен без несоразмерного ущерба имуществу, находящемуся в общей собственности. Под таким ущербом следует понимать невозможность использования имущества по целевому назначению, существенное ухудшение его технического состояния либо снижение материальной или художественной ценности (например, коллекция картин, монет, библиотеки), неудобство в пользовании и т.п.

Указанные разъяснения соответствуют положениям п. 2 ч. 3 ст. 27 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном

кадастре недвижимости», согласно которому орган кадастрового учета принимает решение об отказе в постановке на учет земельного участка в случае, если размер образуемого земельного участка или земельного участка, который в результате преобразования сохраняется в измененных границах (измененный земельный участок), не будет соответствовать установленным в соответствии с федеральным законом требованиям к предельным (минимальным или максимальным) размерам земельных участков.

Из изложенных норм права следует, что выдел доли в натуре одним из собственников земельного участка возможен только в том случае, если все образуемые при выделе земельные участки имеют площадь не менее предельных минимальных размеров земельных участков соответствующего целевого назначения и вида целевого использования.

Согласно п. 1 ст. 11⁹ ЗК РФ предельные (максимальные и минимальные) размеры земельных участков, в отношении которых в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности устанавливаются градостроительные регламенты, определяются такими градостроительными регламентами.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 38 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства могут включать в себя предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры земельных участков, в том числе их площадь.

Правила землепользования и застройки утверждаются нормативными правовыми актами органов местного самоуправления (п. 8 ст. 1, п. 3 ч. 1 ст. 8 ГрК РФ).

Постановлением Волжской городской Думы Волгоградской области от 17 июня 2011 г. № 35/2 принято «Городское положение об установлении норм предоставления земельных участков на территории городского округа – город Волжский» от 29 июня 2011 г. № 164-ВГД, которым установлены предельные размеры (максимальный и минимальный) земельных участков, предоставляемых гражданам в собственность из земель, находящихся в муниципальной собственности городского округа – город Волжский Волгоградской области и государственная собственность на которые не разграничена для индивидуального жилищного строительства:

- предельный минимальный размер – 0,02 га;
- предельный максимальный размер – 0,2 га.

Образуемый земельный участок размером 168,7 кв.м, выделенный в собственность К. из исходного земельного участка, вышеуказанным требованиям не соответствует.

Однако перечисленные выше нормы закона не были учтены судом апелляционной инстанции, что привело к неправильному применению норм материального права.

Определение №16-КГ16-18

3. Действие п. 4 ст. 252 ГК РФ о возможности принудительной выплаты участнику долевой собственности денежной компенсации за его долю распространяется как на требования выделяющегося собственника, так и на требования остальных участников общей долевой собственности при конкретных обстоятельствах.

Б. обратилась в суд с иском к Г.Д. о признании доли ответчика в размере 7/100 в праве общей долевой собственности на жилое помещение незначительной и прекращении его права собственности на указанную долю, возложении на себя обязанности выплатить Г.Д. компенсацию, признании за собой права собственности на 7/100 доли квартиры, указав, что долю в квартире, которая составляет 3,1 кв. м общей площади и 1,9 кв.м жилой площади, ответчик принял в порядке наследования по праву представления, существенного интереса в использовании своей доли не имеет, в содержании и сохранении жилого помещения не участвует.

Судом установлено, что истцу принадлежит доля в размере 58/100 спорной квартиры общей площадью 44,8 кв. м. Ответчику в указанной квартире принадлежит доля в размере 7/100. Иными собственниками названной квартиры являются третьи лица – О. (21/100 доли), Г.Р. (7/100 доли), Г.Ю. (7/100 доли).

Ответчик Г.Д. требования о выделе доли не заявлял, согласия на выплату денежной компенсации не выражал, согласно пояснениям О. несет бремя содержания квартиры совместно с ней, другого недвижимого имущества не имеет.

Учитывая изложенное и отказывая в удовлетворении исковых требований, суды указали, что требования истца не основаны на законе.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судебных инстанций не согласилась по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 252 ГК РФ имущество, находящееся в долевой собственности, может быть разделено между ее участниками по соглашению между ними. Участник долевой собственности вправе требовать выдела своей доли из общего имущества (п. 2 ст. 252 ГК РФ).

При недостижении участниками долевой собственности соглашения о способе и условиях раздела общего имущества или выдела доли одного из них участник долевой собственности вправе в судебном порядке требовать выдела в натуре своей доли из общего имущества.

Если выдел доли в натуре не допускается законом или невозможен без несоразмерного ущерба имуществу, находящемуся в общей собственности, выделяющийся собственник имеет право на выплату ему стоимости его доли другими участниками долевой собственности (п. 3 ст. 252 ГК РФ).

Несоразмерность имущества, выделяемого в натуре участнику долевой собственности на основании указанной статьи, его доле в праве собственности устраняется выплатой соответствующей денежной суммы или иной компенсацией.

Выплата участнику долевой собственности остальными собственниками компенсации вместо выдела его доли в натуре допускается с его согласия. В случаях, когда доля собственника незначительна, не может быть реально выделена и он не имеет существенного интереса в использовании общего имущества, суд может и при отсутствии согласия этого собственника обязать остальных участников долевой собственности выплатить ему компенсацию (п. 4 ст. 252 ГК РФ).

С получением компенсации в соответствии с данной статьей собственник утрачивает право на долю в общем имуществе (п. 5 ст. 252 ГК РФ).

Из содержания приведенных положений ст. 252 ГК РФ следует, что участникам долевой собственности принадлежит право путем достижения соглашения о способе и условиях раздела общего имущества или выдела доли одного из них произвести между собой раздел общего имущества или выдел доли, а в случае недостижения такого соглашения – обратиться в суд за разрешением возникшего спора.

Закрепляя в п. 4 ст. 252 ГК РФ возможность принудительной выплаты участнику долевой собственности денежной компенсации за его долю, а следовательно, и утраты им права на долю в общем имуществе, законодатель исходил из исключительности таких случаев, их допустимости только при конкретных обстоятельствах и лишь в тех пределах, в каких это необходимо для восстановления нарушенных прав и законных интересов других участников долевой собственности.

Б. как участник долевой собственности обратилась с иском к сособственнику Г.Д., поскольку действие законоположений п. 4 ст. 252 ГК РФ распространяется как на требования выделяющегося собственника, так и на требования остальных участников общей долевой собственности.

Это судами учтено не было.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды исходили из того, что у ответчика имеется интерес в использовании общего имущества, поскольку он не заявлял требований о выделе доли в спорном имуществе, и что согласие на выдел доли выражено не было. Однако эти выводы не основаны на положениях п. 4 ст. 252 ГК РФ.

Ссылка судов на отсутствие у ответчика иного недвижимого имущества на территории Российской Федерации сама по себе не может являться основанием для отказа в иске.

Суды не учли, что Г.Д. проживает в другом субъекте Российской Федерации и отношений с истцом не поддерживает.

Указанные обстоятельства подтверждаются материалами дела, однако они не получили судебной оценки, как того требует ч. 4 ст. 198 ГПК РФ.

Не учли суды и то, что при решении вопроса о наличии или отсутствии реальной заинтересованности в использовании незначительной доли в общем имуществе подлежит установлению соизмеримость интереса лица в использовании общего имущества с теми неудобствами, которые его участие причинит другим (другому) собственникам.

Вопрос о том, имеет ли участник долевой собственности существенный интерес в использовании общего имущества, решается судом в каждом конкретном случае на основании исследования и оценки в совокупности представленных сторонами доказательств, подтверждающих, в частности, нуждаемость в использовании этого имущества в силу возраста, состояния здоровья, профессиональной деятельности, наличия детей, других членов семьи, в том числе нетрудоспособных, и т.д. (п. 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Поскольку эти обстоятельства не установлены и не исследованы судом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 46-КГ16-8

II. Разрешение споров, возникающих из обязательственных отношений

4. Ответственность за причинение морального вреда возлагается на лицо, причинившее вред. Доказать отсутствие вины в причинении морального вреда обязан причинитель вреда.

А. обратился в суд с иском к областному центру по борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями (далее – СПИД-Центр), городской больнице о взыскании компенсации морального вреда в размере одного миллиона рублей.

В обоснование иска А. указал, что находился на лечении в больнице с диагнозом «пневмония». Сдал кровь на анализ, после чего его выписали из больницы, не закончив лечение и не объясняя причин. Сотрудник СПИД-Центра по телефону сообщил, что по результатам анализа крови выявлена положительная реакция на ВИЧ-инфекцию. В тот же день истец явился в СПИД-Центр, где получил разъяснения относительно того, что заражен ВИЧ-инфекцией более года, данный факт ставит под угрозу жизнь его близких родственников, в связи с чем уже оповестили его жену. После этого был проведен дополнительный забор крови на выявление ВИЧ-инфекции, по результатам анализа которого каких-либо форм ВИЧ-инфекции в крови не было обнаружено. Сообщение сотрудниками СПИД-Центра жене истца о его заболевании привело к резкому ухудшению морального климата в семье и прекращению семейных отношений. Кроме того, несмотря на результаты повторного анализа, подтвердившие факт ошибки при постановке диагноза, домой к истцу в его отсутствие пришли сотрудники СПИД-Центра, сообщившие его отцу, что целью визита является контроль состояния истца, больного ВИЧ-инфекцией. Разговор состоялся на лестничной площадке, в результате чего свидетелями этого стали соседи. На протяжении всего времени с момента извещения по телефону о заболевании истец испытывал сильные нравственные страдания.

Разрешая спор по существу, суд первой инстанции исходил из того, что представленными доказательствами не установлена вина конкретных сотрудников медицинских учреждений, неправильные или некомпетентные действия которых привели к постановке ошибочного диагноза при проведении анализа крови истца. Обстоятельства забора крови у истца и у проходившего в больнице в тот же период времени лечение ВИЧ-инфицированного больного Р. исключают возможность подмены контейнеров с кровью. Факта наличия в имеющемся в СПИД-Центре контейнере с надписью фамилии истца А. сыворотки крови, содержащей ВИЧ-инфекцию, недостаточно для возложения на ответчиков гражданско-правовой ответственности по компенсации морального вреда, поскольку вина медицинских работников достоверно не установлена, а первоначальной постановкой ошибочного диагноза какой-либо фактический вред жизни или здоровью истца причинен не был. Истец перенес нравственные страдания в результате доведения до него информации о возможном присутствии в его организме ВИЧ-инфекции. Однако в силу ст. 13 Федерального закона от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» врач СПИД-Центра обязан был довести до него указанную информацию. При заборе крови для проведения обследования на ВИЧ-инфекцию истец предупреждался о возможности получения ложноположительных и ложноотрицательных результатов тестирования.

Суд второй инстанции поддержал позицию районного суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

Судом установлено, что медицинскими работниками больницы у истца был произведен забор крови, направленной для проведения исследований на наличие ВИЧ-инфекции в СПИД-Центр. Контейнер с сывороткой крови, в которой СПИД-Центром выявлена ВИЧ-инфекция, был маркирован фамилией истца, однако последующие анализы наличие у А. соответствующего заболевания не подтвердили. Ошибочный диагноз был поставлен истцу не в результате ложноположительного тестирования, а вследствие поступления на исследование не принадлежащего истцу образца крови, маркированного его фамилией.

Факт причинения истцу нравственных страданий сообщением ему о постановке диагноза «ВИЧ-инфекция» является очевидным.

В силу п. 1 ст. 1099 ГК РФ основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными гл. 59 и ст. 151 данного кодекса.

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда (ст. 151 ГК РФ).

Статьей 1064 ГК РФ установлено, что ответственность за причинение вреда возлагается на лицо, причинившее вред, если оно не докажет отсутствие своей вины.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», установленная указанной нормой презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия своей вины должны представить сами ответчики.

В силу ч. 1 ст. 56 ГПК РФ сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

В соответствии с ч. 2 данной статьи суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что не доказана вина сотрудников больницы или СПИД-Центра, неправильные

или некомпетентные действия которых привели к постановке ошибочного диагноза, нарушив нормы материального права и необоснованно возложив обязанность по доказыванию вины ответчиков на истца.

В то же время в соответствии с положениями ст. 1064 ГК РФ именно на ответчиков должна была быть возложена обязанность представить доказательства отсутствия вины медицинских учреждений в совершении действий, выразившихся в маркировке контейнера с сывороткой крови, не принадлежащей истцу и содержащей ВИЧ-инфекцию, фамилией истца.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшееся по делу апелляционное определение, направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 77-КГ 16-3

5. При заключении договора участия в долевом строительстве застройщик обязан предоставить участнику долевого строительства полную достоверную информацию о потребительских свойствах и характеристиках конкретного объекта долевого строительства и описание местоположения строящегося объекта недвижимости с учетом окружающей обстановки, а также сведения о составе и месте расположения общего имущества в многоквартирном доме (например, электрического, санитарно-технического, иного оборудования).

М. обратилась в суд с иском к обществу, в котором просила возложить на ответчика обязанность заменить подлежащий передаче ей объект долевого строительства в виде однокомнатной квартиры на равнозначный, а также взыскать компенсацию морального вреда, штраф за отказ добровольно удовлетворить требование потребителя и возместить расходы на оплату услуг представителя.

В обоснование заявленных требований истец указала, что общество при заключении договора участия в долевом строительстве не довело до ее сведения информацию о возможности наличия в объекте долевого строительства существенного недостатка, заключающегося в расположении газорегуляторного пункта шкафного типа (ГРПШ) на расстоянии менее метра от окна названного выше объекта. Между тем такая информация имела бы существенное значение при выборе истцом объекта долевого строительства, поскольку квартира расположена на первом этаже и вид из окна имел определяющее значение при выборе местоположения объекта в жилом доме. Кроме того, ввод в эксплуатацию ГРПШ относится к газоопасным работам и, располагаясь в непосредственной близости от жилого помещения – под окном, создает опасность для проживания в нем людей. В добровольном порядке ответчик устранить недостаток, а также заменить объект долевого строительства на

равнозначный отказался. Ввиду этого М. полагала, что действиями (бездействием) общества нарушены ее права потребителя и ей причинен моральный вред.

Ответчик искивые требования не признал, полагая, что разрешение на ввод жилого дома в эксплуатацию, полученное в порядке и в соответствии со ст. 55 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), подтверждает соответствие построенного жилого дома строительным нормам и правилам и иным техническим регламентам, а также то, что качество жилья является пригодным для проживания в нем граждан.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в части отказа в удовлетворении иска о компенсации морального вреда, взыскании штрафа и судебных расходов и направила дело в этой части на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Согласно п. 1 ст. 10 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

В п. 2 той же статьи содержится перечень тех сведений, которые (с учетом особенностей правового статуса отдельных видов товаров) должны в обязательном порядке содержать информацию о товаре, доводимую изготовителем (исполнителем, продавцом) до потребителя.

В соответствии с п. 3 ст. 10 Закона о защите прав потребителя информация, предусмотренная п. 2 данной статьи, доводится до сведения потребителей в технической документации, прилагаемой к товарам (работам, услугам), на этикетках, маркировкой или иным способом, принятым для отдельных видов товаров (работ, услуг); информация об обязательном подтверждении соответствия товаров представляется в порядке и способами, которые установлены законодательством Российской Федерации о техническом регулировании, и включает в себя сведения о номере документа, подтверждающего такое соответствие, о сроке его действия и об организации, его выдавшей.

Таким образом, действующее законодательство обязывает продавца предоставить потребителю своевременно (то есть до заключения соответствующего договора) такую информацию о товаре, которая обеспечивала бы возможность свободного и правильного выбора товара покупателем, исключая возникновение у последнего какого-либо сомнения относительно потребительских свойств и характеристик товара, правил и условий его эффективного использования.

При этом согласно ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об участии в долевом строительстве) объектом долевого строительства признается жилое или нежилое помещение, общее имущество в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, подлежащие передаче участнику долевого строительства после получения разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и входящие в состав указанного многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости, строящихся (создаваемых) также с привлечением денежных средств участников долевого строительства.

В соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 4 Закона об участии в долевом строительстве договор участия в долевом строительстве должен содержать определение подлежащего передаче конкретного объекта долевого строительства в соответствии с проектной документацией застройщиком после получения им разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

Исходя из содержания ст. 19 Закона об участии в долевом строительстве застройщик обязан предоставлять информацию о проекте строительства, а также о фактах внесения изменений в проектную документацию.

В ч. 1 ст. 21 Закона об участии в долевом строительстве установлено, что информация о проекте строительства должна соответствовать проектной документации и содержать в том числе информацию о местоположении строящихся (создаваемых) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и об их описании, подготовленном в соответствии с проектной документацией, на основании которой выдано разрешение на строительство; о функциональном назначении нежилых помещений в многоквартирном доме, не входящих в состав общего имущества в многоквартирном доме, если строящимся (создаваемым) объектом недвижимости является многоквартирный дом; о составе общего имущества в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, которое будет находиться в общей долевой собственности участников долевого строительства после получения разрешения на ввод в эксплуатацию указанных объектов недвижимости и передачи объектов долевого строительства участникам долевого строительства.

Из анализа приведенных выше правовых норм следует, что при заключении договора участия в долевом строительстве застройщик обязан предоставить участнику долевого строительства достоверную информацию не только о потребительских свойствах и характеристиках конкретного объекта долевого строительства (в данном случае квартиры), подлежащего передаче в сроки, установленные договором, но и иную информацию относительно строящегося многоквартирного дома, которая

обеспечивала бы участнику долевого строительства возможность свободного и правильного выбора соответствующего помещения в строящемся объекте.

При этом к указанной информации следует отнести описание местоположения строящегося объекта недвижимости с учетом окружающей обстановки, а также сведения о составе и месте расположения общего имущества в многоквартирном доме, например, электрического, санитарно-технического и иного оборудования.

В нарушение названных выше норм материального права судами не учтено, что ни в заключенном между сторонами договоре участия в долевом строительстве, ни в проектной либо иной доступной на момент заключения этого договора для ознакомления М. документации, содержащей описание объекта долевого строительства, не содержались сведения о размещении в непосредственной близости – под окнами этого объекта – ГРПШ.

Следовательно, при заключении договора участия в долевом строительстве ответчиком не была предоставлена М. необходимая и достоверная информация о строящемся объекте, которая позволила бы истцу как потребителю осуществить свободный и осознанный выбор объекта среди объектов аналогичного потребительского назначения.

При таких обстоятельствах выводы судов о том, что не были нарушены права М. на получение информации о качестве передаваемого объекта, которая включает и параметры, перечисленные в ст. 21 Закона об участии в долевом строительстве, и, как следствие, права на получение квартиры надлежащего качества в соответствии с условиями договора участия в долевом строительстве, противоречат приведенным выше нормам материального права.

Рассматривая вопрос о способе восстановления нарушенного права истца, следовало исходить из того, что согласно п. 2 ст. 12 Закона о защите прав потребителей продавец (исполнитель), не предоставивший покупателю полной и достоверной информации о товаре (работе, услуге), несет ответственность, предусмотренную пп. 1–4 ст. 18 или п. 1 ст. 29 данного закона, за недостатки товара (работы, услуги), возникшие после его передачи потребителю вследствие отсутствия у него такой информации.

В то же время Закон об участии в долевом строительстве предусматривает иной порядок восстановления нарушенных прав. Так, согласно ч. 1 ст. 7 Закона об участии в долевом строительстве застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

В соответствии с ч. 2 названной статьи в случае, если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 данной статьи обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика:

- 1) безвозмездного устранения недостатков в разумный срок;
- 2) соразмерного уменьшения цены договора;
- 3) возмещения своих расходов на устранение недостатков.

Согласно ч. 3 той же статьи в случае существенного нарушения требований к качеству объекта долевого строительства или неустранения выявленных недостатков в установленный участником долевого строительства разумный срок участник долевого строительства в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора и потребовать от застройщика возврата денежных средств и уплаты процентов в соответствии с ч. 2 ст. 9 данного федерального закона.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 9 Закона об участии в долевом строительстве участник долевого строительства в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора в случае существенного нарушения требований к качеству объекта долевого строительства.

Таким образом, правовые нормы Закона о защите прав потребителей и Закона об участии в долевом строительстве предусматривают различные способы восстановления нарушенных прав потребителя – участника долевого строительства в случае, если объект долевого строительства построен с отступлением от условий заключенного договора, приведшим к ухудшению качества такого объекта.

Поскольку в данном случае нормы Закона об участии в долевом строительстве являются специальными по отношению к нормам Закона о защите прав потребителей, то подлежат применению нормы первого из указанных законов.

В ч. 3 ст. 196 ГПК РФ предусмотрено, что суд принимает решение по заявленным истцом требованиям.

М. в качестве способа защиты своего права как участника долевого строительства заявлено требование о замене подлежащего передаче ей объекта долевого строительства на равнозначный, что не предусмотрено Законом об участии в долевом строительстве.

Выводы судов об отказе в удовлетворении требований М. о замене подлежащего передаче ей объекта долевого строительства на равнозначный Судебная коллегия признала правильными.

Между тем исходя из положений ст. 15 Закона о защите прав потребителей выводы судов об отказе в удовлетворении исковых требований о компенсации морального вреда при наличии нарушений прав

М. как потребителя и участника долевого строительства не соответствуют нормам материального права.

При таких обстоятельствах судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций в части отказа в удовлетворении иска о компенсации морального вреда, взыскании штрафа и судебных расходов Судебной коллегией были отменены.

Определение № 5-КГ16-47

6. Условие договора возмездного оказания услуг, заключенного с потребителем, устанавливающее санкцию за отказ заказчика от услуг исполнителя, ничтожно.

Общество обратилось в суд с иском к Л. о взыскании неустойки, указав, что между сторонами заключен договор оказания услуг по покупке объекта недвижимого имущества, ответчик отказалась от исполнения его условий.

В соответствии с условием договора оказания услуг по покупке объекта недвижимого имущества в случае невыполнения заказчиком условий договора (например, отказ или уклонение от приобретения земельного участка) или нарушения заказчиком обязанностей, принятых на себя согласно данному договору, заказчик обязуется уплатить исполнителю неустойку в установленном договором размере в течение трех календарных дней с момента заявления соответствующего требования исполнителем.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу об отказе в удовлетворении исковых требований в связи с отсутствием доказательств несения обществом фактических расходов при исполнении договора, заключенного с Л., указав, что неустойка не относится к фактическим расходам.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции исходил из того, что Л. не исполнены обязательства, установленные договором оказания услуг по покупке объекта недвижимого имущества, в связи с чем имеются основания для взыскания с нее в пользу общества неустойки.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

При рассмотрении дела судом установлено, что между сторонами заключен договор возмездного оказания услуг.

Согласно п. 1 ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

В соответствии с п. 1 ст. 310 ГК РФ односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных данным кодексом, другими законами или иными правовыми актами.

Отношения, одной из сторон которых выступает гражданин, использующий, приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а другой – организация либо индивидуальный предприниматель (изготовитель, исполнитель, продавец, импортер), осуществляющие продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг, являются отношениями, регулируемыми Гражданским кодексом Российской Федерации, Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»).

На отношения, связанные с осуществлением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями посреднических услуг на рынке сделок с недвижимостью (риэлтерские услуги, заключающиеся, в частности, в подборе вариантов объектов недвижимости для их последующей купли-продажи, аренды гражданами для целей, не связанных с предпринимательской деятельностью, помощи в заключении указанными гражданами сделок по купле-продаже и иных сделок в отношении объектов недвижимости, организации продажи объектов недвижимости по поручению данных граждан), распространяется действие Закона о защите прав потребителей (п. 11 названного постановления Пленума).

В силу ст. 782 ГК РФ заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов.

Аналогичные положения содержатся в ст. 32 Закона о защите прав потребителей, в соответствии с которыми потребитель вправе отказаться от исполнения договора о выполнении работ (оказании услуг) в любое время при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, связанных с исполнением обязательств по данному договору.

Какие-либо иные правовые последствия одностороннего отказа от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг законом не предусмотрены, не могут они быть определены и договором.

Условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (п. 4 ст. 421 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующими в момент его заключения.

В п. 1 ст. 168 ГК РФ закреплено, что за исключением случаев, предусмотренных п. 2 данной статьи или иным законом, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (п. 2).

Как разъяснено в п. 76 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ничтожными являются условия сделки, заключенной с потребителем, не соответствующие актам, содержащим нормы гражданского права, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (ст. 3, пп. 4 и 5 ст. 426 ГК РФ), а также условия сделки, при совершении которой был нарушен явно выраженный законодательный запрет ограничения прав потребителей.

В силу п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными.

С учетом приведенных норм права условие договора оказания услуг по покупке объекта недвижимого имущества, закрепляющее обязанность ответчика по выплате истцу неустойки в случае отказа от исполнения договора, то есть устанавливающее санкцию за отказ заказчика от услуг исполнителя, ущемляет предусмотренное законом право истца (потребителя) в любое время отказаться от оказания услуги и возместить ответчику (исполнителю) понесенные расходы.

В связи с этим данный пункт договора не соответствует требованиям перечисленных правовых норм и его положения не могли применяться судом при разрешении данного спора.

Определение № 4-КГ16-9

7. На отношения, возникающие из агентского договора на приобретение для физического лица и за его счет на рынке по его

поручению ценных бумаг с целью получения прибыли, положения законодательства о защите прав потребителей не распространяются.

При наличии в договоре согласованного сторонами условия о подсудности споров иски предъявляются по правилам договорной подсудности.

О. обратился по месту своего жительства в суд с иском к Банку (агенту) о понуждении к заключению договора купли-продажи ценных бумаг и взыскании денежной суммы.

В обоснование требований истец указал, что в соответствии с заключенным агентским договором Банк приобрел за счет средств истца и на его имя ценные бумаги – кредитные ноты (сертификаты участия в кредите) иностранного эмитента.

В тот же день между сторонами был заключен договор, по которому Банк обязался после наступления определенной даты по заявке истца найти покупателя на эти ценные бумаги, а в противном случае – выкупить эти бумаги.

Поскольку покупатель Банком не был подыскан, а в добровольном порядке Банк выкуп ценных бумаг не произвел, истец, ссылаясь на условия договора, а также на положения Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей), просил суд обязать Банк выкупить названные кредитные ноты и выплатить истцу согласованную сумму.

Разрешая спор по месту нахождения истца и удовлетворяя требования о выкупе кредитных нот по цене, включающей накопленный купонный доход, суд первой инстанции исходил из того, что на данные правоотношения распространяется действие Закона о защите прав потребителей.

С такими выводами согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судебных инстанций сделаны с нарушением норм материального и процессуального права.

Как следует из искового заявления и материалов дела, заключенные между истцом и Банком агентский договор, договор о выкупе ценных бумаг, поручение на приобретение ценных бумаг, договор купли-продажи кредитных нот истцом не оспаривались.

Напротив, требования основаны на действительности указанных сделок и необходимости их исполнения ответчиком.

Согласно преамбуле Закона о защите прав потребителей данный закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг). Потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий,

приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Аналогичное разъяснение содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».

Таким образом, обязательным условием признания гражданина потребителем является приобретение таким гражданином товаров (работ, услуг) исключительно для личных (бытовых) нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

То, что истец является физическим лицом и не имеет статуса индивидуального предпринимателя, само по себе не означает безусловно, что заключенные сделки направлены на удовлетворение личных бытовых нужд.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о рынке ценных бумаг) данный закон регулирует отношения, возникающие при эмиссии и обращении эмиссионных ценных бумаг независимо от типа эмитента, при обращении иных ценных бумаг в случаях, предусмотренных федеральными законами, а также особенности создания и деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Исходя из обстоятельств, на которых основаны требования истца, им с Банком заключен агентский договор на приобретение для истца и за его счет на рынке по его поручению ценных бумаг с целью получения прибыли. При этом истцом удостоверено то, что он уведомлен о рисках, связанных с операциями на рынке ценных бумаг.

При таких обстоятельствах выводы судебных инстанций о том, что заключенные истцом сделки носят личный, бытовой характер и не связаны с вложением денежных средств в рискованные операции с целью извлечения прибыли, не соответствуют установленным судом обстоятельствам дела.

С учетом изложенного выводы судебных инстанций о применении к спорным отношениям Закона о защите прав потребителей являются ошибочными.

Кроме того, указанная ошибка в применении норм материального права повлекла за собой существенное нарушение норм процессуального права.

В соответствии с ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

По общему правилу, установленному ст. 28 ГПК РФ, иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика. Иск к организации предъявляется в суд по месту нахождения организации.

Местом нахождения ответчика является адрес, относящийся к подсудности Басманного районного суда г. Москвы.

Согласно ст. 32 указанного выше кодекса стороны могут по соглашению между собой изменить территориальную подсудность для данного дела до принятия его судом к своему производству, за исключением подсудности, установленной ст. 26, 27 и 30 этого кодекса.

Договором о выкупе ценных бумаг, заключенным сторонами, предусмотрено, что все споры, возникающие между сторонами из договора или в связи с ним, подлежат рассмотрению в Басманном районном суде г. Москвы.

Таким образом, данное дело подсудно Басманному районному суду г. Москвы.

Между тем, ошибочно применяя к спорным отношениям Закон о защите прав потребителей, судебные инстанции исходили из положений ч. 7 ст. 29 ГПК РФ, устанавливающих, что иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены также в суд по месту жительства или месту пребывания истца либо по месту заключения или месту исполнения договора.

При таких обстоятельствах данное дело рассмотрено с нарушением подсудности.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшееся по делу решение суда и апелляционное определение, а дело в целях реализации законного права на рассмотрение дела тем судом, которому оно подсудно, направила на новое рассмотрение в Басманный районный суд г. Москвы.

Определение № 75-КГ16-2

8. Право на отказ потребителя от исполнения договора купли-продажи в отношении технически сложного товара предоставляется при невозможности использовать технически сложный товар вследствие неоднократного устранения его различных недостатков в течение более тридцати дней каждого года гарантийного срока, то есть в любом году такого срока.

Б. обратился в суд с иском к автоцентру о защите прав потребителя, указав, что между ним и автоцентром был заключен договор купли-продажи автомобиля. Ссылаясь на наличие существенного недостатка в проданном ему транспортном средстве, истец просил расторгнуть договор купли-продажи, взыскать с автоцентра уплаченную за автомобиль сумму, проценты по заключенному для приобретения автомобиля кредитному договору, уплаченную при этом страховую премию, страховую премию по договору страхования автомобиля по рискам КАСКО, неустойку, компенсацию морального вреда, штраф в соответствии с Законом

Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей).

Судом установлено, что 5 ноября 2013 г. между Б. и автоцентром заключен договор купли-продажи автомобиля. На приобретенный автомобиль установлен гарантийный срок – 36 месяцев или 50 тысяч километров пробега.

В период гарантийного срока в автомобиле неоднократно проявлялись недостатки, в результате чего транспортное средство находилось на ремонте, в том числе в течение первого года гарантийного обслуживания более тридцати дней.

Удовлетворяя искивые требования Б., суд первой инстанции, принимая во внимание неоднократность замены генератора, коробки переключения передач и нахождение автомобиля на ремонте свыше одного месяца в течение года, исходил из наличия у автомобиля существенного недостатка.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции сослался на отсутствие недостатков, которые проявлялись бы вновь после их устранения. При оценке доводов истца о невозможности использовать приобретенное транспортное средство в течение первого года эксплуатации более тридцати дней суд апелляционной инстанции указал, что в силу ст. 18 Закона о защите прав потребителей для отказа от исполнения договора купли-продажи автомобиль должен находиться на ремонте в совокупности более тридцати дней в течение каждого года гарантийного срока, а не только в течение первого года эксплуатации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции ошибочными, отменила состоявшееся по делу апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Согласно ст. 18 Закона о защите прав потребителей в отношении технически сложного товара потребитель в случае обнаружения в нем недостатков вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за такой товар суммы либо предъявить требование о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены в течение пятнадцати дней со дня передачи потребителю такого товара.

По истечении этого срока указанные требования подлежат удовлетворению, в частности в случае обнаружения существенного недостатка товара.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав

потребителей», под существенным недостатком товара (работы, услуги), при возникновении которого наступают правовые последствия, предусмотренные ст. 18 и 29 Закона о защите прав потребителей, следует понимать в том числе недостаток товара (работы, услуги), выявленный неоднократно, – различные недостатки всего товара, выявленные более одного раза, каждый из которых в отдельности делает товар (работу, услугу) не соответствующим обязательным требованиям, предусмотренным законом или в установленном им порядке, либо условиям договора (при их отсутствии или неполноте условий – обычно предъявляемым требованиям), и приводит к невозможности или недопустимости использования данного товара (работы, услуги) в целях, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или в целях, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или образцу и (или) описанию при продаже товара по образцу и (или) по описанию.

Таким образом, в силу приведенного разъяснения к недостатку, который выявляется неоднократно, относятся различные недостатки, выявляемые во всем товаре, при этом каждый из указанных недостатков товара в отдельности должен делать товар не соответствующим или обязательным требованиям, предусмотренным законом, или условиям договора, или целям, для которых товар такого рода обычно используется.

Согласно заключению эксперта в автомобиле истца выявлено низкое напряжение в бортовой сети, которое является неисправностью производственного характера. Данная неисправность, связанная с недостатком питания электросети, уже неоднократно приводила к ремонту автомобиля.

Как следует из материалов дела, в автомобиле 24 декабря 2013 г. была произведена замена генератора, 14 марта 2014 г. – ремонт коробки передач, 8 апреля 2014 г. – замена выключателей стопсигналов.

23 апреля 2014 г. Б. обратился в автоцентр для устранения неполадок в системе электронного контроля устойчивости, которые выразились в самопроизвольном торможении автомобиля во время движения. При прохождении технического обслуживания неисправности устранены не были.

4 мая 2014 г. в автомобиле произведена замена соединителя вращающегося устройства.

22 мая 2014 г. истец обратился за устранением дефектов системы электронного контроля устойчивости, чехла рычага коробки передач и антигравийных наклеек. Ответчиком произведена замена катушек зажигания и чехла ручки коробки передач.

21 июля 2014 г. в автомобиле произведена повторная замена генератора, 5 августа 2014 г. – замена ремня натяжения генератора.

Между тем суд апелляционной инстанции, не расценивая недостаток автомобиля как существенный, оценки тому обстоятельству, насколько

устранявшиеся при гарантийных ремонтах недостатки могут препятствовать использованию автомобиля истца по целевому назначению, не дал и не учел, что недостатком товара, выявленным неоднократно, являются различные недостатки всего товара, выявленные более одного раза, каждый из которых в отдельности делает товар не соответствующим обязательным требованиям, предусмотренным законом, либо условиям договора и приводит к невозможности или недопустимости использования данного товара в целях, для которых товар такого рода обычно используется.

Кроме того, ст. 18 Закона о защите прав потребителей в качестве основания для отказа от исполнения договора купли-продажи технически сложного товара предусмотрена невозможность его использования в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем тридцать дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков.

Право на отказ от исполнения договора купли-продажи в отношении технически сложного товара, по смыслу приведенной нормы, предоставляется при невозможности использовать технически сложный товар вследствие неоднократного устранения его различных недостатков в течение более тридцати дней каждого года гарантийного срока, то есть в любом году такого срока.

Судом установлено, что в период с 8 ноября 2013 г. по 4 августа 2014 г., то есть в течение первого года гарантийного использования, автомобиль находился на гарантийном ремонте 11 раз, всего более тридцати дней. При этом осуществлялись повторный ремонт генератора, повторный ремонт коробки переключения передач, системы электронного контроля устойчивости.

Выводы суда апелляционной инстанции о том, что для возникновения у истца права на отказ от исполнения договора купли-продажи автомобиль должен находиться в ремонте в каждый год гарантийного срока в течение более чем тридцать дней в каждом из них, а нахождение транспортного средства на ремонте в течение указанного срока только в первом году гарантии основанием для расторжения договора не является, основаны на ошибочном толковании закона.

Определение № 16-КГ16-19

9. Наличие возможности устранить недостаток технически сложного товара само по себе не означает, что такой недостаток не является существенным недостатком товара. К существенным недостаткам товара закон относит также и те, устранение которых требует несоразмерных расходов или несоразмерных затрат времени.

В. обратилась в суд с иском к автодилеру об отказе от договора купли-продажи автомобиля, возврате уплаченной за него денежной суммы, взыскании неустойки и компенсации морального вреда.

В обоснование требований истец указала, что приобрела у автодилера по договору купли-продажи автомобиль.

В течение гарантийного срока на автомобиле были обнаружены дефекты лакокрасочного покрытия, а именно многочисленные точечные сколы по всему кузову автомобиля, нарушение целостности лакокрасочного покрытия в непосредственном прилегании дверных ручек к дверям, а также очаги ржавчины на лицевых поверхностях автомобиля под лаковым покрытием с нарушением слоев грунта и краски под ним.

В связи с этим истец обратилась к автодилеру с требованием об отказе от договора купли-продажи и возврате денежных средств. Ответчиком был организован осмотр транспортного средства. Согласно акту технической диагностики автомобиля, составленному специалистами ответчика, заявленные истцом дефекты являются производственными, признано наличие нарушения лакокрасочного покрытия под ручкой открывания передней левой двери, предложен ремонт – перекраска двери.

Не согласившись с результатами осмотра, истец обратилась в центр экспертизы автомобилей для проведения автотехнического исследования транспортного средства. Согласно заключению специалиста этого учреждения нарушения лакокрасочного покрытия автомобиля являются производственным дефектом. Лакокрасочное покрытие не соответствует существующим нормам и стандартам, его отслоение происходит по причине низкой адгезии, что является производственным браком.

После получения указанного заключения В. повторно направила претензию в адрес ответчика, в удовлетворении которой ей отказано.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично: расторгнут договор купли-продажи транспортного средства, заключенный между В. и автодилером, в пользу истца взысканы денежная сумма в размере стоимости автомобиля и дополнительного оборудования, неустойка, компенсация морального вреда, штраф и судебные издержки.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Права покупателя в случае продажи ему товара ненадлежащего качества закреплены в ст. 503 ГК РФ, п. 3 которой установлено, что в отношении технически сложного товара покупатель вправе потребовать его замены или отказаться от исполнения договора розничной купли-

продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы в случае существенного нарушения требований к его качеству.

В соответствии с п. 2 ст. 476 ГК РФ в отношении товара, на который продавцом предоставлена гарантия качества, продавец отвечает за недостатки товара, если не докажет, что недостатки товара возникли после его передачи покупателю вследствие нарушения покупателем правил пользования товаром или его хранения, либо действий третьих лиц, либо непреодолимой силы.

В число технически сложных товаров, перечень которых утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 10 ноября 2011 г. № 924, входят легковые автомобили.

Статьей 9 Федерального закона от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» установлено, что в случаях, когда одной из сторон в обязательстве является гражданин, использующий, приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) для личных бытовых нужд, такой гражданин пользуется правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, а также правами, предоставленными потребителю Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей» и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами.

Согласно ст. 18 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) в отношении технически сложного товара потребитель в случае обнаружения в нем недостатков вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за такой товар суммы либо предъявить требование о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены в течение пятнадцати дней со дня передачи потребителю такого товара.

По истечении этого срока указанные требования подлежат удовлетворению в одном из следующих случаев: обнаружение существенного недостатка товара; нарушение установленных данным законом сроков устранения недостатков товара; невозможность использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем тридцать дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков (п. 1).

В отношении товара, на который установлен гарантийный срок, продавец (изготовитель), уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер отвечает за недостатки товара, если не докажет, что они возникли после передачи товара потребителю вследствие нарушения потребителем правил использования, хранения или транспортировки товара, действий третьих лиц или непреодолимой силы (п. 6).

Частью 1 ст. 79 ГПК РФ предусмотрено, что в случае возникновения в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам.

По данному делу определением суда была назначена автотехническая экспертиза.

Согласно заключению экспертов судебно-экспертного учреждения на капоте, переднем и заднем бампере, раме передней левой двери, раме передней правой двери, двери багажного отделения, заднем крыле, задней правой двери, крыше кузова автомобиля, принадлежащего истцу, имеются повреждения лакокрасочного покрытия на указанных участках различной степени выраженности. Причиной образования указанных повреждений является скрытый производственный дефект (слабое лакокрасочное покрытие), проявившийся в процессе эксплуатации автомобиля при механическом воздействии мелких твердых частиц, отлетающих от дорожного покрытия. Твердость лакокрасочного покрытия автомобиля в указанных местах является низкой, нарушает допустимые требования международных и государственных стандартов и отраслевых нормативно-технических документов. Показатель твердости лакокрасочного покрытия ниже допустимых значений является производственным дефектом. Кроме того, имеет место низкая твердость и отсутствие слоя грунта на переднем и заднем бамперах автомобиля. Устранение выявленных дефектов лакокрасочного покрытия автомобиля возможно только путем замены кузова автомобиля, решить вопрос о стоимости устранения имеющихся повреждений не представляется возможным в связи с тем, что для указанных автомобилей не предусмотрена поставка запасных частей кузова в окрашенном металле.

Выводы эксперта совпадают с заключением центра экспертизы автомобилей, представленным истцом при обращении с иском в суд.

Данные выводы эксперты судебно-экспертного учреждения подтвердили при их допросе в судебном заседании суда первой инстанции.

Суд первой инстанции, частично удовлетворяя исковые требования, дал оценку всем доказательствам в их совокупности и пришел к выводу о том, что недостаток приобретенного истцом автомобиля является существенным, поскольку полное его устранение возможно только путем замены кузова.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решения суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований, сослался на то, что недостатки автомобиля являются устранимыми, поскольку окраска автомобиля в условиях ремонтной мастерской возможна в принципе.

При этом суд апелляционной инстанции указал, что неустранимость недостатка экспертами не обоснована.

Между тем под существенным недостатком товара (работы, услуги) согласно преамбуле Закона о защите прав потребителей понимается неустранимый недостаток или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляется неоднократно, или проявляется вновь после его устранения, или другой подобный недостаток.

В п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» разъяснено, что неустранимый недостаток товара (работы, услуги) – это недостаток, который не может быть устранен посредством проведения мероприятий по его устранению с целью приведения товара (работы, услуги) в соответствие с обязательными требованиями, предусмотренными законом или в установленном им порядке, или условиями договора (при их отсутствии или неполноте условий – обычно предъявляемыми требованиями), приводящий к невозможности или недопустимости использования данного товара (работы, услуги) в целях, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или в целях, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или образцом и (или) описанием при продаже товара по образцу и (или) по описанию.

Недостаток товара (работы, услуги), который не может быть устранен без несоразмерных расходов, – недостаток, расходы на устранение которого приближены к стоимости или превышают стоимость самого товара (работы, услуги) либо выгоду, которая могла бы быть получена потребителем от его использования.

В отношении технически сложного товара несоразмерность расходов на устранение недостатков товара определяется судом исходя из особенностей товара, цены товара либо иных его свойств.

Недостаток товара (работы, услуги), который не может быть устранен без несоразмерной затраты времени, – недостаток, на устранение которого затрачивается время, превышающее установленный соглашением сторон в письменной форме и ограниченный сорока пятью днями срок устранения недостатка товара, а если такой срок соглашением сторон не определен, – время, превышающее минимальный срок, объективно необходимый для устранения данного недостатка обычно применяемым способом.

Из приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что наличие принципиальной возможности устранения недостатка само по себе не означает, что такой недостаток не является существенным.

К существенным недостаткам закон относит также и те, устранение которых требует несоразмерных расходов или несоразмерных затрат времени.

В п. 28 названного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации указано, что при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 231, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ).

Исключения составляют случаи продажи товара (выполнения работы, оказания услуги) ненадлежащего качества, когда распределение бремени доказывания зависит от того, был ли установлен на товар (работу, услугу) гарантийный срок, а также от времени обнаружения недостатков (п. 6 ст. 18, пп. 5 и 6 ст. 19, пп. 4, 5 и 6 ст. 29 Закона о защите прав потребителей).

Как установил суд по данному делу, дефект окраски автомобиля выявился в период гарантийного срока.

Из заключения судебных экспертов, а также из досудебного заключения специалистов следует, что для устранения дефекта требуется замена всего кузова на кузов с надлежащей заводской грунтовкой и окраской.

Кроме того, экспертами указано, что поставка запчастей в виде окрашенного заводским способом кузова для данной модели не предусмотрена.

В силу приведенных выше положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации обязанность доказать обстоятельства, освобождающие продавца от ответственности, в том числе то, что дефект является производственным, либо то, что он является устранимым без несоразмерных расходов и затрат времени, лежит на продавце.

Суд апелляционной инстанции без указания мотивов и без оценки доказательств отверг выводы экспертов о том, что восстановление надлежащей заводской грунтовки и окраски автомобиля путем его окраски в ремонтной мастерской невозможно, привести автомобиль в надлежащее состояние возможно только путем замены кузова.

Доказательств, опровергающих выводы эксперта и подтверждающих устранимость дефекта окраски без несоразмерных расходов и несоразмерных затрат времени, продавцом не представлено.

Определение № 83-КГ16-3

10. При отсутствии в договоре поручительства срока, на который оно дано, и при пропуске кредитором установленного законом годичного срока для предъявления требований к поручителю поручительство прекращается.

Банк 17 января 2013 г. обратился в суд к С. с иском о взыскании задолженности, в обоснование которого указал, что по договору, заключенному 27 июля 2010 г. между банком и обществом, последнему была предоставлена кредитная линия со сроком возврата 21 июля 2015 г.

В тот же день банк заключил со С. договор поручительства, по которому последний обязался отвечать перед заимодавцем в полном объеме за исполнение обществом обязательств по договору займа.

Решением арбитражного суда от 19 марта 2012 г. общество признано банкротом, в отношении его открыто конкурсное производство.

В связи с неисполнением заемщиком (обществом) договорных обязательств банк просил взыскать задолженность с поручителя С.

Суд первой инстанции, разрешая спор и принимая решение об удовлетворении исковых требований, пришел к выводу о наличии у ответчика как у поручителя солидарного с обществом обязательства по уплате образовавшейся задолженности.

При этом суд исходил из действительности поручительства в пределах его срока, поскольку договор поручительства действует до момента полного исполнения сторонами принятых на себя обязательств, при этом кредитный договор от 27 июля 2010 г. был заключен сроком на пять лет, то есть до 27 июля 2015 г., и обязательства по нему не исполнены.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, изменив резолютивную часть решения суда лишь в части указания на солидарный характер обязательства ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с существенными нарушениями норм материального права.

В соответствии со ст. 361 ГК РФ (здесь и далее статьи ГК РФ приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений) по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части.

В силу п. 4 ст. 367 ГК РФ поручительство прекращается по истечении указанного в договоре поручительства срока, на который оно дано. Если такой срок не установлен, оно прекращается, если кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иска к поручителю.

Данная норма о прекращении поручительства в случае отсутствия в договоре условия о сроке поручительства и пропуске кредитором годичного срока для предъявления требований к поручителю является императивной.

При этом условие о действии договора поручительства до фактического исполнения основного обязательства не является условием о

сроке поручительства, предусмотренном п. 4 ст. 367 ГК РФ, поскольку в соответствии со ст. 190 данного кодекса установленный законом, иными правовыми актами или сделкой срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить.

Фактическое исполнение должником обязательства к таким событиям не относится.

Согласно условию заключенного между банком и С. договора поручительство прекращается, если кредитор в течение года со дня, до которого должник обязан исполнить все свои обязательства по договору об открытии кредитной линии в полном объеме, не предъявит к поручителю требование, указанное в договоре.

Однако указания на срок самого поручительства, в частности на дату, период времени, исчисляемый годами, месяцами, неделями, днями или часами, либо на событие, которое должно неизбежно наступить, договор поручительства не содержит.

Условие договора поручительства, согласно которому С. обязался отвечать перед кредитором в полном объеме за исполнение обществом своих обязательств по кредитному договору, содержит условие об объеме ответственности поручителя, но не о сроке поручительства.

Поскольку поручительство является способом обеспечения исполнения обязательств заемщика перед кредитором, то ответственность поручителя перед кредитором возникает в момент неисполнения заемщиком своих обязательств, а если обязательство по уплате долга исполняется по частям – в момент неуплаты соответствующей части.

Из предоставленного истцом расчета задолженности общества по основному обязательству следует, что задолженность по ежемесячным платежам возникла начиная с июня 2011 года.

В связи с введением определением арбитражного суда от 16 июня 2011 г. в отношении общества процедуры наблюдения банком 22 июля 2011 г. в указанный арбитражный суд подано заявление о включении всей суммы долга общества в реестр требований кредиторов.

С иском к поручителю С. о взыскании непогашенной суммы задолженности банк обратился в суд 17 января 2013 г. Иск судом удовлетворен в полном объеме без учета требований п. 4 ст. 367 ГК РФ.

Данное нарушение норм материального права является существенным, поскольку привело к неправильному разрешению спора.

Кроме того, изменяя решение суда в части взыскания долга с С., определяя порядок этого взыскания, суд апелляционной инстанции не учел, что определением суда первой инстанции от 6 марта 2015 г. ответчик С. в связи с его смертью заменен на его правопреемника – несовершеннолетнюю С.Е., законным представителем которой является С.М. Таким образом, изменяя решение суда первой инстанции, суд

апелляционной инстанции разрешил вопрос о правах и обязанностях лица, правоспособность которого прекратилась смертью.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение судебной и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 5-КГ16-25

III. Разрешение споров, возникающих в сфере страхования вкладов

11. Технические записи по счетам клиентов в банке, совершенные в условиях его неплатежеспособности, при отсутствии доказательств реального внесения вкладчиком денежных средств по договору банковского вклада не влекут правовых последствий в связи с фактической неплатежеспособностью кредитной организации в виде выплаты страхового возмещения по вкладу.

В. обратился в суд с иском к ОАО «Первый республиканский банк», ГК «Агентству по страхованию вкладов» (далее – АСВ) об установлении состава и размера требований, взыскании страховой выплаты в связи с отзывом у банка лицензии на осуществление банковских операций, указав в обоснование своих требований, что между ним и ОАО «Первый республиканский банк» заключен договор срочного банковского вклада с размером вклада 650 000 руб. Приказом Банка России от 5 мая 2014 г. у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, решением арбитражного суда от 27 июня 2014 г. банк признан банкротом, в отношении его открыто конкурсное производство, функции конкурсного управляющего возложены на АСВ, которое отказало истцу в выплате страхового возмещения со ссылкой на непоступление денежных средств в кассу банка при заключении договора. В. просил суд установить состав и размер требований к банку в сумме вклада 650 000 руб., обязать АСВ выплатить ему страховое возмещение по вкладу в размере 650 000 руб.

Представитель ответчика АСВ в судебном заседании исковые требования не признал, просил отказать в их удовлетворении.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично: в реестр обязательств ОАО «Первый республиканский банк» перед В. включена сумма в размере 650 000 руб., подлежащая страховому возмещению, с АСВ взыскана страховая выплата в сумме 650 000 руб., расходы на оплату государственной пошлины, с ОАО «Первый республиканский банк» взысканы расходы на оплату государственной пошлины. В удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке установила существенные нарушения норм материального и процессуального права, допущенные при рассмотрении дела судом апелляционной инстанций.

Согласно ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» подлежат страхованию вклады в порядке, размерах и на условиях, которые установлены гл. 2 данного федерального закона, за исключением денежных средств, указанных в ч. 2 этой статьи.

При этом под вкладом указанным федеральным законом понимаются денежные средства в валюте Российской Федерации или иностранной валюте, размещаемые физическими лицами или в их пользу в банке на территории Российской Федерации на основании договора банковского вклада или договора банковского счета, включая капитализированные (причисленные) проценты на сумму вклада (п. 2 ст. 2).

По смыслу приведенных правовых норм, для возникновения у АСВ страхового обязательства перед вкладчиком необходимо наличие в банке вклада последнего.

Договор банковского вклада является реальным, то есть считается заключенным с момента внесения вкладчиком денежных средств в банк, что следует из нормативных положений ст. 433 и 834 ГК РФ. Невнесение вкладчиком денежных средств по договору банковского вклада свидетельствует о том, что договор не заключен.

Разрешая спор и удовлетворяя требования В. в части, суд первой инстанции, руководствуясь ст. 2, 5–9 Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», исходил из того, что страховой случай наступил с момента отзыва у ОАО «Первый республиканский банк» лицензии на осуществление банковских операций, а потому истец, являясь вкладчиком данного банка, имеет право требовать возмещение по вкладу со дня наступления страхового случая.

Данный вывод суда первой инстанции, с которым согласился и суд апелляционной инстанции, не соответствует фактическим обстоятельствам дела, поскольку при принятии решения суд с учетом приведенных норм материального права всех юридически значимых обстоятельств не установил.

Представителем АСВ при разбирательстве дела в суде первой инстанции указывалось, что на момент совершения приходной операции по внесению истцом денежных средств на счет ОАО «Первый республиканский банк» был неплатежеспособен и не располагал для исполнения своих обязательств перед кредиторами достаточными денежными средствами. Неплатежеспособность банка подтверждается в

том числе ведомостью остатков по счетам и означает невозможность реального зачисления денежных средств на счета клиентов.

Кроме того, клиенты ОАО «Первый республиканский банк», включая В., не могли свободно распоряжаться денежными средствами, находящимися на их счетах, в том числе и путем внесения денежных средств на счет, так как предписанием главного управления Банка России от 23 апреля 2014 г. в ОАО «Первый республиканский банк» введено ограничение на привлечение денежных средств во вклады физических лиц сроком на шесть месяцев.

Совпадение снятой 28 апреля 2014 г. Ц. со счета в ОАО «Первый республиканский банк» денежной суммы 4 600 000 руб. и суммы внесенных в этот же день денежных средств на имя В., В.Е., П., Ш., Р., Ю. и М. свидетельствует, по мнению представителя АСВ, о том, что фактически операция по снятию и внесению наличных денежных средств банком не производилась, истцы не вносили наличных денежных средств на свои счета через кассу банка, а банковские проводки имели фиктивный характер. На 28 апреля 2014 г., то есть на момент совершения приходных записей по счетам указанных физических лиц, в том числе истца, и расходных записей по счетам Ц., банк не производил значительных денежных операций, поскольку у банка не имелось денег.

В нарушение требований ст. 67 ГПК РФ утверждения представителя АСВ о том, что Ц. не мог получить деньги в указанной сумме, а цифровые значения остатков по счетам В., В.Е., П., Ш., Р. и М. сформировались за счет средств Ц. в результате формального осуществления технических записей, надлежащей правовой оценки суда не получили. При этом наличие правовой связи между действиями указанных лиц либо ее отсутствие судом установлено не было.

Кроме того, суд первой инстанции, сославшись на то, что изложенные представителем АСВ обстоятельства не относятся к предмету доказывания, отклонил его ходатайства о вызове в суд в качестве третьего лица Ц., который мог бы подтвердить, как полагал представитель ответчика, его доводы.

По смыслу ст. 140 ГК РФ, технические записи по счетам клиентов в банке, совершенные в условиях его неплатежеспособности, нельзя считать деньгами (денежными средствами), они не влекут правовых последствий в связи с фактической неплатежеспособностью кредитной организации.

Правовой оценки доводов представителя АСВ о том, что технические записи не сопровождалась реальным внесением денежных средств вкладчиками В., В.Е., П., Ш., Р., Ю., М. на счета по договорам банковского вклада, а цифровые остатки на их счетах в банке сформированы фиктивно в результате формального осуществления технических записей по счетам бухгалтерского учета, обжалуемые судебные постановления в нарушение ст. 198 ГПК РФ не содержат.

Между тем суд, указав, что истцом представлен приходно-кассовый ордер, неправильно применил положения ст. 140, 834 ГК РФ, поскольку оставил без внимания то обстоятельство, что в случае, когда на счет вкладчика не были реально внесены денежные средства, договор банковского вклада нельзя считать заключенным и, соответственно, у АСВ не могли возникнуть страховые обязательства перед вкладчиком в соответствии со ст. 11 и 12 Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации».

Таким образом, вывод судов первой и апелляционной инстанций о наличии достаточных доказательств (приходно-кассовый ордер) реального внесения В. денежных средств сделан без надлежащей оценки обстоятельств (формального осуществления технических записей по счетам бухгалтерского учета), указанных ответчиком в обоснование своих возражений, свидетельствует о существенном нарушении судом апелляционной инстанции ст. 56, 57, 67, 198 ГПК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

В силу требований данной правовой нормы судам надлежало дать оценку действиям сторон при заключении договоров банковского вклада как добросовестным или недобросовестным, исходя из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей.

По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались.

Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 327 ГПК РФ суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам

производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных гл. 39 данного кодекса.

Повторное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции предполагает проверку и оценку фактических обстоятельств дела и их юридическую квалификацию (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июля 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»).

Указанные требования процессуального закона и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации судом апелляционной инстанции при проверке решения нижестоящего суда выполнены не были.

С учетом изложенного Судебная коллегия отменила состоявшееся по делу апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 45-КГ16-2

IV. Разрешение споров, связанных с реализацией жилищных прав

12. Жилые помещения детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, предоставляются по месту жительства этих лиц.

Местом жительства несовершеннолетних лиц, в отношении которых установлено попечительство, является место жительства их попечителей, за исключением случаев их отдельного проживания на основании полученного в установленном порядке разрешения органа опеки и попечительства.

К. обратилась в суд с заявлением об оспаривании решения жилищной комиссии об отказе в предоставлении жилого помещения в городе Москве, возложении обязанности принять меры к восстановлению нарушенного права на однократное предоставление благоустроенного жилого помещения в городе Москве.

Судом установлено, что К. родилась в 1996 году в Рязанской области, в 2005 году ее мать была лишена родительских прав, а в 2012 году умерла, данные об отце внесены в актовую запись о рождении на основании заявления матери. В 2005 году К. была направлена на воспитание в школу-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; за ней закреплено жилое помещение в Рязанской области, в котором она была зарегистрирована с 1997 года.

Постановлением главы муниципального образования Рязанской области над несовершеннолетней К. было установлено попечительство. Попечителем назначена Б., проживающая в городе Москве. Местом

жительства К. на период нахождения ее под попечительством было определено место жительства попечителя.

Закрепленное за несовершеннолетней К. жилое помещение в Рязанской области было уничтожено в результате пожара в 2012 году, дом снесен. В том же году постановлением главы муниципального образования Рязанской области К. принята на учет граждан, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, по категории «дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей».

В 2014 году по достижении возраста 18 лет и по окончании периода, на который было установлено попечительство, К. была снята с регистрационного учета по месту жительства в городе Москве по месту проживания ее попечителя Б.

По утверждению заявителя, до настоящего времени она продолжает проживать там же, поскольку другого жилого помещения не имеет.

Решением жилищной комиссии К. в предоставлении жилого помещения в городе Москва отказано на основании того, что этот город не является местом жительства заявителя.

Разрешая заявление К., суд первой инстанции пришел к выводу, с которым согласился суд апелляционной инстанции, о законности и обоснованности данного решения. При этом суд исходил из того, что город Москва не является местом жительства К., поскольку она зарегистрирована по месту постоянного жительства в Рязанской области, там же состоит на учете как нуждающаяся в жилом помещении, а место жительства попечителя в силу содержания п. 2 ст. 20 ГК РФ не является местом жительства несовершеннолетнего, в отношении которого установлено попечительство.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления об отказе в удовлетворении требований К. и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, с выводами судебных инстанций не согласилась по следующим основаниям.

В силу ч. 1 ст. 109¹ ЖК РФ предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам, из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по договорам найма специализированных жилых помещений осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в редакции Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ) детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи

нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, в случае, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого находится место жительства указанных лиц, в порядке, установленном законодательством этого субъекта Российской Федерации, однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений.

Отношения, связанные с установлением дополнительных гарантий по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа в городе Москве регулируются Законом города Москвы от 30 ноября 2005 г. № 61 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в городе Москве».

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 13 этого закона детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из их числа, местом жительства которых является город Москва, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из их числа, местом жительства которых является город Москва, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, в случае, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным, в соответствии с федеральным законодательством и в порядке, установленном Правительством Москвы, однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения из специализированного жилищного фонда город Москвы по договорам найма специализированных жилых помещений в случае, если город Москва является местом жительства лиц, у которых дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из их числа находились на воспитании в семье (опека, попечительство, приемная семья, патронатное воспитание) на основании решения уполномоченного органа в сфере опеки, попечительства и патронажа, при условии отсутствия у указанных граждан жилого помещения в другом населенном пункте Российской Федерации.

В целях реализации Закона города Москвы от 30 ноября 2005 г. № 61 постановлением Правительства Москвы от 2 октября 2007 г. № 854-ПП, действующим до 14 июля 2015 г., было утверждено Положение об обеспечении жилыми помещениями в городе Москве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа.

Согласно абзацу второму п. 1.2, п. 5.5 указанного положения вопросы о предоставлении жилых помещений в соответствии с данным положением рассматриваются жилищной комиссией.

Из материалов дела видно, что решением жилищной комиссии от 2014 года К. отказано в предоставлении жилого помещения по причине того, что город Москва не является ее местом жительства.

Согласно п. 1 ст. 20 ГК РФ место жительства гражданина определяется как место его постоянного или преимущественного проживания.

Местом жительства малолетних детей (несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста) признается место жительства их законных представителей: родителей, усыновителей, опекунов (п. 2 ст. 20 ГК РФ).

При определении места жительства ребенка, оставшегося без попечения родителей, необходимо руководствоваться следующими положениями.

В соответствии со ст. 27 Конституции Российской Федерации каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства.

Свобода выбора места пребывания и жительства граждан связана с достижением ими 14 лет, поскольку до 14 лет место жительства детей должно определяться исключительно по месту жительства их законных представителей.

В то же время согласно п. 2 ст. 36 ГК РФ опекуны и попечители несовершеннолетних граждан обязаны проживать совместно со своими подопечными. Раздельное проживание попечителя с подопечным, достигшим шестнадцати лет, допускается с разрешения органа опеки и попечительства при условии, что это не отразится неблагоприятно на воспитании и защите прав и интересов подопечного.

В силу п. 1 ст. 148 СК РФ дети, находящиеся под опекой (попечительством), имеют право на воспитание в семье опекуна (попечителя), заботу со стороны опекуна (попечителя), совместное с ним проживание, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ст. 36 ГК РФ.

Таким образом, из приведенных выше законоположений в их взаимосвязи следует, что местом жительства несовершеннолетних, достигших 16 лет, в отношении которых установлено попечительство, является место жительства их попечителей, за исключением случаев их раздельного проживания на основании полученного в установленном порядке разрешения органа опеки и попечительства.

При рассмотрении настоящего дела указанные нормы материального права судом применены неправильно, а существенные для дела обстоятельства остались невыясненными.

Приняв дело к своему производству по месту жительства заявителя К., районный суд города Москвы в решении сделал вывод о том, что город Москва не является ее местом жительства, но при этом не указал, где именно находится место жительства заявителя. Без выяснения этого обстоятельства безусловное право К. на однократное предоставление благоустроенного жилого помещения из специализированного жилищного фонда по договору найма специализированного жилого помещения в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» не может быть реализовано ни в каком субъекте Российской Федерации.

Разрешая заявление К., суд исходил из того, что заявитель зарегистрирована по прежнему месту жительства в закрепленном за ней жилом помещении в Рязанской области. Между тем указанное жилое помещение не является местом жительства заявителя, поскольку еще в 2012 году было уничтожено во время пожара.

Из содержания ст. 20 ГК РФ, ст. 2 и 3 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и места жительства в пределах Российской Федерации» следует, что регистрация не совпадает с понятием «место жительства» и сама по себе не может служить условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, законами Российской Федерации, конституциями и законами республик в составе Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 2 февраля 1998 г. № 4-П указал на то, что сам по себе факт регистрации или отсутствие таковой не порождает для гражданина каких-либо прав и обязанностей и согласно части второй ст. 3 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» не может служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законодательными актами субъектов Российской Федерации.

В Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 ноября 2013 г., разъяснено, что единственным критерием, по которому следует определять место предоставления жилого

помещения детям-сиротам, федеральным законодателем названо место жительства этих лиц.

Предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, проживающим на территории субъекта Российской Федерации, должно осуществляться на одинаковых условиях, без каких-либо предпочтений, исключений либо ограничений дискриминационного характера для отдельных групп из их числа по месту проживания (или временного пребывания).

При таких обстоятельствах, учитывая, что до окончания срока, на который было установлено попечительство, К. фактически проживала у своего попечителя в городе Москве, а также невозможность ее проживания в ранее занимаемом жилом помещении, вывод суда о том, что К. не имеет права на обеспечение жилым помещением в городе Москве признан Судебной коллегией неправильным.

Определение № 5-КГ16-84

V. Разрешение споров, связанных с содержанием общего имущества в многоквартирном доме

13. Факт нахождения элементов внутридомовых инженерных систем внутри жилого помещения не означает, что они используются для обслуживания исключительно данного помещения и не относятся к общему имуществу в многоквартирном доме.

Б. обратилась в суд с иском к управляющей компании о возмещении ущерба в сумме 61 063 руб., взыскании компенсации морального вреда 10 000 руб., штрафа за неисполнение требований потребителя в добровольном порядке и судебных расходов на проведение оценки ущерба в сумме 15 000 руб., а также расходов на оплату услуг представителя – 35 000 руб.

В обоснование требований истец указала, что в принадлежащей ей на праве собственности квартире в результате аварии на первом запорно-регулирующем кране стояка холодного водоснабжения произошел залив помещений квартиры, вследствие чего истцу причинен ущерб.

Полагая, что причиной аварии послужило ненадлежащее исполнение управляющей организацией обязанностей по содержанию общего имущества многоквартирного дома (первого запорно-регулирующего крана на отводе внутриквартирной разводки на стояке холодного водоснабжения), и в связи с отказом от возмещения ущерба в добровольном порядке, истец предъявила ответчику названные выше требования.

Решением городского суда иск удовлетворен.

Определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», решение должно быть законным и обоснованным (ч. 1 ст. 195 ГПК РФ).

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов (п. 3 данного постановления Пленума).

Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Доказательства представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле. Суд вправе предложить им представить дополнительные доказательства. В случае, если представление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно, суд по их ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств (ч. 1 ст. 57 ГПК РФ).

Обстоятельством, подлежащим установлению для правильного разрешения настоящего спора, являлось наличие вины сторон в произошедшей аварии на первом запорно-регулирующем кране стояка холодного водоснабжения, повлекшей залив квартиры истца.

В силу ч. 2 ст. 61 ГПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица.

Приведенные положения процессуального закона направлены на обеспечение обязательности вступивших в законную силу судебных постановлений и обеспечение законности выносимых судом постановлений в условиях действия принципа состязательности.

При рассмотрении дела судом апелляционной инстанции в судебном заседании представителем истца было заявлено ходатайство о приобщении к материалам дела копии решения мирового судьи по иску Ш. к Б., управляющей компании о возмещении ущерба, которым с управляющей

компании в пользу Щ. взыскана сумма в возмещение ущерба, в иске к Б. отказано, и копии апелляционного определения.

В мотивировочной части названного решения содержится вывод о том, что лицом ответственным за ущерб, причиненный Щ. в результате аварии, произошедшей в квартире Б., является управляющая компания. При этом представителем управляющей компании в возражениях на иск приводились доводы о нарушениях, допущенных при переоборудовании инженерных систем в квартире истца.

В удовлетворении данного ходатайства судом апелляционной инстанции отказано в связи с тем, что копия решения мирового судьи имеется в материалах дела, на момент рассмотрения дела судом первой инстанции судебное постановление не вступило в законную силу, а апелляционное определение постановлено уже после принятия судом решения по данному делу.

Между тем на момент рассмотрения дела судом апелляционной инстанции указанное решение мирового судьи вступило в законную силу.

Делая вывод о вине Б. в случившейся аварии, суд апелляционной инстанции не учел обстоятельства, установленные вступившим в законную силу и не отмененным решением мирового судьи, как предписывается гражданским процессуальным законодательством.

В соответствии с ч. 2¹ ст. 161 ЖК РФ (в редакции Федерального закона от 4 июня 2011 г. № 123-ФЗ) при осуществлении непосредственного управления многоквартирным домом собственниками помещений в данном доме лица, выполняющие работы по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме, обеспечивающие холодное и горячее водоснабжение и осуществляющие водоотведение, электроснабжение, газоснабжение (в том числе поставки бытового газа в баллонах), отопление (теплоснабжение, в том числе поставки твердого топлива при наличии печного отопления), несут ответственность перед собственниками помещений в данном доме за выполнение своих обязательств в соответствии с заключенными договорами, а также в соответствии с установленными Правительством Российской Федерации правилами содержания общего имущества в многоквартирном доме, правилами предоставления, приостановки и ограничения предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домах.

Согласно п. 5 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491, в состав общего имущества включаются внутридомовые инженерные системы холодного и горячего водоснабжения, состоящие из стояков, ответвлений от стояков до первого отключающего устройства, расположенного на ответвлениях от стояков, указанных отключающих устройств, коллективных (общедомовых) приборов учета холодной и горячей воды, первых запорно-

регулируемых кранов на отводах внутриквартирной разводки от стояков, а также механического, электрического, санитарно-технического и иного оборудования, расположенного на этих сетях.

Управляющие организации и лица, оказывающие услуги и выполняющие работы при непосредственном управлении многоквартирным домом, отвечают перед собственниками помещений за нарушение своих обязательств и несут ответственность за надлежащее содержание общего имущества в соответствии с законодательством Российской Федерации и договором (п. 42 Правил).

Как следует из п. 10 указанных правил, общее имущество должно содержаться в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации (в том числе о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, техническом регулировании, защите прав потребителей) в состоянии, обеспечивающем: соблюдение характеристик надежности и безопасности многоквартирного дома, безопасность для жизни и здоровья граждан, сохранность имущества физических или юридических лиц, государственного, муниципального и иного имущества и др.

Федеральным законом от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» предусмотрено, что система инженерно-технического обеспечения – это одна из систем здания или сооружения, предназначенная для выполнения функций водоснабжения, канализации, отопления, вентиляции, кондиционирования воздуха, газоснабжения, электроснабжения, связи, информатизации, диспетчеризации, мусороудаления, вертикального транспорта (лифты, эскалаторы) или функций обеспечения безопасности (п. 21 ч. 2 ст. 2); параметры и другие характеристики систем инженерно-технического обеспечения в процессе эксплуатации здания или сооружения должны соответствовать требованиям проектной документации. Указанное соответствие должно поддерживаться посредством технического обслуживания и подтверждаться в ходе периодических осмотров и контрольных проверок и (или) мониторинга состояния систем инженерно-технического обеспечения, проводимых в соответствии с законодательством Российской Федерации (чч. 1 и 2 ст. 36).

Перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 июня 2010 г. № 1047-р, включает СНиП 2.04.01-85 «Внутренний водопровод и канализация зданий», предусматривающие установку запорной арматуры на внутренних водопроводных сетях холодного и горячего водоснабжения, в том числе на ответвлениях в каждую квартиру, обеспечивающей плавное закрытие и открытие потока воды (пп. 10.4, 10.5).

Из приведенных норм следует, что первые отключающие устройства и запорно-регулирующие краны на отводах внутриквартирной разводки являются элементами внутридомовых инженерных систем, предназначенных для выполнения функций горячего и холодного водоснабжения, газоснабжения, а также безопасности помещений многоквартирного дома. Обеспечивая подачу коммунальных ресурсов от сетей инженерно-технического обеспечения до внутриквартирного оборудования, указанные элементы изменяют параметры и характеристики внутридомовых инженерных систем, тем самым осуществляя влияние на обслуживание других помещений многоквартирного дома.

С учетом данных технических особенностей первые отключающие устройства и запорно-регулирующие краны отвечают основному признаку общего имущества как предназначенного для обслуживания нескольких или всех помещений в доме. Факт нахождения указанного оборудования в квартире не означает, что оно используется для обслуживания исключительно данного помещения и не может быть отнесено к общему имуществу в многоквартирном доме, поскольку п. 3 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ предусматривает его местоположение как внутри, так и за пределами помещения.

Обстоятельства, указывающие на принадлежность аварийного сантехнического оборудования к имуществу Б. либо к общему имуществу жильцов многоквартирного дома, являлись юридически значимыми и подлежащими доказыванию.

При рассмотрении дела суд апелляционной инстанции сослался на то, что Б. наряду с заменой и переоборудованием внутренних инженерных сетей, являющихся ее собственностью, произведена замена запорного вентиля (запорно-регулирующей арматуры) в месте соединения с отводом от общего стояка холодного водоснабжения, послужившего причиной протечки и являющегося общим имуществом собственников многоквартирного дома.

Истец данные обстоятельства оспаривал, однако суд апелляционной инстанции их не проверил и доподлинно не установил.

Одновременно с этим замена запорного вентиля не освобождает управляющую компанию от осуществления своих обязанностей по содержанию общего имущества многоквартирного дома, возложенных на общество заключенным договором.

От выяснения указанных обстоятельств зависело правильное разрешение судом вопроса об отказе или удовлетворении заявленных требований, однако судом при рассмотрении данного спора этого сделано не было.

Определение № 93-КГ16-2

VI. Разрешение споров, связанных с трудовыми, социальными и пенсионными отношениями

14. В период нахождения женщины, проходящей службу в органах уголовно-исполнительной системы, в отпуске по беременности и родам и получения ею пособия по беременности и родам на основании листка нетрудоспособности денежное довольствие не выплачивается.

С. обратилась в суд с иском к органу уголовно-исполнительной системы о взыскании денежного довольствия, задолженности по выплате пособия по беременности и родам, компенсации за задержку выплат.

В обоснование исковых требований С. указала, что проходит службу в органе уголовно-исполнительной системы. За периоды нахождения в отпусках по беременности и родам, которые были ей предоставлены на основании листков нетрудоспособности, ей выплачено пособие по беременности и родам.

По мнению С., за указанные период ответчик обязан был выплатить ей денежное довольствие в связи с временной нетрудоспособностью на основании положений Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Кроме того, С. просила суд отменить приказы органа уголовно-исполнительной системы о прекращении выплаты ей надбавок к должностному окладу и об отстранении от должности. Как указала С., приказ ответчика о прекращении выплаты надбавок издан неуполномоченным должностным лицом, а приказ об отстранении от должности вынесен в период нахождения ее на лечении.

Представители ответчика исковые требования не признали.

Орган уголовно-исполнительной системы обратился в суд со встречным иском к С. о взыскании ущерба. В обоснование требований указано, что С., исполняя обязанности по должности главного бухгалтера, допускала нарушения при ведении бухгалтерского учета, в связи с чем органу уголовно-исполнительной системы был причинен ущерб, выразившийся в уплате штрафов и пени в налоговые органы за несвоевременную уплату налогов и других обязательных платежей. Заявитель просил суд взыскать с С. сумму ущерба в пределах ее среднемесячного заработка.

С. встречные исковые требования не признала.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования удовлетворены частично. В пользу С. взыскана задолженность по денежному довольствию, задолженность по выплате пособия по беременности и родам, компенсация за задержку

выплаты денежного довольствия, компенсация за задержку выплаты денежного довольствия, расходы на оплату услуг представителя. Суд отменил оспариваемый приказ органа уголовно-исполнительной системы в части прекращения выплаты С. ежемесячной премии за добросовестное исполнение служебных обязанностей, в удовлетворении остальной части исковых требований отказал.

Встречные иски требования органа уголовно-исполнительной системы удовлетворены частично, с С. взыскана сумма возмещения ущерба в размере 200 руб. В удовлетворении остальной части встречного иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления в части по следующим основаниям.

Согласно ст. 21 Федерального закона от 21 июля 1998 г. № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» на сотрудников органов внутренних дел, переходящих на службу в учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, а также на лиц, вновь поступающих на службу в указанные учреждения и органы, впредь до принятия федерального закона о службе в уголовно-исполнительной системе распространено действие Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202- I (далее – Положение от 23 декабря 1992 г. № 4202-1).

В соответствии с ч. 1 ст. 45 Положения от 23 декабря 1992 г. № 4202- I для сотрудников органов внутренних дел устанавливаются следующие виды отпусков с сохранением денежного содержания: очередной ежегодный, краткосрочный, по болезни, каникулярный, в связи с окончанием учебного заведения Министерства внутренних дел Российской Федерации, дополнительные (за стаж службы, исполнение обязанностей во вредных условиях, за особый характер службы, а также награжденным почетным знаком «Заслуженный сотрудник МВД Российской Федерации»).

Приведенными нормативными положениями установлены виды отпусков, при нахождении в которых сотрудникам органов уголовно-исполнительной системы выплачивается денежное содержание.

Частью 2 ст. 45 названного положения также предусмотрено, что сотрудникам органов внутренних дел в соответствии с действующим законодательством предоставляются отпуска в связи с рождением ребенка, по уходу за детьми, творческие и в связи с обучением, а также иные установленные действующим законодательством.

При этом возможность выплаты сотруднику денежного содержания при его нахождении в указанных видах отпусков данной нормой не предусмотрена.

Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 6 июня 2005 г. № 76 утверждена Инструкция о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

В соответствии с п. 15.3 названной инструкции сотрудникам – женщинам отпуска по беременности и родам предоставляются в соответствии с законодательством Российской Федерации на основании их рапортов и справок соответствующих медицинских учреждений.

Согласно ч. 5 ст. 13 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (далее – Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ) для назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам застрахованное лицо представляет листок нетрудоспособности, выданный медицинской организацией по форме и в порядке, которые установлены федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда и социальной защиты населения, Фондом социального страхования Российской Федерации, справку (справки) о сумме заработка, из которого должно быть исчислено пособие, с места (мест) работы (службы, иной деятельности) у другого страхователя (у других страхователей), а для назначения и выплаты указанных пособий территориальным органом страховщика – справку (справки) о сумме заработка, из которого должно быть исчислено пособие, и определяемые указанным федеральным органом исполнительной власти документы, подтверждающие страховой стаж.

Абзацами первым и четвертым ст. 6 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» предусмотрено право женщин, проходящих военную службу по контракту, службу в качестве лиц рядового и начальствующего состава в органах внутренних дел, в Государственной противопожарной службе, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в таможенных органах, на получение пособия по беременности и родам.

Пособие по беременности и родам устанавливается в размере денежного довольствия женщинам, проходящим военную службу по контракту, службу в качестве лиц рядового и начальствующего состава в органах внутренних дел, в Государственной противопожарной службе, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в

таможенных органах (абзац пятый ст. 8 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»).

В соответствии со ст. 51 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2009 г. № 1100 утверждено Положение об исчислении среднего заработка (дохода, денежного довольствия) при назначении пособия по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком отдельным категориям граждан.

Указанное положение определяет порядок исчисления среднего заработка (дохода, денежного довольствия) при назначении пособия по беременности и родам женщинам, в том числе согласно подп. «а» п. 1 проходящим военную службу по контракту, службу в качестве лиц рядового и начальствующего состава в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органах.

Пунктом 10 названного положения установлено, что женщинам, указанным в подп. «а» п. 1 Положения, пособие по беременности и родам выплачивается в размере денежного довольствия. В денежное довольствие включаются ежемесячные выплаты, входящие в состав денежного довольствия в соответствии с федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации на момент убытия в отпуск по беременности и родам. В случае, если в период отпуска по беременности и родам произошло повышение окладов по воинским (специальным) званиям и (или) по воинским должностям (штатным должностям, должностям), увеличение окладов по воинским (специальным) званиям в связи с присвоением очередного воинского (специального) звания, а также увеличение иных ежемесячных выплат, указанные изменения учитываются с даты соответствующего повышения (увеличения).

Удовлетворяя исковые требования С. о взыскании с ответчика денежного довольствия за периоды ее нахождения в отпуске по беременности и родам, суд исходил из того, что С. как сотрудник органов уголовно-исполнительной системы имеет право на получение пособия по беременности и родам, а также денежного довольствия в связи с временной нетрудоспособностью.

Между тем из приведенного выше правового регулирования следует, что период нахождения женщины – сотрудника органов уголовно-исполнительной системы в отпуске по беременности и родам является отпуском без сохранения денежного содержания (денежного довольствия). Женщинам, проходящим службу в органах уголовно-исполнительной

системы, находящимся в отпуске по беременности и родам, выплачивается пособие по беременности и родам в размере денежного довольствия.

Сохранение выплаты денежного довольствия в период нахождения женщины, проходящей службу в органах уголовно-исполнительной системы, в отпуске по беременности и родам не предусмотрено положениями действующего законодательства, в связи с чем выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что С. имеет право на получение одновременно и денежного довольствия и пособия по беременности и родам в период нахождения в отпуске по беременности и родам Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала не основанными на нормах закона, подлежащих применению к спорным отношениям.

Ссылку суда в обоснование вывода о признании за С. права на выплату денежного довольствия за период нахождения в отпуске по беременности и родам на то, что в указанный период она являлась нетрудоспособной, Судебная коллегия признала ошибочной, поскольку отпуск по беременности и родам, предоставляемый в силу положений Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ женщинам в связи с материнством и подлежащий оформлению на основании листка нетрудоспособности, не является периодом нетрудоспособности сотрудника органов уголовно-исполнительной системы, за который ему выплачивается денежное довольствие.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда и апелляционное определение в части взыскания с органа уголовно-исполнительной системы в пользу С. задолженности по денежному довольствию, компенсации за задержку выплаты денежного довольствия, компенсации за задержку выплаты денежного довольствия.

В указанной части Судебная коллегия приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований С. В остальной части состоявшиеся по делу судебные акты оставлены без изменения.

Определение № 43-КГ15-6

VII. Процессуальные вопросы

15. Частичный отказ в иске может являться основанием для удовлетворения требований ответчика о взыскании расходов на оплату услуг представителя пропорционально той части исковых требований, в которой истцу было отказано.

Решением суда, вступившим в законную силу, по делу по иску К.С., К.А. к К.И. об истребовании имущества из чужого незаконного владения

К.А. в удовлетворении иска отказано, исковые требования К.С. удовлетворены частично.

К.И. обратился в суд с заявлением о взыскании с К.А., К.С. судебных расходов на оплату услуг представителя, понесенных в связи с ведением дела в суде.

К.С. обратилась в суд со встречным заявлением к К.И. о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя, понесенных в связи с ведением дела в суде.

Разрешая вопрос о распределении судебных расходов, суд первой инстанции исходил из того, что исковые требования К.С. к К.И. удовлетворены частично, в связи с чем судебные расходы должны быть взысканы с истца в пользу ответчика пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции в указанной части и постановил в отмененной части новое определение, полагая, что ответчик не имел права на возмещение судебных расходов, поскольку решение суда первой инстанции состоялось в пользу истца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала вывод суда апелляционной инстанции неправильным по следующим основаниям.

Часть 1 ст. 88 ГПК РФ предусматривает, что судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.

Согласно ст. 94 ГПК РФ к издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся расходы на оплату услуг представителей.

В силу ч. 1 ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 Кодекса. В случае, если иск удовлетворен частично, указанные в данной статье судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

Из содержания указанных норм следует, что критерием присуждения судебных расходов является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного требования.

Вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного в суд требования непосредственно связан с выводом суда, содержащимся в резолютивной части его решения (ч. 5 ст. 198 ГПК РФ), о том, подлежит ли заявление удовлетворению, поскольку только удовлетворение судом требования подтверждает правомерность принудительной реализации его через суд и приводит к необходимости возмещения судебных расходов.

Если иск удовлетворен частично, то это одновременно означает, что в части удовлетворенных требований суд подтверждает правомерность заявленных требований, а в части требований, в удовлетворении которых отказано, суд подтверждает правомерность позиции ответчика. Соответственно, при неполном (частичном) удовлетворении имущественных требований, подлежащих оценке, судебные издержки присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику – пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

В соответствии с ч. 1 ст. 100 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах.

Таким образом, частичный отказ в иске К.С. являлся основанием для удовлетворения в разумных пределах требований ответчика К.И. о взыскании расходов на оплату услуг представителя пропорционально той части исковых требований, в которой К.С. было отказано.

Это судом апелляционной инстанции учтено не было и повлекло за собой вынесение неправомерного судебного постановления о наличии оснований для отмены определения суда первой инстанции в силу того, что исковые требования К.С. были удовлетворены частично.

В связи с этим Судебная коллегия отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 77-КГ15-12

Исполнительное производство

16. При отсутствии у должника иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, закон допускает возможность обращения взыскания на имущество, стоимость которого превышает сумму задолженности.

Судом установлено, что на основании вступившего в законную силу решения суда Банку выдан исполнительный лист о солидарном взыскании в пользу Банка с К. и А. задолженности по кредитному договору в размере 714 613,49 руб. и расходов на уплату государственной пошлины в размере 10 346,13 руб.

На основании постановления судебного пристава-исполнителя в отношении должника К. в пользу взыскателя было возбуждено исполнительное производство о взыскании суммы долга и наложен арест на принадлежащее должнику К. имущество – нежилое здание и земельный участок.

Согласно отчету об определении рыночной стоимости объектов недвижимого имущества, стоимость спорных объектов составляет: нежилого здания – 6 555 000 руб., земельного участка – 2 068 000 руб.

В рамках исполнительного производства в целях розыска имущества должников К. и А. в виде денежных средств в рублях и иностранной валюте, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, судебным приставом-исполнителем сделаны соответствующие запросы в ряд кредитных организации.

Из ответов кредитных организаций следовало, что сведений о размещении денежных средств на счетах, принадлежащих К. и А., не имеется, в Пенсионном фонде Российской Федерации отсутствуют сведения страхователей.

Согласно ответу территориального управления Росреестра по субъекту Российской Федерации на запрос судебного пристава-исполнителя сведения о зарегистрированном праве собственности А. на недвижимое имущество отсутствуют.

Кроме того, из ответа ГИБДД УМВД России по субъекту Российской Федерации на запрос судебного пристава-исполнителя следует, что сведения о зарегистрированных правах А. на транспортные средства отсутствуют.

Разрешая спор и отказывая в иске Банку об обращении взыскания на недвижимое имущество (нежилое здание и земельный участок, принадлежащий К.), суд первой инстанции пришел к выводу о том, что требования взыскателя несоразмерны мерам принудительного исполнения, кроме того, истцом не доказан факт отсутствия у ответчика иного имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В соответствии со ст. 12 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» судебный пристав-исполнитель обязан принять все меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов.

Согласно ст. 69 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон «Об исполнительном производстве») обращение взыскания на имущество должника включает изъятие имущества и (или) его принудительную реализацию либо передачу взыскателю.

Взыскание на имущество должника обращается в размере задолженности, то есть в размере, необходимом для исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, с учетом

взыскания расходов на совершение исполнительных действий, исполнительского сбора и штрафов, наложенных судебным приставом-исполнителем в процессе исполнения исполнительного документа.

При отсутствии или недостаточности у должника денежных средств взыскание обращается на иное имущество, принадлежащее ему на праве собственности, хозяйственного ведения и (или) оперативного управления, за исключением имущества, изъятого из оборота, и имущества, на которое в соответствии с федеральным законом не может быть обращено взыскание, независимо от того, где и в чьем фактическом владении и (или) пользовании оно находится.

Пунктом 5 ст. 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве» закреплен принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения, который заключается в том, что все применяемые в процессе исполнения меры принуждения должны быть адекватны требованиям, содержащимся в исполнительном документе.

В том случае, когда у должника имеется лишь имущество, значительно превышающее сумму долга, закон допускает возможность обращения взыскания на имущество, стоимость которого превышает сумму задолженности. Возможность обращения взыскания на указанное имущество вытекает из положений ч. 12 ст. 87 и ч. 6 ст. 110 Федерального закона «Об исполнительном производстве», предусматривающих выплату должнику разницы между суммой, вырученной от реализации имущества, на которое обращено взыскание, и суммой задолженности по исполнительному документу.

Таким образом, обращение судом взыскания на принадлежащий ответчику земельный участок и находящееся на нем строение, стоимость которых превышает имеющийся у К. и А. долг, не нарушает баланс интересов сторон и прав должников.

Принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения, изложенный в п. 5 ст. 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве», основан на правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 12 июля 2007 г. № 10-П, в п. 2.2 мотивировочной части которого указано, что законодательная регламентация обращения взыскания по исполнительным документам должна осуществляться на стабильной правовой основе сбалансированного регулирования прав и законных интересов всех участников исполнительного производства с законодательным установлением пределов возможного взыскания, не затрагивающих основное содержание прав должника и одновременно отвечающих интересам защиты прав кредитора (охватывающих его право требования), с целью предотвращения либо уменьшения размера негативных последствий неисполнения обязательства должником.

Согласно ч. 5 ст. 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве» должник вправе указать имущество, на которое он просит обратить взыскание в первую очередь; окончательно очередность обращения взыскания на имущество должника определяется судебным приставом-исполнителем.

В рассматриваемом же случае каких-либо данных о наличии иных соразмерных доходов или имущества, на которые возможно обратить взыскание, судебному приставу-исполнителю должник К. не представил. Несмотря на предпринятые судебным приставом-исполнителем меры, иное имущество должника, на которое могло быть обращено взыскание в соответствии действующим законодательством, установлено не было. Доказательств наличия денежных средств или иного имущества, достаточных для исполнения требований исполнительного документа, в материалах дела не имеется.

Таким образом, несоразмерность суммы взыскания по исполнительному производству стоимости реализуемого имущества, на которое обращается взыскание, при отсутствии у должников К. и А. иного соразмерного имущества не может нарушать их права, поскольку после удовлетворения требований взыскателя, оплаты расходов на совершение исполнительных действий и оплаты исполнительского сбора оставшиеся денежные средства от реализации арестованного имущества возвращаются должнику согласно ч. 6 ст. 110 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

В связи с изложенным вывод суда о том, что требования взыскателя несоразмерны мерам принудительного исполнения в виде обращения взыскания на земельный участок и объект недвижимости при отсутствии у ответчика иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, признан Судебной коллегией неправильным.

Определение № 88-КГ16-5

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Практика применения законодательства о банкротстве

1. По смыслу абзаца второго п. 2 ст. 7 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», кредитор вправе инициировать процедуру несостоятельности должника без представления в суд, рассматривающий дело о банкротстве, вступившего в законную силу судебного акта, если его требование возникло в связи с реализацией специальной правоспособности кредитной организации, в том числе в случае, когда такой кредитор не имеет статуса кредитной организации.

После приобретения у банка права требования к обществу, возникшего из кредитного договора, компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании общества банкротом, введении процедуры наблюдения, включении ее требований в третью очередь реестра требований кредиторов и об утверждении временного управляющего.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, во введении наблюдения в отношении общества отказано, заявление компании оставлено без рассмотрения. Суды указали на то, что компанией не соблюдены положения п. 2 ст. 7 и п. 2 ст. 39 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), поскольку вопрос о наличии у общества задолженности перед компанией не являлся предметом рассмотрения суда. Суды также пришли к выводу об отсутствии у компании прав, предусмотренных абзацем вторым п. 2 и п. 2.1 ст. 7 Закона о банкротстве, поскольку она не обладает статусом кредитной организации.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу абзаца второго п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве кредитные организации вправе инициировать процедуру несостоятельности своего контрагента без представления в суд, рассматривающий дело о банкротстве, вступившего в законную силу судебного акта о взыскании долга в общеисковом порядке.

В качестве критерия, допускающего возбуждение дела о банкротстве подобным способом, должен рассматриваться не сам статус кредитной организации, обращающейся с соответствующим заявлением, а реализуемая ею деятельность по осуществлению банковских операций на основании специального разрешения (лицензии) Банка России (абзац первый ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности»).

Отличительная особенность предъявляемых кредитными организациями требований состоит в том, что эти требования, как правило, подтверждаются стандартными средствами доказывания, в связи с чем процесс доказывания их наличия и размера носит упрощенный характер.

Таким образом, в порядке, предусмотренном абзацем вторым п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве, могут быть предъявлены требования, возникшие в связи с реализацией специальной правоспособности кредитной организации, и связанные с ними требования, например, возникшие из обеспечительных сделок.

По смыслу п. 1 ст. 819 ГК РФ, требования из кредитного договора являются требованиями, возникновение которых связано с реализацией специальной правоспособности кредитной организации.

Поскольку согласно п. 1 ст. 384 ГК РФ к цессионарию переходят права cedentа в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, у судов отсутствовали основания для отказа в удовлетворении заявления компании лишь по тому основанию, что она не является кредитной организацией.

Определение № 306-ЭС16-3611

2. Если право требования, являющееся предметом договора уступки прав, отсутствовало у cedentа в момент заключения этого договора и возникло после открытия в отношении его конкурсного производства, оно не переходит к цессионарию.

Между банком (cedentом) и обществом (цессионарием) заключен договор уступки требования, согласно которому банк обязался передать обществу право требования к учреждению о взыскании переплаты по договору, возникшей в связи с его изменением судом на основании ст. 451 ГК РФ.

Впоследствии решением суда банк признан банкротом и в отношении его открыто конкурсное производство.

После открытия в отношении банка конкурсного производства вступило в законную силу решение суда по иску банка к учреждению, согласно которому договор между сторонами изменен на основании ст. 451 ГК РФ и учреждение обязано вернуть банку возникшую в связи с этим переплату.

Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением к обществу о признании недействительным перехода права по договору об уступке.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды пришли к выводу об отсутствии оснований, предусмотренных Законом о банкротстве, для признания договора уступки прав недействительным.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Объектом договора об уступке требования являлось требование, которое возникнет в будущем (п. 2 ст. 455, п. 4 ст. 454 ГК РФ).

Согласно п. 3 ст. 453 ГК РФ при изменении договора в судебном порядке обязательства считаются измененными с момента вступления в законную силу решения суда об изменении договора. На момент заключения договора об уступке требования решение суда об изменении

договора между банком и учреждением на основании ст. 451 ГК РФ еще не вступило в силу, соответствующее право требования возникло у банка после открытия в отношении его конкурсного производства.

Согласно п. 1 ст. 131 Закона о банкротстве все имущество должника, имеющееся на день открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу, из которой осуществляется удовлетворение требований конкурсных кредиторов должника.

По общему правилу с момента признания должника банкротом и открытия в отношении его конкурсного производства требования кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера трансформируются в денежные (абзац седьмой п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве, абзац второй п. 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»). Такие требования подлежат денежной оценке, они рассматриваются по правилам ст. 100 Закона о банкротстве и удовлетворяются в общем порядке, предусмотренном ст. 134, 142 названного закона.

До открытия конкурсного производства требование к учреждению о возврате переплаты по договору не возникло и, следовательно, не могло перейти от банка к обществу. После открытия в отношении должника конкурсного производства это требование поступило в конкурсную массу, а обязательство банка по передаче указанного требования обществу трансформировалось в денежное (при наличии со стороны общества встречного предоставления в пользу банка за уступаемое последним требование). При названных обстоятельствах стало невозможным наступление основного предусмотренного договором цессии правового последствия в виде перехода требования от cedenta к цессионарию.

При ином подходе вопреки правилам ст. 61³, 134 и 142 Закона о банкротстве следовало бы признать допустимым преимущественное (по отношению к другим кредиторам) удовлетворение обязательства перед обществом, трансформировавшегося в денежное.

Все кредиторы, предъявившие требования к должнику в рамках дела о банкротстве, должны быть поставлены в равное положение с кредитором, заключившим договор цессии, они вправе претендовать на удовлетворение долговых обязательств за счет всего имущества, вошедшего в конкурсную массу банка, в том числе и за счет спорного имущественного требования к учреждению.

В случае, если учреждение, действуя добросовестно, уже исполнило обязательство обществу, к отношениям цессионария (общества), получившего исполнение, и cedenta (банка), которому это исполнение причиталось, подлежали применению положения гл. 60 ГК РФ.

3. Конкурсный управляющий может быть отстранен судом от исполнения возложенных на него обязанностей ввиду их недобросовестного исполнения и в том случае, когда комитет кредиторов и отдельные кредиторы до подачи соответствующей жалобы в суд не обращались к конкурсному управляющему с заявлениями об устранении этих нарушений.

В рамках дела о банкротстве общества конкурсный кредитор обратился в арбитражный суд с жалобой на действия (бездействие) конкурсного управляющего и просил отстранить его от исполнения возложенных обязанностей.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, жалоба кредитора удовлетворена. Суды исходили из того, что конкурсный управляющий не провел аналитическую работу, которую, действуя разумно и добросовестно, должен был провести в отношении договора купли-продажи объекта незавершенного строительства, за который должник получил 6 500 000 руб. Конкурсный управляющий счел, что не имеется оснований для оспаривания этой сделки, так как она носила возмездный характер, денежные средства поступили в полном объеме. Вместе с тем этот объект был перепродан новым собственником за 111 377 900 руб. Конкурсный управляющий не провел оценку данного имущества для решения вопроса о наличии оснований для оспаривания договора купли-продажи на основании п. 1 ст. 61² Закона о банкротстве как сделки, совершенной при неравноценном встречном исполнении. Кроме того, конкурсным управляющим не проверены на предмет возмездности ряд договоров, на основании которых во время конкурсного производства было прекращено право собственности общества на объекты недвижимости. Суды пришли к выводу, что конкурсный управляющий не способен продолжить процедуру конкурсного производства надлежащим образом.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении требований кредитора отказано. Суд отметил, что право кредитора обратиться в суд с жалобой на бездействие арбитражного управляющего, выразившееся в непринятии мер по оспариванию сделки должника, возникает лишь после отказа (уклонения) арбитражного управляющего от выполнения соответствующего решения собрания (комитета) кредиторов или предложения отдельного кредитора, уполномоченного органа. В рассматриваемом случае собрание кредиторов не принимало решение об оспаривании сделки, отдельные кредиторы с предложением об оспаривании договора купли-продажи к конкурсному управляющему не обращались.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 1 ст. 129 Закона о банкротстве именно конкурсный управляющий, являющийся профессиональным участником отношений в сфере банкротства, наделен компетенцией по оперативному руководству процедурой конкурсного производства. В круг основных обязанностей конкурсного управляющего входит формирование конкурсной массы. Для достижения этой цели арбитражный управляющий обязан принимать управленческие решения, направленные на поиск, выявление и возврат имущества должника, находящегося у третьих лиц, он вправе по своей инициативе подавать в суд заявления о признании сделок недействительными (пп. 2 и 3 ст. 129, п. 1 ст. 61⁹ Закона о банкротстве).

Положения пп. 1 и 2 ст. 61⁹ Закона о банкротстве, согласно которым заявления об оспаривании сделок должника также могут быть поданы конкурсным кредитором, размер задолженности перед которым составляет более 10 процентов от общего размера кредиторской задолженности, либо конкурсным управляющим по решению собрания (комитета) кредиторов, не могут быть истолкованы таким образом, что неоспаривание арбитражным управляющим сделок должника оправдано до тех пор, пока иное не установлено собранием (комитетом) кредиторов, а наличие в деле о банкротстве мажоритарных кредиторов переносит на последних обязанность по обращению в суд с заявлениями о признании сделок недействительными. Приведенные нормы направлены на расширение полномочий отдельных кредиторов и предоставление собранию (комитету) кредиторов возможности понудить арбитражного управляющего к реализации ликвидационных мероприятий в ситуации, когда он, уклоняясь от оспаривания сделок, неправоммерно бездействует.

Таким образом, необоснованным является вывод о том, что кредитор вправе обжаловать бездействие арбитражного управляющего, выразившееся в неоспаривании сделки должника, лишь после отказа (уклонения) арбитражного управляющего от выполнения соответствующего решения собрания (комитета) кредиторов или предложения отдельного кредитора.

В силу п. 4 ст. 20³ Закона о банкротстве конкурсный управляющий несет самостоятельную обязанность действовать в интересах должника и кредиторов добросовестно и разумно. Данную обязанность управляющий исполняет вне зависимости от того, обращались к нему кредиторы с какими-либо предложениями либо нет. Это означает, что меры, направленные на пополнение конкурсной массы, в частности с использованием механизмов оспаривания подозрительных сделок должника, планирует и реализует прежде всего сам арбитражный

управляющий как профессионал, которому доверено текущее руководство процедурой банкротства.

Определение № 306-ЭС16-4837

II. Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

4. В случае, когда имущественное требование, находящееся в залоге, было исполнено контрагентом залогодателя путем перечисления на его расчетный счет безналичных денежных средств, у залогодержателя не возникает право залога на эти средства.

В обеспечение исполнения обязательств общества по кредитному договору между банком (залогодержателем) и обществом (залогодателем) был заключен договор залога имущественных требований общества, возникших из ряда различных договоров.

В рамках дела о банкротстве общества банк обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требований банка по кредитному договору как обеспеченных залогом имущественных прав требования.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление банка удовлетворено. Разрешая вопрос о наличии залогового обеспечения в отношении спорных требований, суды исходили из того, что на расчетный счет общества поступили денежные средства по названным договорам, и руководствовались п. 2 ст. 334 и п. 2 ст. 358⁶ ГК РФ, согласно которым залогодержатель преимущественно перед другими кредиторами залогодателя вправе получить удовлетворение обеспеченного залогом требования также за счет имущества, причитающегося залогодателю при исполнении третьим лицом обязательства, право требовать исполнения которого является предметом залога. Если иное не установлено договором залога имущественного требования, при получении от своего должника в счет исполнения обязательства денежных сумм залогодатель по требованию залогодержателя обязан уплатить ему соответствующие суммы в счет исполнения обязательства, обеспеченного залогом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение по следующим основаниям.

По общему правилу п. 1 ст. 358⁶ ГК РФ должник залогодателя, требование к которому заложено, исполняет соответствующее обязательство залогодателю. При таком исполнении, по смыслу подп. 3 п. 2 ст. 345 ГК РФ имущество, переданное залогодателю-кредитору его

должником, автоматически обременяется залогом. В силу прямого указания закона эта норма о трансформации залога не применяется в ситуации, когда исполнение осуществляется в деньгах.

Вместе с тем в соответствии с п. 4 ст. 358⁶ ГК РФ денежные суммы, полученные залогодателем от его должника в счет исполнения обязательства, требование по которому заложено, если это предусмотрено законом или договором залога требования, зачисляются на залоговый счет залогодателя, к которому применяются правила о договоре залога прав по договору банковского счета.

Таким образом, согласно указанным нормам и п. 5 ст. 358⁹ ГК РФ при уменьшении стоимости заложенного денежного требования вследствие надлежащего исполнения должником соответствующего обязательства в пользу кредитора-залогодателя залогодержатель может приобрести другое залоговое обеспечение, тесно связанное с произведенной безналичной расчетной операцией, но лишь при наличии залогового счета, на который поступило денежное исполнение. В этом случае в соответствии с п. 1 ст. 358⁹ ГК РФ новым заложенным объектом признаются права по договору банковского счета, а не находящиеся на счете денежные средства.

Доводы банка о допустимости залога прав по расчетному счету противоречат п. 1 ст. 358⁹ ГК РФ, согласно которому права по договору банковского счета могут быть предметом залога лишь при условии открытия залогового счета. При этом в соответствии с банковскими правилами, принятыми на основании п. 2 ст. 846 ГК РФ, залоговый счет является специальным банковским счетом, он открывается в самостоятельном порядке, а не образовывается путем изменения статуса расчетного счета (пп. 2.8, 4.14 инструкции Банка России от 30 мая 2014 г. № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов»).

Кроме того, согласно п. 2 ст. 358⁶ ГК РФ залогодатель при получении от своего должника денежных сумм в счет исполнения обязательства, требование по которому заложено, обязан по заявлению залогодержателя уплатить ему соответствующие суммы. Поскольку в указанной норме речь идет об обычном обязательстве залогодателя вернуть полученную от своего должника сумму залогодержателю, при банкротстве залогодателя у залогодержателя в отношении этой суммы не возникает каких-либо преимуществ перед другими кредиторами залогодателя.

Определение № 305-ЭС16-7885

5. Изменение условий договора об открытии невозобновляемой кредитной линии, не влекущее увеличение лимита выдачи денежных средств, не свидетельствует об увеличении ответственности

поручителя, в связи с чем его согласие на изменение условий договора не требуется.

Между обществом и банком заключен договор об открытии невозобновляемой кредитной линии с определенным лимитом выдачи. В этот кредитный договор включены положения о том, что передача кредита производится в пределах свободного остатка лимита, а также сумм предоставленного заемщиком обеспечения. Также кредитный договор содержал перечень имущества, передаваемого обществом в залог банку.

Также между банком и фирмой был заключен договор поручительства, по условиям которого фирма обязалась отвечать перед банком за исполнение обществом всех обязательств по указанному кредитному договору. В договоре поручительства отражен лимит выдачи по кредитному договору и указано на то, что поручитель ознакомился с условиями кредитной сделки.

Впоследствии банк и общество заключили дополнительные соглашения, по которым увеличили количество переданного в залог имущества.

Фирма обратилась в арбитражный суд с иском к банку о признании договора поручительства незаключенным. Фирма ссылаясь на то, что после заключения дополнительных соглашений увеличилась стоимость обеспечения, а следовательно, по условиям договора произошло увеличение объема выданного кредита. Таким образом, условия кредитного договора были существенно изменены без согласия поручителя.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковое требование удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении искового требования по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 819 ГК РФ, подп. 2 п. 2.2 Положения Банка России от 31 августа 1998 г. № 54-П «О порядке предоставления (размещения) кредитными организациями денежных средств и их возврата (погашения)» (далее – Положение № 54) договором об открытии кредитной линии является соглашение, на основании которого заемщик приобретает право на получение и использование денежных средств в течение обусловленного данным договором срока, при соблюдении одного из следующих условий: общая сумма предоставленных средств не превышает максимального размера (лимита) (кредитная линия с лимитом выдачи); в период действия соглашения размер единовременной задолженности заемщика не превышает установленного соглашением сторон лимита (кредитная линия с лимитом задолженности).

При этом банки вправе ограничивать размер средств, предоставляемых заемщику в рамках открытой ему кредитной линии, путем одновременного включения в соответствующий договор обоих указанных условий, а также путем использования в этих целях любых иных дополнительных условий с одновременным выполнением требований, установленных подп. 2 п. 2.2 Положения № 54.

Таким образом, вследствие открытия кредитной линии в согласованный обществом и банком период времени (период доступности) заемщик вправе востребовать, а банк обязан предоставить кредитный транш в пределах оговоренного лимита при соблюдении заемщиком прочих условий получения транша, если таковые имеются в кредитном договоре.

Включение в текст кредитного договора перечня имущества, подлежащего передаче заемщиком в залог изначально для целей получения им первых траншей, а также последующее расширение данного перечня для реализации права заемщика на выборку кредитных средств в пределах всего заранее оговоренного лимита выдачи сами по себе не свидетельствовали об изменении условий кредитования, зафиксированных в указанном кредитном договоре на момент его заключения. При этом лимит выдачи в течение всего периода доступности оставался постоянным.

Фактически состоявшееся расширение перечня заложенного имущества осуществлено в соответствии с первоначальными условиями кредитного договора.

Согласно правовой позиции, изложенной в абзаце втором п. 37 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством», при толковании п. 1 ст. 367 ГК РФ суды должны учитывать цель этой нормы, состоящую в защите поручителя от неблагоприятных изменений основного обязательства, а не в создании для него необоснованных преимуществ в виде прекращения поручительства.

Фирма была ознакомлена с кредитным договором, знала как об общем лимите выдачи, который был зафиксирован на день дачи поручительства и впоследствии не изменялся, так и о том, что при предоставлении обществом дополнительного залогового обеспечения у заемщика возникнет право на получение очередных траншей вплоть до исчерпания лимита выдачи по кредитной линии.

Таким образом, предоставление заемщиком дополнительного обеспечения для получения очередных траншей не могло быть квалифицировано судами как изменение основного обязательства, влекущее увеличение ответственности поручителя и требующее согласия последнего.

Поскольку лимит выдачи денежных средств банком обществу не был превышен, отсутствуют правовые основания считать на основании п. 1 ст. 367 ГК РФ в редакции, действовавшей на момент заключения договора поручительства, договор поручительства и вытекающие из него обязательства прекратившимися либо невозникшими.

Определение № 302-ЭС16-7818

6. Положения п. 4 ст. 395 ГК РФ в редакции Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» не подлежат применению к договорам, заключенным до 1 июня 2015 г.

Уполномоченный орган (далее – арендодатель, министерство) и общество (арендатор) в 2001 году заключили договор аренды земельного участка. За просрочку исполнения обязательства арендатора по внесению арендной платы договором установлена неустойка.

Ссылаясь на просрочку внесения арендной платы, министерство обратилось в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности по арендной плате и процентов за пользование чужими денежными средствами, подлежащих начислению на сумму задолженности по день ее фактической уплаты.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены в части взыскания задолженности по арендной плате, во взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами отказано. Суды руководствовались п. 4 ст. 395 ГК РФ, в соответствии с которым проценты не подлежат взысканию, если соглашением сторон предусмотрено начисление неустойки за неисполнение денежного обязательства.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа в удовлетворении исковых требований и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 83 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – постановление Пленума № 7), положения ГК РФ в измененной Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 42-ФЗ) редакции, например ст. 317¹ ГК РФ, не применяются к правам и обязанностям, возникшим из договоров, заключенных до дня вступления его в силу (до 1 июня 2015 г.);

при рассмотрении споров из названных договоров следует руководствоваться ранее действовавшей редакцией ГК РФ с учетом сложившейся практики ее применения (п. 2 ст. 4, абзац второй п. 4 ст. 421, п. 2 ст. 422 ГК РФ). Вместе с тем при решении вопроса о начислении процентов за неисполнение денежного обязательства, возникшего на основании заключенного до 1 июня 2015 г. договора, в отношении периодов просрочки, имевших место с 1 июня 2015 г., размер процентов определяется в соответствии с п. 1 ст. 395 ГК РФ в редакции Закона № 42-ФЗ.

Таким образом, к отношениям, возникшим из договоров, заключенных до вступления в силу Закона № 42-ФЗ, применяется ранее действовавшая редакция ГК РФ. Исключение составляет лишь п. 1 ст. 395 ГК РФ, которым регламентирован порядок определения размера начисляемых в соответствии с данной нормой процентов и который применяется и к названным договорам в отношении периодов просрочки, имевших место после вступления в силу Закона № 42-ФЗ.

Редакция ст. 395 ГК РФ, действовавшая до 1 июня 2015 г., не содержала запрета на взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами в том случае, если соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства. Такое ограничение появилось только в связи с введением в действие с 1 июня 2015 г. Законом № 42-ФЗ п. 4 ст. 395 ГК РФ.

Согласно сложившейся до 1 июня 2015 г. практике применения ГК РФ в случае нарушения, возникшего из договора денежного обязательства кредитор был вправе предъявить либо требование о взыскании с должника процентов на основании ст. 395 ГК РФ, либо требование о взыскании предусмотренной договором неустойки.

Поскольку договор аренды, за неисполнение обязательств по которому истец начислил ответчику проценты за пользование чужими денежными средствами, заключен до вступления в силу Закона № 42-ФЗ, положения ГК РФ в редакции данного закона не применяются к правоотношениям сторон по настоящему спору.

Определение № 309-ЭС16-9411

7. Проценты за пользование чужими денежными средствами, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, могут быть начислены за фактически принятое, но не оплаченное получателем количество энергии за месяц лишь при наступлении срока окончательного расчета.

В соответствии с условиями договора купли-продажи электрической энергии сетевая компания (абонент) обязалась оплачивать сбытовой компании (продавцу) электрическую энергию тремя платежами: первый –

до 10 числа расчетного месяца, второй – до 25 числа расчетного месяца, третий – до 18 числа месяца, следующего за расчетным.

Ссылаясь на несвоевременное исполнение сетевой компанией обязательств по внесению первого и второго платежей, сбытовая компания обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании с сетевой компании процентов за пользование чужими денежными средствами на основании ст. 395 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены. Суды исходили из того, что уплата промежуточных платежей в установленный срок является обязанностью абонента, поэтому за нарушение такой обязанности может быть начислена как предусмотренная договором неустойка, так и проценты за пользование чужими денежными средствами.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

Из п. 1 ст. 539, п. 1 ст. 541, ст. 544 ГК РФ следует, что абонент по договору энергоснабжения обязан оплачивать фактически принятое количество энергии в соответствии с данными ее учета, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон. Порядок расчетов за энергию определяется законом, иными правовыми актами или соглашением сторон.

В соответствии с пп. 40, 44, 65 (1), 79 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 (далее – Основные положения № 442), поставка электроэнергии разбивается на расчетные периоды, равные одному месяцу. Определение объема взаимных обязательств поставщика и потребителя электроэнергии, в том числе объема поставленной энергии, и, как следствие, ее стоимости осуществляется по итогам каждого расчетного периода.

Нормативный порядок расчетов за электроэнергию, поставляемую гарантирующим поставщиком, предусматривает два промежуточных платежа до 10 и до 25 числа расчетного месяца, то есть месяца, в котором осуществляется поставка, и окончательный платеж до 18 числа месяца, следующего за расчетным. При этом фактически поставленный объем определяется только за расчетный период и оплачивается третьим платежом (пп. 82, 83, 136 Основных положений № 442).

Из п. 54 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» следует, что в случае, когда покупатель своевременно не оплачивает фактически принятое через

присоединенную сеть количество электрической энергии в соответствии с данными учета, к покупателю в соответствии с п. 3 ст. 486, абзацем первым п. 4 ст. 488 ГК РФ применяется мера ответственности, установленная ст. 395 ГК РФ: на сумму, уплата которой просрочена, покупатель обязан уплатить проценты со дня, когда по договору товар должен быть оплачен, до дня оплаты товара покупателем, если иное не предусмотрено ГК РФ или договором купли-продажи.

Таким образом, для целей расчетов юридический факт передачи энергии как товара возникает по окончании расчетного периода в момент фиксации объема поставки. Ответственность в виде уплаты процентов наступает в случае просрочки оплаты переданного товара.

Поскольку факт поставки электроэнергии ни к 10, ни к 25 числу не подлежал фиксации и не был зафиксирован и обязанность сетевой компании оплатить предварительный платеж, исчисленный от ориентировочного объема поставляемой электроэнергии за текущий месяц, не корреспондировала обязанности сбытовой компании поставить к этой дате определенное количество электроэнергии, несвоевременное осуществление первого и второго платежей не является достаточным основанием для привлечения сетевой компании к ответственности в соответствии со ст. 395 ГК РФ за просрочку оплаты поставленной электроэнергии.

Определение № 305-ЭС16-8210

8. Управляющая компания обязана возместить ресурсоснабжающей организации потери тепловой энергии в сетях только в тех случаях, когда указанные сети относятся к общему имуществу многоквартирного дома.

Застройщик, осуществлявший строительство многоквартирного дома, спроектировал и построил участок тепловой сети от внешней стены дома до тепловой камеры, находившейся в сетях ресурсоснабжающей организации. После создания теплопровода ресурсоснабжающая организация и застройщик подписали акт об установлении границ балансовой принадлежности тепловых сетей и эксплуатационной ответственности, установив разграничение сетей по фланцевому соединению тепловой камеры.

Перед сдачей дома в эксплуатацию ресурсоснабжающая организация и управляющая компания многоквартирным домом (исполнитель коммунальных услуг) подписали акт об установлении границ балансовой принадлежности, аналогичный по содержанию акту, подписанному застройщиком.

Ресурсоснабжающая организация обратилась в арбитражный суд с иском к управляющей компании о взыскании возмещения потерь тепловой энергии в теплопроводе.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены. Суды сочли управляющую компанию обязанной оплатить потери тепловой энергии в теплопроводе, поскольку он создавался для нужд многоквартирного дома, передан ей в эксплуатацию, не являлся бесхозным.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Обязанность по оплате потерь в тепловых сетях предопределяется принадлежностью этих сетей (ст. 539, 544 ГК РФ, п. 5 ст. 15, п. 2 ст. 19 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее – Закон о теплоснабжении), п. 2 Правил организации теплоснабжения в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 8 августа 2012 г. № 808).

По смыслу чч. 6.2, 7.1 ст. 155, чч. 1, 2, 2.3, 9 ст. 161, чч. 1–3 ст. 162 ЖК РФ, пп. 40, 63, 64 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354, правомочия управляющей компании (исполнителя услуг по договору управления) в отношении тепловых сетей как составной части общего имущества многоквартирного дома производны от прав собственников помещений в этом доме (заказчиков по тому же договору). Управляющая компания не вправе по собственному усмотрению устанавливать состав общедомового имущества.

Точка поставки тепловой энергии в многоквартирный дом по общему правилу должна находиться на внешней стене многоквартирного дома в месте соединения внутридомовой системы отопления с внешними тепловыми сетями. Иное возможно при подтверждении прав собственников помещений в многоквартирном доме на тепловые сети, находящиеся за пределами внешней стены этого дома. Вынесение точки поставки за пределы внешней стены без волеизъявления собственников означает незаконное возложение бремени содержания имущества на лиц, которым это имущество не принадлежит.

При исследовании актов разграничения балансовой принадлежности судам следовало установить, имеются ли предусмотренные законодательством Российской Федерации основания для установления границы балансовой принадлежности по сетям теплоснабжения за пределами внешней границы стены многоквартирного дома, в том числе имелось ли предусмотренное подп. «а» п. 1 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением

Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491, волеизъявление управомоченных собственников помещений в многоквартирном доме на определение состава общего имущества многоквартирного дома, и может ли спорный участок тепловых сетей быть отнесен к иным объектам, предназначенным для обслуживания одного многоквартирного дома в соответствии с подп. «ж» п. 2 указанных правил.

Судами не устанавливались обстоятельства, связанные с передачей спорного теплопровода застройщиком собственникам. Вопреки выводам судов передача застройщиком теплопровода управляющей компании не дает оснований полагать, что его собственником стали жильцы многоквартирного дома.

Определение № 308-ЭС16-7310

9. Если иное не установлено законом или договором, предусмотренная договором аренды здания (сооружения, помещения) арендная плата включает плату за пользование земельным участком, на котором расположена недвижимость, переданная в аренду.

Уполномоченный орган (далее – арендодатель, управление) и учреждение (арендатор) заключили договор аренды здания, находящегося в муниципальной собственности. Согласно условиям договора размер арендной платы определяется в соответствии с решением представительного органа местного самоуправления об утверждении методики расчета платы за аренду имущества, находящегося в муниципальной собственности (далее – Методика).

Управление обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании с учреждения неосновательного обогащения, составляющего плату за пользование земельным участком, на котором расположено указанное здание.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении искового требования отказано. Суд исходил из того, что условиями договора не предусмотрено внесение арендодателю иных, кроме арендной платы, платежей за пользование имуществом и не указано, что плату за пользование земельным участком следует вносить отдельно от арендной платы за пользование зданием. Таким образом, установленная договором арендная плата включает в себя плату за пользование земельным участком, на котором расположено арендуемое здание.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, исковое требование удовлетворено. Суды пришли к выводу, что формула расчета арендной платы, предусмотренная Методикой, не включает плату за пользование земельным участком, следовательно, арендатор обязан оплатить его отдельно.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу пп. 1, 2 ст. 652 ГК РФ, арендатор здания может пользоваться земельным участком, занятым арендуемым зданием, без соответствующего договора в силу закона в течение срока аренды недвижимости; вопросы арендной платы за пользование в данном случае решаются с учетом положений п. 2 ст. 654 ГК РФ.

Исходя из буквального толкования п. 2 ст. 654 ГК РФ по общему правилу плата за пользование земельным участком включена в размер арендной платы за пользование зданием.

Таким образом, в отсутствие в договоре аренды здания (сооружения, помещения) условия об обязанности арендатора вносить плату за пользование земельным участком отдельно от согласованной сторонами арендной платы, иного договора, предусматривающего внесение платы за пользование земельным участком, а также прямой нормы закона, обязывающей арендатора здания (строения, помещения) оплачивать пользование земельным участком, на котором расположены названные объекты недвижимости и который необходим для их использования, отдельно от внесения арендной платы за пользование зданием (строением, помещением), согласованная сторонами договора арендная плата включает плату как за пользование объектом недвижимости, так и земельным участком под ним.

Тот факт, что по условиям договора аренды размер арендной платы за здание определяется на основании методики, предусматривающей формулу расчета платы, в которой прямо не отражен (выделен) коэффициент платы за землю, не свидетельствует о согласовании сторонами несения арендатором дополнительной обязанности по внесению платы за пользование земельным участком, и о наличии у арендодателя права требовать от арендатора такой платы.

Поскольку при толковании условий договора по правилам ст. 431 ГК РФ установлено, что в договоре аренды здания отсутствует волеизъявление сторон по вопросу установления отдельной арендной платы за пользование земельным участком, и в настоящем случае нормативно не предусмотрено взимание платы за пользование земельным участком, на котором расположен переданный в аренду объект, являются правильными выводы суда первой инстанции о том, что в силу п. 2 ст. 654 ГК РФ внесенная учреждением по договору аренды плата за пользование зданием включает плату за пользование земельным участком, на котором расположено здание, поэтому не имеется оснований для удовлетворения требований управления о взыскании с ответчика неосновательного обогащения.

10. Преобразование государственного унитарного предприятия в автономное учреждение не является основанием для прекращения договора аренды земельного участка, заключенного этим юридическим лицом в качестве арендатора, за исключением случаев, когда решением уполномоченного органа ему будет предоставлено право постоянного (бессрочного) пользования этим земельным участком.

В 2007 году между уполномоченным органом местного самоуправления (арендодатель; далее – администрация) и федеральным государственным унитарным предприятием (арендатор) был заключен договор аренды.

В 2014 году федеральное государственное унитарное предприятие было преобразовано в автономное учреждение (далее – учреждение).

Администрация обратилась в арбитражный суд с иском к учреждению о взыскании задолженности по арендной плате.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены частично. Суды исходили из того, что арендатор изменил свою организационно-правовую форму и в 2014 году стал учреждением, следовательно, в соответствии со ст. 39⁹ Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) должен обладать земельным участком исключительно на праве постоянного (бессрочного) пользования. Таким образом, у учреждения отсутствует обязанность вносить арендную плату по ранее заключенному договору, поскольку оно обязано платить земельный налог.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 1 ст. 65 ЗК РФ, п. 1 ст. 388 Налогового кодекса Российской Федерации и п. 1 ст. 131 ГК РФ, плательщиком земельного налога является лицо, которое в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним указано как обладающее правом собственности, правом постоянного (бессрочного) пользования либо правом пожизненного наследуемого владения на соответствующий земельный участок.

В соответствии с п. 1 ст. 39⁹ ЗК РФ предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в постоянное (бессрочное) пользование осуществляется на основании решения уполномоченного органа. В решении о предоставлении земельного участка в постоянное (бессрочное) пользование указывается кадастровый номер земельного участка, а также иные сведения о землепользователе (п. 3 ст. 39⁹ ЗК РФ).

Однако решения уполномоченного органа о предоставлении учреждению земельного участка на праве постоянного (бессрочного) пользования земельным участком суду при рассмотрении дела представлено не было.

В отсутствие государственной регистрации права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком за учреждением, это право у последнего не возникло, в связи с чем не имелось оснований считать его плательщиком земельного налога.

Кроме того, в соответствии с п. 5 ст. 58 ГК РФ при преобразовании юридического лица одной организационно-правовой формы в юридическое лицо другой организационно-правовой формы права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении других лиц не изменяются, за исключением прав и обязанностей в отношении учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией. С учетом предусмотренных в законе последствий преобразования юридического лица, указанное обстоятельство нельзя признать основанием для прекращения договора аренды и отсутствия у ответчика обязанности уплачивать арендную плату.

Определение № 306-ЭС16-7779

III. Применение положений законодательства об охране природы и природопользовании

11. Отказ уполномоченного органа в регистрации права собственности на земельный участок при отсутствии доказательств перевода лесного участка лесного фонда в иную категорию является правомерным. Материалы таксации лесов не являются достаточным основанием для определения и изменения границ лесных участков.

Решением регистрирующего органа обществу (покупателю) было отказано в регистрации перехода права собственности на земельный участок на основании договора купли-продажи, заключенного с исполнительным органом местного самоуправления (продавец; далее – мэрия). Исходя из находящегося в архиве письма министерства природопользования и окружающей среды субъекта Российской Федерации от 2010 года регистрирующий орган пришел к выводу, что указанный земельный участок относится к лесным участкам, что в силу ст. 71 Лесного кодекса Российской Федерации (далее – ЛК РФ) исключает его приобретение в частную собственность.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения регистрирующего органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленное требование удовлетворено. Суды исходили из материалов таксации лесов, расположенных в муниципальном образовании, утвержденных постановлением мэрии, и пришли к выводу, что эти материалы свидетельствуют о проведении работ по лесоустройству, в результате которых были уточнены границы лесничества и спорный земельный участок в эти границы не вошел.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Исходя из положений ст. 71 ЛК РФ и п. 8 ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее – Закон о приватизации) отчуждению не подлежат земельные участки в составе земель лесного фонда, общего пользования, в том числе лесопарки.

Границы лесничеств и лесных участков определяются при лесоустройстве, которое в соответствии с положениями ст. 68 ЛК РФ наряду с другими работами включает в себя в том числе проектирование лесничеств, лесопарков, лесных участков и таксацию лесов.

В силу ст. 69¹ ЛК РФ и ч. VI Лесоустроительной инструкции, утвержденной приказом Федерального агентства лесного хозяйства от 12 декабря 2011 г. № 516 (далее – Лесоустроительная инструкция), под таксацией лесов понимаются работы по выявлению, учету и оценке количественных и качественных характеристик лесных ресурсов. При таксации лесов, проводимой в границах лесных участков, лесничеств и лесопарков, осуществляется установление границ лесотаксационных выделов, определение преобладающих и сопутствующих древесных пород, диаметра, высоты и объема древесины, лесорастительных условий, состояния естественного возобновления древесных пород и подлеска, а также других характеристик лесных ресурсов.

Таким образом, при проведении таксации не определяются границы лесничеств либо лесных участков, материалы таксации лесов основаниями для определения и изменения соответствующих границ не являются.

Определение местоположения, границ, площади и иных характеристик лесничеств и отдельных лесных участков в соответствии с положениями ст. 68¹, 69 ЛК РФ (в редакции, применяемой к спорным отношениям), чч. II и III Лесоустроительной инструкции проводится при проведении таких видов лесоустройства, как проектирование лесничеств и лесопарков, лесных участков.

Вместе с тем в материалах дела отсутствуют доказательства проведения таких работ, постановлением мэрии утверждены только материалы таксации.

Кроме того, спорный земельный участок находится в границах лесничества, установленных приказом Федерального агентства лесного хозяйства.

Согласно информации 2014 года, содержащейся в государственном лесном реестре, который в соответствии с чч. 1, 2 ст. 91 ЛК РФ представляет собой систематизированный свод документированной информации о лесах, об их использовании, охране, защите, воспроизводстве, о лесничествах и о лесопарках, данный участок являлся лесным.

Ведение государственного лесного реестра, внесение в него изменений осуществляются органами государственной власти, органами местного самоуправления в пределах их полномочий, определенных в соответствии со ст. 81–84 ЛК РФ.

Согласно ч. 2, п. 2 ч. 3, ч. 5 ст. 23 ЛК РФ количество лесничеств, лесопарков и их границы устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Положениями ст. 84 ЛК РФ органы местного самоуправления такими полномочиями не наделены.

Однако согласно данным, предоставленным из лесного реестра в 2015 году, спорный объект уже не относился к категории лесных участков.

Между тем вопрос об обстоятельствах, послуживших основанием для исключения сведений о спорном земельном участке из государственного лесного реестра, судами не исследовался. При этом без установления данных обстоятельств нельзя признать доказанным факт утраты спорным земельным участком статуса лесного.

Определение № 306-КГ16-7898

IV. Практика применения законодательства о налогах и сборах

12. При выпуске материальных ценностей из государственного резерва и одновременной поставке в него равного количества аналогичных товаров расходы ответственного хранителя по уплате налога на добавленную стоимость возмещаются через механизм налоговых вычетов, а не путем взыскания соответствующих сумм с государственного заказчика.

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» (далее – Закон о материальном резерве) между управлением Федерального агентства по государственным резервам (далее – Управление) и обществом заключен государственный контракт по ответственному хранению материальных ценностей государственного мобилизационного резерва.

В соответствии с принятыми на себя обязательствами общество произвело освежение зерна путем выпуска и закладки в государственный мобилизационный резерв аналогичного количества продукции.

Общество произвело исчисление налога на добавленную стоимость (далее – НДС) с операции по закладке (реализации) зерна в государственный материальный резерв, одновременно заявив к вычету НДС в аналогичной сумме по операциям выпуска (закупки) зерна из государственного материального резерва.

По результатам камеральных налоговых проверок налоговых деклараций общества налоговым органом подтверждена обязанность общества уплатить НДС с операций по закладке зерна и отказано в праве на вычет НДС с операций по выпуску ввиду отсутствия фактической уплаты обществом в бюджет соответствующих сумм НДС в качестве налогового агента.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к Управлению о взыскании задолженности в размере суммы НДС.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что расходы общества по уплате НДС в качестве налогового агента подлежат компенсации через механизм налоговых вычетов, а получение денежных средств от Управления влечет возникновение на стороне общества неосновательного обогащения.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, исковое требование удовлетворено. Суды сочли правомерным заявленное требование, поскольку налоговый орган отказал в предоставлении обществу вычета НДС.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с положениями п. 4 ст. 11 Закона о материальном резерве ответственные хранители, которым установлены мобилизационные и другие специальные задания, обязаны обеспечить размещение, хранение, своевременное освежение, замену, а также выпуск материальных ценностей из государственного резерва своими силами и средствами.

Содержание и развитие системы государственного резерва, а также расходы, связанные с поставками материальных ценностей в государственный резерв (за исключением поставок в целях освежения государственного резерва и замены материальных ценностей государственного резерва, осуществляемых ответственными хранителями самостоятельно), закладкой материальных ценностей в государственный резерв, ответственным хранением материальных ценностей государственного резерва, обслуживанием материальных ценностей

государственного резерва, выпуском материальных ценностей из государственного резерва и перемещением материальных ценностей государственного резерва, являются расходными обязательствами Российской Федерации. Освежение запасов государственного резерва, находящегося у ответственных хранителей, и замена материальных ценностей государственного резерва осуществляются ответственными хранителями самостоятельно, без привлечения дополнительных бюджетных средств (п. 1 ст. 8 и абзац третий п. 2 ст. 13 Закона о материальном резерве).

При поставке и закладке ответственным хранителем материальных ценностей в государственный резерв поставщик на основании п. 1 ст. 168 НК РФ обязан предъявить к оплате покупателю соответствующую сумму НДС, исчислить сумму названного налога исходя из стоимости реализованных товаров и уплатить ее в бюджет в порядке, установленном ст. 174 НК РФ.

В случае выпуска материальных ценностей из государственного резерва обязанность по исчислению и уплате НДС возникает у получателей названных ценностей.

Из положений п. 2 ст. 154 НК РФ следует, что при совершении товарообменных операций, облагаемых НДС, каждая из сторон сделки как налогоплательщик учитывает соответствующую операцию по реализации принадлежащих ей товаров при определении налоговой базы, исчисляет и уплачивает НДС.

При выпуске материальных ценностей из государственного резерва и одновременной закладке в него равного количества аналогичных товаров ответственный хранитель обязан как налогоплательщик учесть при определении налоговой базы по НДС операции по поставке им материальных ценностей в государственный резерв, а как налоговый агент в отношении операций по выпуску товаров из государственного резерва – исчислить и уплатить налог в соответствии с абзацем вторым п. 3 ст. 161 НК РФ.

Произведенная сторонами операция освежения материальных запасов не предполагает привлечение дополнительных бюджетных средств в качестве компенсации ответственному хранителю затрат при проведении данной операции ввиду равноценности товаров, выпускаемых из государственного резерва и поступающих в распоряжение ответственного хранителя.

При этом обязанность по уплате НДС в бюджет возлагается на налоговых агентов вне зависимости от способов, с помощью которых производились расчеты получателя (покупателя) с собственником имущества, включая денежные или неденежные расчеты, а суммы, уплаченные в качестве НДС в бюджет налоговыми агентами, подлежат компенсации из бюджета через механизм налоговых вычетов в порядке, установленном ст. 171–172 НК РФ.

В случае, когда при совершении товарообменных операций не производились выплаты денежных средств за поставленную продукцию, в связи с чем удержание НДС оказалось невозможным, на налоговом агенте лежит обязанность, установленная подп. 2 п. 3 ст. 24 НК РФ, исчислить подлежащую уплате налогоплательщиком сумму налога и сообщить в налоговый орган о невозможности удержать налог и о сумме задолженности соответствующего налогоплательщика.

Таким образом, в случае уплаты НДС из собственных средств общество (налоговый агент) было вправе воспользоваться порядком, предусмотренным действующим налоговым законодательством, для возмещения уплаченного налога из бюджета, а не требовать взыскания спорных сумм с Управления.

Общество уведомило налоговый орган о невозможности удержать НДС со стоимости поставленной продукции, не уплатив соответствующую сумму налога в бюджет за счет собственных средств. Следовательно, в отсутствие реальной уплаты НДС в бюджет право на компенсацию своих потерь с использованием механизма применения соответствующих вычетов у данного лица также не возникло.

Определение № 305-ЭС16-6809

13. Лицо, приобретавшее товары (работ, услуги) по операциям, освобожденным от налогообложения, но получившее от контрагента счета-фактуры с выделением суммы НДС, не лишается права принять к вычету предъявленную сумму налога, поскольку контрагент обязан уплатить ее в бюджет.

Решением налогового органа обществу отказано в возмещении НДС. Отказ мотивирован тем, что, осуществляя в проверяемом периоде воздушные перевозки пассажиров и багажа, включая международные перевозки, общество приобретало услуги наземного обслуживания воздушных судов в различных аэропортах, которые в силу подп. 22 п. 2 ст. 149 НК РФ освобождены от налогообложения НДС, в связи с чем налогоплательщик не вправе включать суммы НДС по таким услугам в состав вычетов вне зависимости от наличия выделенной суммы налога в выставленных контрагентами счетах-фактурах.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа недействительным и об обязанности возместить НДС.

Решением суда первой инстанции требования общества удовлетворены. Суд пришел к выводу, что выставление контрагентом счета-фактуры при реализации налогоплательщику товаров (работ, услуг), не облагаемых НДС в силу ст. 149 НК РФ, с выделением налога по ставке 18 процентов или 10 процентов не может являться основанием для отказа в

применении налогоплательщиком вычетов по полученным счетам-фактурам, что согласуется с положениями подп. 2 п. 5 ст. 173 НК РФ.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении требований общества отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В силу подп. 22 п. 2 ст. 149 НК РФ не подлежит налогообложению (освобождается от налогообложения) НДС реализация (а также передача, выполнение, оказание для собственных нужд) на территории Российской Федерации услуг, оказываемых непосредственно в аэропортах Российской Федерации и воздушном пространстве Российской Федерации по обслуживанию воздушных судов, включая аэронавигационное обслуживание.

При этом гл. 21 НК РФ не содержит ни определения понятия «услуги, оказываемые непосредственно в аэропортах Российской Федерации и воздушном пространстве Российской Федерации по обслуживанию воздушных судов», ни перечня таких услуг.

В ст. 50 Воздушного кодекса Российской Федерации услуги по обслуживанию воздушных судов также не поименованы.

В силу ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Следовательно, под услугами по обслуживанию воздушных судов непосредственно в аэропортах Российской Федерации и воздушном пространстве Российской Федерации в целях применения подп. 22 п. 2 ст. 149 НК РФ следует понимать любые услуги, оказанные авиакомпаниями (заказчику) в рамках заключенных договоров и направленные на подготовку воздушного судна к вылету с пассажирами, багажом и грузом, поскольку такие услуги являются составной частью обслуживания воздушных судов в аэропортах и представляют собой комплекс мер, направленных на осуществление воздушной перевозки.

В соответствии с п. 5 ст. 173 НК РФ сумма НДС, подлежащая уплате в бюджет, исчисляется следующими лицами в случае выставления ими покупателю счета-фактуры с выделением суммы налога:

- 1) лицами, не являющимися налогоплательщиками, или налогоплательщиками, освобожденными от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с исчислением и уплатой налога;
- 2) налогоплательщиками при реализации товаров (работ, услуг), операции по реализации которых не подлежат налогообложению.

При этом сумма НДС, подлежащая уплате в бюджет, определяется как сумма налога, указанная в соответствующем счете-фактуре, переданном покупателю товаров (работ, услуг).

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 17-П разъяснено, что одним из проявлений диспозитивности в регулировании налоговых правоотношений выступает право лиц, не являющихся плательщиками НДС, или налогоплательщиков, освобожденных от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с его исчислением и уплатой, вступить в правоотношения по уплате данного налога, что в силу п. 5 ст. 173 НК РФ возлагает на таких лиц обязанность выставлять покупателю счет-фактуру с выделением в нем суммы налога и, соответственно, исчислять сумму данного налога, подлежащую уплате в бюджет. Выставленный же покупателю счет-фактура, согласно п. 1 ст. 169 НК РФ, в дальнейшем служит для него основанием для принятия указанных в счете-фактуре сумм налога к вычету.

Как следует из п. 5 ст. 173 НК РФ, обязанность продавца уплатить НДС в бюджет и право покупателя применить налоговый вычет связаны с одним и тем же юридическим фактом – выставлением счета-фактуры: право покупателя на такой вычет ставится в зависимость от предъявления ему продавцом сумм НДС в порядке, предусмотренном НК РФ, то есть посредством счета-фактуры (п. 1 ст. 169 НК РФ), а обязанность продавца перечислить сумму этого налога в бюджет обусловлена выставлением им счета-фактуры с выделением в нем соответствующей суммы отдельной строкой.

Соответственно, общество, приобретавшее услуги наземного обслуживания судов, оказываемые в аэропортах, и получившее от контрагентов счета-фактуры с выделением суммы НДС, вправе было использовать соответствующие вычеты, а контрагенты обязаны уплатить НДС в бюджет. Доказательств того, что действия общества и контрагентов являлись согласованными и направленными на неуплату НДС, налоговым органом не представлено.

*Определения № 305-КГ16-6640,
305-КГ16-7096, 305-КГ16-8642*

14. Для признания денежной суммы, выплаченной работнику в связи с расторжением трудового договора по соглашению сторон, расходами в целях исчисления налога на прибыль организаций необходимо, чтобы такая выплата являлась экономически обоснованной. При значительном размере этой суммы и ее явном несоответствии обстоятельствам, характеризующим трудовую деятельность работника, на налогоплательщике лежит бремя

раскрытия доказательств, обосновывающих природу произведенной выплаты и ее экономическую оправданность.

По результатам проведенной в отношении общества выездной налоговой проверки налоговым органом принято решение, которым обществу доначислен налог на прибыль организаций в связи с тем, что в нарушение п. 1 ст. 252, ст. 255, п. 49 ст. 270 НК РФ при исчислении налога на прибыль организаций в составе расходов на оплату труда общество неправомерно учло суммы компенсаций, выплаченные увольняемым работникам на основании соглашений о расторжении трудовых договоров.

Общество обратилось в арбитражный суд с требованием о признании недействительным указанного решения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что для признания понесенных налогоплательщиком затрат в целях налогообложения прибыли необходимо их соответствие критериям, установленным ст. 252, 255 НК РФ. Трудовые договоры, которые были заключены обществом с работниками, получившими выплаты при их увольнении, не содержали указаний на возможность выплаты компенсаций, а также на их условия и размеры. Соответствующие соглашения об изменении условий трудовых договоров, которые устанавливали бы обязанность общества производить выплаты компенсаций, а также условия такой выплаты и их размеры, за исключением соглашений с двумя работниками, также не заключались. Соглашения о внесении дополнений в трудовой договор двух работников, согласно которым при расторжении договора в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 77 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) работодатель обязуется не позднее даты прекращения трудовых отношений между работником и работодателем осуществить выплату дополнительной денежной компенсации в размере 1 153 600 руб., не признаны судами в качестве неотъемлемой части трудового договора, поскольку не содержат каких-либо сведений и (или) условий, обязательных для включения в трудовой договор, и заключены незадолго до его расторжения.

Арбитражный суд округа постановлением отменил указанные судебные акты и удовлетворил требования общества. Суд указал, что перечень расходов на оплату труда, предусмотренный ст. 255 НК РФ, является открытым. В связи с этим расходы на выплату компенсаций работникам, увольняемым по соглашению сторон трудового договора, могут быть включены в расходы на оплату труда в соответствии с п. 25 ст. 255 НК РФ как прочие выплаты, осуществляемые налогоплательщиком в пользу работников. Суд также принял во внимание, что п. 9 ст. 255 НК РФ в редакции, действующей после 1 января 2015 г., предусматривает

возможность отнесения к расходам на оплату труда тех начислений увольняемым работникам, которые предусмотрены отдельными соглашениями сторон трудового договора, в том числе соглашениями о расторжении трудового договора.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Статьей 255 НК РФ установлен открытый перечень расходов на оплату труда работников, учитываемых в целях налогообложения, при условии, что эти выплаты производятся в рамках трудовых и связанных с ними отношений.

Поскольку ст. 9 ТК РФ допускает регулирование трудовых и связанных с ними отношений в договорном порядке, само по себе то обстоятельство, что спорные выплаты были произведены во исполнение дополнительных соглашений к трудовым договорам и соглашений о расторжении трудовых договоров, не исключает возможности признания таких расходов в целях налогообложения на основании ст. 255 НК РФ.

Вместе с тем спорные расходы должны соответствовать ст. 252, 270 НК РФ, то есть являться обоснованными (экономически оправданными) затратами, оценка которых выражена в денежной форме и при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода.

Согласно сложившемуся в судебной практике подходу налоговое законодательство не содержит положений, позволяющих налоговому органу при применении ст. 252 НК РФ оценивать произведенные налогоплательщиками расходы с позиции их экономической целесообразности. Расходы признаются экономически обоснованными, если они необходимы для деятельности налогоплательщика.

Для целей исчисления налога на прибыль организаций производимые при увольнении работников выплаты не должны быть аналогичны расходам, поименованным в п. 25 ст. 270 НК РФ, то есть надбавкам к пенсиям, единовременным пособиям уходящим на пенсию ветеранам труда и тому подобным выплатам, имеющим характер личного обеспечения работника после его увольнения.

Выплаты, производимые на основании соглашений о расторжении трудового договора, могут выполнять как функцию выходного пособия (заработка, сохраняемого на относительно небольшой период времени до трудоустройства работника), так и по существу выступать платой за согласие работника на отказ от трудового договора.

При значительном размере таких выплат, их явной несопоставимости обычному размеру выходного пособия, на которое в соответствии со ст. 178 ТК РФ вправе рассчитывать увольняемый работник, длительности его трудового стажа и внесенному им трудовому вкладу, а также иным обстоятельствам, характеризующим трудовую

деятельность работника, на налогоплательщике в соответствии с п. 1 ст. 54, п. 1 ст. 252 НК РФ и ч. 1 ст. 65 АПК РФ лежит бремя раскрытия доказательств, обосновывающих природу произведенных выплат и их экономическую оправданность.

При отсутствии таких доказательств налоговый орган вправе исходить из того, что произведенные работникам выплаты в соответствующей части являются личным обеспечением работников, предоставляемым на период после их увольнения, и не уменьшают налогооблагаемую прибыль (пп. 25, 49 ст. 270 НК РФ).

Данная обязанность не устранена в связи со вступлением в действие с 1 января 2015 г. новой редакции п. 9 ст. 255 НК РФ, поскольку названные изменения по своему буквальному содержанию сводятся лишь к исключению неопределенности в вопросе о возможности учета расходов на оплату труда, если производимые при увольнении работника выплаты основаны на соглашении о расторжении трудового договора, но не к дозволению учитывать любые расходы.

Определение № 305-КГ16-5939

15. При доказанности того, что передача материальных и иных ресурсов (передача бизнеса) налогоплательщика другому лицу была совершена в целях уменьшения имущественной базы, за счет которой должна была быть исполнена налоговая обязанность, о чем другое лицо должно было знать, налоговый орган вправе взыскать суммы соответствующих налогов с лица, получившего указанное имущество.

Налоговый орган обратился в арбитражный суд с требованием о взыскании с общества-2 налоговой задолженности, числящейся за обществом-1, ссылаясь на специальные правила взыскания налоговой задолженности с лица, не являющегося плательщиком налога, установленные подп. 2 п. 2 ст. 45 НК РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные налоговым органом требования удовлетворены. Суды пришли к выводу, что общество-1 фактически перевело свою финансово-хозяйственную деятельность на вновь созданное в период проведения выездной налоговой проверки юридическое лицо – общество-2. Суды установили, что после вынесения решения по результатам выездной налоговой проверки общество-1 прекратило деятельность по фактическому адресу и не осуществляло денежные операции по всем расчетным счетам. При этом обществом-2 были перезаключены договоры с покупателями и поставщиками товара общества-1 по инициативе последнего, осуществлен перевод сотрудников во вновь созданную организацию. Решением арбитражного суда по другому делу общество-1 признано

несостоятельным (банкротом) по инициативе данного лица, в отношении общества введена процедура конкурсного производства. Суды пришли к выводу, что общество-1 и общество-2 находились в состоянии зависимости друг от друга, их согласованные действия были направлены на неисполнение налоговой обязанности, что в силу указанных положений подп. 2 п. 2 ст. 45 НК РФ является основанием для взыскания с общества-2 задолженности по налогам, числящейся за обществом-1.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 57 Конституции Российской Федерации каждый обязан уплачивать законно установленные налоги. В силу данной конституционной нормы налогоплательщики не вправе распоряжаться по своему усмотрению той частью своего имущества, которая в виде определенной денежной суммы подлежит взносу в казну (налог), на что обращено внимание в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П.

Предусматривая в п. 2 ст. 45 НК РФ исключение из правила о самостоятельном исполнении обязанности по уплате налогов лицом, признаваемым налогоплательщиком, законодатель связал возможность взыскания налоговой задолженности с иного лица с особыми обстоятельствами распоряжения налогоплательщиком принадлежащей ему имущественной массой, за счет которой должна была быть исполнена обязанность по уплате налогов.

Согласно данной норме взыскание налогов за счет иного лица, в частности, допускается в случаях перечисления выручки за реализуемые товары (работы, услуги), передачи денежных средств, иного имущества организациям, признанным судом иным образом зависимыми с налогоплательщиком, за которым числится недоимка.

Используемое в п. 2 ст. 45 НК РФ понятие «иной зависимости» между налогоплательщиком и лицом, к которому предъявлено требование о взыскании налоговой задолженности, имеет самостоятельное значение и должно толковаться с учетом цели данной нормы – противодействия избежанию налогообложения в тех исключительных случаях, когда действия налогоплательщика и других лиц носят согласованный (зависимый друг от друга) характер и приводят к невозможности исполнения обязанности по уплате налогов их плательщиком, в том числе при отсутствии взаимозависимости, предусмотренной ст. 105¹ НК РФ.

Удовлетворяя требования налогового органа, суды первой и апелляционной инстанций исходили из такой совокупности обстоятельств,

как создание общества-2 незадолго до окончания налоговой проверки, проводимой в отношении общества-1, тождественность контактных телефонов и информации на интернет-сайтах данных организаций, переход работников из одной организации в другую, продолжение взаимодействия данных работников с контрагентами налогоплательщика от имени вновь созданной организации. Суды первой и апелляционной инстанций указали, что деятельность как общества-2, так и общества-1 заключалась в реализации продукции, производимой рядом конкретных юридических лиц, которые в рамках мероприятий налогового контроля подтвердили, что расторжение договоров с обществом-1 и заключение новых договоров с обществом-2 происходило по инициативе общества-1, направившего соответствующие обращения. По результатам анализа движения денежных средств по банковскому счету общества-1 суды первой и апелляционной инстанций установили, что обществу-2 поступала выручка от контрагентов, которые до вступления в силу решения налогового органа, принятого по результатам налоговой проверки, являлись покупателями продукции, реализуемой обществом-1.

Сам по себе факт передачи имущественных прав не является достаточным для взыскания налоговой задолженности, числящейся за налогоплательщиком, с другого лица, поскольку свобода предпринимательской деятельности означает возможность субъектов предпринимательства по своему усмотрению определять способы ведения ими хозяйственной деятельности, время и способ ее прекращения, в том числе посредством передачи бизнеса другим участникам гражданского оборота, что предполагает одновременную передачу материальных, трудовых и иных ресурсов, ранее находившихся в распоряжении налогоплательщика.

В подобных случаях надлежит устанавливать, отличались ли условия и обстоятельства передачи бизнеса от тех, которые обычно имеют место при взаимодействии независимых друг от друга участников гражданского оборота, преследующих цели делового характера, и позволяют ли обстоятельства совершения сделок прийти к выводу об искусственном характере передачи бизнеса, совершении этих действий в целях перевода той имущественной базы, за счет которой должна была быть исполнена обязанность по уплате налогов.

В данном случае передача бизнеса не носила возмездного характера: общество-1 не получило от общества-2 оплаты или иного встречного удовлетворения.

Разумные экономические причины для передачи бизнеса на таких условиях после завершения налоговой проверки обществами, вопреки ч. 1 ст. 65 АПК РФ, в ходе судебного разбирательства раскрыты не были.

Отсутствие признаков субъективной зависимости между обществами, в том числе по указанным в п. 2 ст. 105¹ НК РФ критериям участия в капитале и (или) осуществления руководства деятельностью

юридического лица, не исключает при изложенных обстоятельствах возможности применения п. 2 ст. 45 НК РФ.

Определение № 305-КГ16-6003

16. Уточненная налоговая декларация, представленная после завершения выездной налоговой проверки и до вынесения налоговым органом решения, может представлять собой форму информирования налогового органа о возражениях налогоплательщика относительно выводов налогового органа по соответствующему налогу, изложенных в материалах проверки.

В период после проведения выездной налоговой проверки, но до вынесения решения по ней предприниматель представил в налоговый орган уточненные налоговые декларации.

По итогам изучения этих деклараций и документов к ним налоговым органом принято решение о доначислении предпринимателю сумм налогов.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным этого решения, ссылаясь на нарушение налоговым органом процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки, поскольку увеличение суммы взыскиваемых налогов осуществлено не на основании материалов выездной налоговой проверки, а в ходе дополнительных проверочных мероприятий при изучении представленных предпринимателем уточненных налоговых деклараций и приложенных к ним документов.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что предпринимателем не представлены доказательства, свидетельствующие о нарушении налоговым органом при вынесении решения процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки.

Арбитражный суд округа, отменяя принятые по делу судебные акты и удовлетворяя заявление предпринимателя, пришел к выводу, что налоговый орган при вынесении решения по результатам проверки не вправе был учитывать данные, содержащиеся в представленных налогоплательщиком уточненных налоговых декларациях, а мог провести повторные выездные проверки уточненных налоговых деклараций с составлением актов о выявленных нарушениях. Под видом дополнительных мероприятий налогового контроля налоговым органом фактически проведены сокращенные камеральные налоговые проверки уточненных налоговых деклараций.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе

решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 6 ст. 101 НК РФ после окончания налоговой проверки руководитель (заместитель руководителя) налогового органа, рассматривающий материалы данной проверки, вправе принять решение о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля. Осуществление такого права связано прежде всего с получением дополнительных доказательств по обстоятельствам, уже установленным в ходе проверки. Данное право не может быть противопоставлено праву налогового органа провести дополнительную налоговую проверку скорректированных сведений по уточненной налоговой декларации по основанию, предусмотренному абзацем шестым п. 10 ст. 89 НК РФ.

При этом НК РФ не содержит запрета на подачу уточненных налоговых деклараций за соответствующий налоговый период в случае назначения, проведения или окончания выездной налоговой проверки данного периода. Отсутствует запрет на подачу уточненной налоговой декларации и после принятия решения по результатам указанной проверки. Соответственно, данному праву налогоплательщика на предоставление уточненной налоговой декларации должно корреспондировать и полномочие налогового органа на ее проверку.

Налоговый орган, завершив выездную налоговую проверку, должен обладать всей полнотой информации о финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, осуществленной в проверенном периоде (включая сведения о доходах и расходах по соответствующим налогам).

Таким образом, уточненная налоговая декларация, представленная после завершения выездной налоговой проверки и до вынесения инспекцией решения, может представлять собой форму информирования налогового органа о возражениях налогоплательщика относительно выводов налогового органа по соответствующему налогу, изложенных в материалах проверки.

Поэтому при представлении уточненной налоговой декларации после окончания выездной налоговой проверки, но до принятия решения по ней налоговый орган с учетом объема и характера уточняемых сведений вправе провести дополнительные мероприятия налогового контроля, руководствуясь п. 6 ст. 101 НК РФ, либо, вынося решение без учета данных уточненной налоговой декларации, назначить проведение повторной выездной проверки в части уточненных данных.

При этом налогоплательщику была предоставлена возможность участвовать в процессе рассмотрения материалов налоговой проверки.

Таким образом, налоговым органом не допущено существенных нарушений процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки.

17. Исчисление налогов, учитываемых в составе расходов по налогу на прибыль организаций, в излишнем размере не может квалифицироваться как ошибка при исчислении налога на прибыль организаций, в связи с чем корректировка расходов на уплату налогов не требует подачи уточненной налоговой декларации за предыдущие периоды.

В 2011 году обществом продекларирована и уплачена сумма налога на добычу полезных ископаемых (далее – НДСПИ). Данная сумма учтена налогоплательщиком в составе расходов по налогу на прибыль организаций за указанный период.

В результате корректировки НДСПИ обществом в 2013 году представлены уточненные налоговые декларации по указанному налогу за 2011 год с уменьшенной суммой налога.

Соответствующие корректировки по налогу на прибыль организаций произведены налогоплательщиком в налоговой декларации за 2013 год. При этом налог на прибыль организаций за 2011 год не корректировался.

По результатам выездной налоговой проверки налоговый орган принял решение, в соответствии с которым обществу доначислен налог на прибыль за 2011 год.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения налогового органа.

Решением суда первой инстанции требование общества удовлетворено. Суд пришел к выводу, что исчисление налогов, учитываемых в составе расходов, в излишнем размере (в том числе вследствие неприменения льготы или иного освобождения) не может квалифицироваться как ошибка при исчислении налога на прибыль организаций. Следовательно, корректировка налоговой базы по НДСПИ, учитываемому в составе расходов, в 2013 году должна рассматриваться как новое обстоятельство, свидетельствующее о необходимости учета излишне исчисленной суммы НДСПИ в периоде указанной корректировки в составе внереализационных доходов, перечень которых в силу ст. 250 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) не является исчерпывающим.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении требований общества, суды апелляционной инстанции и арбитражного суда округа исходили из того, что в данном случае общество могло установить период совершения ошибок (искажений) при исчислении налоговой базы по налогу на прибыль организаций, вследствие чего соответствующие изменения должны быть внесены за период, в котором эти ошибки (искажения) допущены. Соответственно, обществу следовало корректировать объем налоговых обязательств применительно к декларации по налогу на прибыль организаций за 2011 год.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

На основании подп. 1 п. 1 ст. 264 НК РФ к прочим расходам, связанным с производством и реализацией, относятся суммы налогов и сборов, таможенных пошлин и сборов, страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации на обязательное пенсионное страхование, в Фонд социального страхования Российской Федерации на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования на обязательное медицинское страхование, начисленные в установленном законодательством Российской Федерации порядке, за исключением перечисленных в ст. 270 указанного кодекса.

Термин «начисленный налог» в НК РФ не определяется, но исходя из сложившейся судебной практики таковым является налог, отраженный налогоплательщиком в представляемых им налоговых декларациях в качестве подлежащего уплате.

С учетом правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 г. № 10077/11, исчисление налогов, учитываемых в составе расходов по налогу на прибыль организаций (в том числе НДС), в излишнем размере не может квалифицироваться как ошибка при исчислении налога на прибыль организаций. Исполнив обязанность по начислению НДС в соответствии с поданными первоначально декларациями за 2011 год, общество правомерно квалифицировало данные начисления как прочие расходы, связанные с производством и реализацией. Учет в составе расходов первоначально исчисленной суммы НДС не может квалифицироваться как ошибочный. Корректировка НДС в 2013 году должна рассматриваться как новое обстоятельство, свидетельствующее о необходимости учета излишне исчисленной суммы НДС в периоде указанной корректировки в составе внереализационных доходов, перечень которых в силу ст. 250 НК РФ не является исчерпывающим.

Определение № 308-КГ16-8442

V. Практика применения таможенного законодательства

18. Для изъятия допуска к процедуре МДП, определенной Таможенной конвенцией о международной перевозке грузов с применением книжки МДП от 14 ноября 1975 г., необходимо установить не только факты неоднократного нарушения таможенного

и налогового законодательства, но и соответствие между применением указанной меры и степенью серьезности совершенных нарушений.

Федеральной таможенной службой России (далее – ФТС России) вынесено распоряжение об изъятии у общества допуска к процедуре МДП на основании Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП от 14 ноября 1975 г. (далее – Конвенция МДП).

Основанием этого решения стало то, что ФТС России установила факт неоднократного нарушения обществом таможенных правил (трижды в течение года; восемь раз в период с 2008 года по 2014 год включительно). При этом указанные правонарушения выразились в несообщении в таможенный орган обстоятельств, препятствующих перевозке товаров в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, нарушении срока доставки товара, установленного таможенным органом, нарушении срока таможенного транзита товаров, находящихся под таможенным контролем на (один) день, утрате средств таможенной идентификации.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного распоряжения незаконным.

Отказывая в удовлетворении требования общества, суд первой инстанции исходил из того, что общество было привлечено к административной ответственности за нарушение таможенного законодательства по восьми постановлениям, которые вступили в силу и не были оспорены в установленном порядке.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя требования общества, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что при принятии решения ФТС России не учла критерий серьезного характера нарушения норм таможенного законодательства, предусмотренный ст. 38 Конвенции МДП. Допущенные правонарушения не могли повлиять на определение размера подлежащих уплате таможенных платежей, в связи с чем оснований считать их серьезными не имеется. Количество правонарушений за период с 2008 по 2014 год с учетом того, что обществом ежегодно осуществляется большое количество перевозок, также не свидетельствует о серьезном умышленном нарушении обществом таможенных правил.

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции, указав, что исследование ФТС России состава административного правонарушения, наличия или отсутствия отягчающих обстоятельств, размера ответственности, вреда и тяжести наступивших последствий должно осуществляться в случае, когда ФТС России решает вопрос об изъятии допуска к процедуре МДП за серьезные, а не за неоднократные нарушения таможенных правил. Неоднократное привлечение общества к административной ответственности само по себе

является фактом, свидетельствующим о несоблюдении данным обществом таможенного законодательства Российской Федерации, и дает основания ФТС России сомневаться в способности заявителя принимать все меры для соблюдения обязательных требований таможенного законодательства при осуществлении перевозок по территории Российской Федерации.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно положениям Конвенции МДП и нормам национального законодательства допуск по процедуре МДП означает предоставление перевозчику льгот в виде возможности пользоваться особыми таможенными правилами, который облегчает условия выполнения международной автомобильной перевозки. Лишение права пользования указанной льготой не может быть произвольным.

В соответствии с п. 4 ст. 6 гл. II Конвенции МДП разрешение на доступ к процедуре МДП представляется только тем лицам, которые удовлетворяют минимальным условиям и требованиям, изложенным в ч. II приложения 9 к указанной конвенции.

Пунктом 1 ч. II приложения 9 к Конвенции МДП установлены минимальные условия и требования, которые должны соблюдаться лицами, желающими получить доступ к процедуре МДП, в частности отсутствие серьезных или неоднократных нарушений таможенных правил или налогового законодательства.

Без ущерба для ст. 38 это разрешение изымается, если соблюдение этих критериев больше не обеспечивается (п. 4 ст. 6 Конвенции МДП).

Пункт 1 ст. 38 Конвенции МДП предусматривает, что каждая Договаривающаяся сторона имеет право временно или окончательно лишать права пользования постановлением данной конвенции всякое лицо, виновное в серьезном нарушении таможенных законов или правил, применяемых при международной перевозке грузов.

То есть изъятие в любом случае должно осуществляться без ущерба для критерия серьезности, установленного ст. 38 Конвенции МДП.

Таким образом, системное и телеологическое толкование норм Конвенции МДП, которая принималась в целях облегчения международной перевозки грузов дорожным транспортом и упрощения административных и таможенных формальностей в области международных перевозок, свидетельствует о том, что неоднократность нарушения норм таможенного или налогового законодательства сама по себе не может являться основанием для лишения допуска к процедуре МДП. Необходимо учитывать, насколько серьезный характер носят нарушения и насколько существенный вред причиняют общественным отношениям, исходя из необходимости обеспечения баланса интересов сторон спорных правоотношений, в том числе государства, заинтересованного в участии отечественных перевозчиков в

международных дорожных перевозках и создании условий для их конкурентоспособности в указанной сфере международных услуг, на что, среди прочего, было направлено присоединение Российской Федерации к нормам Конвенции МДП.

*Определения № 305-КГ16-5744,
305-КГ16-7183, 305-КГ16-8764*

VI. Процессуальные вопросы

19. Арбитражный суд не может отменить решение третейского суда, которым отказано в признании ничтожным соглашения о предоставлении должником кредиторю недвижимой вещи с целью погашения обязательств по кредитному договору, лишь по тому основанию, что в момент заключения этого соглашения должник не мог распоряжаться данным имуществом. Эти обстоятельства также не могут служить основанием для признания недействительной третейской оговорки, поскольку она носит автономный характер.

Между банком и фондом заключено соглашение, в соответствии с которым фонд предоставляет недвижимое имущество с целью погашения обязательств общества перед банком по кредитному договору (далее – соглашение). В соглашении содержалось условие о том, что любой спор, разногласие или претензия, вытекающие из или в связи с договором либо его нарушением, прекращением или недействительностью, а также незаключенностью, подлежат разрешению в определенном третейском суде.

Фонд обратился в третейский суд с иском к банку о признании соглашения ничтожной сделкой, ссылаясь на то, что на момент его заключения фонд не обладал полномочиями по передаче права собственности на данное имущество, так как судом на него был наложен арест.

Решением третейского суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Фонд обратился в арбитражный суд к банку с заявлением об отмене решения третейского суда, поскольку оно нарушает основополагающие принципы российского права, а именно принцип запрета распоряжения имуществом, распоряжение которым запрещено.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, требование фонда удовлетворено. Суды согласились с доводом фонда о ничтожности соглашения, поскольку оно было заключено в период действия обеспечительных мер. Кроме того, суды признали, что ничтожность соглашения приводит к ничтожности содержащейся в нем третейской

оговорки, что в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 233 АПК РФ является основанием для отмены решения третейского суда.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и отказала в удовлетворении требования фонда по следующим основаниям.

По смыслу чч. 3 и 4 ст. 80 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», при наложении ареста на имущество должник лишается права распоряжения арестованным имуществом, если отсутствует указание судебного пристава-исполнителя в постановлении о наложении ареста об ограничении прав владения и пользования.

Исходя из этого заключение соглашения о том, что должник обязуется передать право собственности на недвижимое имущество с целью погашения обязательств по кредитному договору, является правомерным. Незаконными могут быть признаны только действия по передаче в собственность другого лица имущества, распоряжаться которым запрещено в силу наложенных обеспечительных мер.

Кроме того, ошибочным является вывод судов о ничтожности третейской оговорки. Третейское соглашение – это соглашение, устанавливающее взаимные права и обязанности сторон по вопросам способа, формы и процедуры разрешения возможного спора, а не соглашение, определяющее взаимные гражданские права и обязанности сторон, хотя и заключенное в форме гражданско-правового договора. В силу указанной природы третейское соглашение носит автономный от основного договора характер (п. 1 ст. 17 Федерального закона от 24 июля 2002 г. №102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»).

Следовательно, признание договора недействительным в том случае, когда имеются такие основания, не влечет автоматического признания третейской оговорки недействительной. Действительность третейской оговорки не зависит от действительности основного договора.

Основания недействительности третейской оговорки в большинстве случаев носят самостоятельный характер и оцениваются судом самостоятельно (например, пороки воли при заключении третейского соглашения или нарушение арбитрабельности споров), и только в определенных случаях могут совпадать с основаниями недействительности договора в целом (в частности, при выявлении фальсификации).

Определение № 306-ЭС16-4741

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Вопросы квалификации

1. Разбойное нападение, в ходе которого виновный с целью хищения чужого имущества проник на территорию охраняемой автостоянки, квалифицируется как совершенное с незаконным проникновением в иное хранилище.

Судом установлено, что Я. согласно заранее разработанному плану, дождавшись, когда охранники закроют ворота автостоянки, перелез через забор и, незаконно проникнув на охраняемую территорию, совместно с другими соучастниками совершил разбойное нападение на охранников автостоянки с целью хищения находившихся на ней автомашин.

Действия осужденного Я. квалифицированы судом как разбой, совершенный в том числе с незаконным проникновением в иное хранилище.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, указав следующее.

В соответствии с примечанием к ст. 158 УК РФ хранилищем, в частности, являются участки территории, предназначенные для хранения материальных ценностей.

Под незаконным проникновением понимается противоправное вторжение с целью совершения хищения. Именно такие обстоятельства были установлены приговором.

Определение № 56-АПУ16-5СП

2. Действия виновного, имеющего умысел на сбыт наркотических средств нескольким лицам при отсутствии с ними предварительной договоренности на реализацию всего объема этих средств, следует квалифицировать как самостоятельные преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228¹ УК РФ.

По приговору суда от 17 марта 2009 г. (с учетом внесенных изменений) О. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹ УК РФ (два преступления), по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

О. признан виновным и осужден за два покушения на незаконный сбыт наркотических средств и за приготовление к незаконному сбыту наркотических средств в особо крупном размере.

Осужденный в кассационной жалобе просил о пересмотре состоявшихся в отношении его судебных решений, указывая, что его действия необоснованно квалифицированы как самостоятельные

преступления, поскольку, имея умысел на сбыт наркотических средств в особо крупном размере, он сбыл лишь часть, не образующую крупный размер. В связи с этим осужденный просил квалифицировать его действия по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор в части квалификации действий осужденного без изменения, мотивировав следующим.

Суд правильно квалифицировал действия осужденного как отдельные преступления, поскольку, как установлено судом и не оспаривается в жалобе, осужденный покушался на сбыт наркотического средства двум разным лицам.

Анализ показаний осужденного в судебном заседании, показаний свидетеля под псевдонимом «С» и свидетеля П. свидетельствует о том, что у осужденного не имелось договоренности с указанными лицами на сбыт всего объема наркотических средств, имевшихся у О.

Определение № 5-УД16-61

3. Незаконные приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в значительном и крупном размере, совершенные с единым умыслом, квалифицируются как одно преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Г. признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в значительном размере, совершенном группой лиц по предварительному сговору, незаконных приобретении и хранении без цели сбыта наркотических средств в значительном и крупном размерах.

По приговору суда Г. осужден по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹ к 8 годам лишения свободы, по ч. 2 ст. 228 УК РФ к 3 годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 228 УК РФ к 6 месяцам лишения свободы, а по совокупности преступлений, определяемой по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ, путем частичного сложения назначенных наказаний – к 9 годам лишения свободы.

Последующие судебные инстанции оставили приговор без изменения.

В кассационной жалобе адвокат в интересах осужденного Г. просил отменить судебные решения и направить уголовное дело на новое судебное разбирательство. При этом защитник указывал на то, что действия Г., связанные с незаконным приобретением и хранением наркотических средств без цели сбыта, неправильно квалифицированы по двум статьям УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор на основании ч. 1 ст. 401¹⁵

УПК РФ в связи с существенными нарушениями уголовного закона, повлиявшими на исход дела и выразившимися в следующем.

Согласно фактическим обстоятельствам дела, признанным судом доказанными, Г. 23 января 2013 г. незаконно, без цели сбыта, приобрел наркотическое средство – смесь, содержащую метадон (фенадол, долофин), которое незаконно хранил: массой 0,739 г – при себе, а массой 6,606 г – дома. 25 января 2013 г. наркотическое средство массой 6,606 г было изъято в ходе проведения сотрудниками правоохранительных органов обыска по месту жительства Г.

Таким образом, установив, что умыслом осужденного, направленным на незаконные приобретение и хранение наркотических средств без цели сбыта, охватывались одни и те же действия с наркотическими средствами в крупном размере, суд неправильно применил уголовный закон, дополнительно квалифицировав действия осужденного по ч. 1 ст. 228 УК РФ.

В обоснование решения об отказе в удовлетворении кассационной жалобы адвоката в интересах осужденного в части неправильной квалификации действий осужденного по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 2 ст. 228 УК РФ, президиум городского суда в своем постановлении указал, что переквалификация действий осужденного по незаконному приобретению и хранению наркотического средства – смеси, содержащей метадон (фенадол, долофин), массой не менее 0,739 г и его действий по незаконному приобретению и хранению наркотического средства – смеси, содержащей метадон (фенадол, долофин), массой 6,606 г на единое преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 228 УК РФ, ухудшает положение осужденного, поскольку в данном случае в отношении действий, квалифицированных по ч. 1 ст. 228 УК РФ, применяется другая норма уголовного закона, санкция которой предусматривает более строгое наказание.

Однако данный вывод суда кассационной инстанции является ошибочным, поскольку, по смыслу закона, более тяжким является обвинение, когда применяется другая норма уголовного закона (статья, часть статьи или пункт), санкция которой предусматривает более строгое наказание; в обвинение включаются дополнительные, не вмененные обвиняемому факты (эпизоды), влекущие изменение квалификации на закон, предусматривающий более строгое наказание, либо увеличивающие фактический объем обвинения, хотя и не изменяющие юридической оценки содеянного.

В данном случае квалификация действий осужденного по фактам незаконного хранения наркотического средства, обнаруженного как при его задержании, так и в ходе обыска по месту его жительства, по ч. 2 ст. 228 УК РФ с исключением излишне вмененной ч. 1 ст. 228 УК РФ не ухудшает положение осужденного, так как она не влечет за собой изменение фактических обстоятельств дела, установленных судом первой

инстанции, и не увеличивает фактический объем предъявленного ему обвинения.

Такой вывод следует из того обстоятельства, что ст. 228 УК РФ разграничивает тяжесть уголовной ответственности в зависимости от размера наркотического средства, с которыми совершены незаконные действия без цели его сбыта, а именно в зависимости от значительного (ч. 1 ст. 228 УК РФ), крупного (ч. 2 ст. 228 УК РФ) и особо крупного (ч. 3 ст. 228 УК РФ) размеров, определяющих объективную сторону состава преступления.

По данному делу установлено, что Г., действуя с единым умыслом, незаконно приобрел и затем незаконно хранил без цели сбыта одновременно в разных местах наркотические средства в количестве, не образующем в общей сложности особо крупный размер, т.е. более тяжкий квалифицирующий признак.

Исходя из изложенного Судебная коллегия изменила приговор и последующие судебные решения и переквалифицировала действия осужденного с ч. 1 ст. 228 и ч. 2 ст. 228 УК РФ на ч. 2 ст. 228 УК РФ, по которой назначила наказание в виде лишения свободы на срок 3 года. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹, ч. 2 ст. 228 УК РФ, путем частичного сложения назначенных наказаний окончательно назначила Г. наказание в виде лишения свободы на срок 8 лет 8 месяцев.

Определение № 78-УД16-10

4. Действия лица подлежат квалификации по ст. 317 УК РФ при наличии прямого умысла, направленного на лишение жизни сотрудника правоохранительного органа, независимо от того, наступила смерть потерпевшего или нет.

Установлено, что у С. возник умысел совершить посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа – полиции с тем, чтобы воспрепятствовать его законной деятельности по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, и похитить табельное оружие и боеприпасы.

Осуществляя задуманное, С. напал на полицейского Б. и нанес ему удар ножом в грудную клетку слева, после чего похитил табельное оружие (пистолет) и боеприпасы к нему. Очевидцем нападения на полицейского был гражданин З., который попытался задержать С.

Однако последний нанес потерпевшему З. удар ножом в живот и скрылся с места происшествия.

Указанные действия С. квалифицированы судом по ст. 317, п. «б» ч. 4 ст. 226 и п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ.

В апелляционных жалобах осужденный С. и его адвокат просили приговор в части осуждения С. по ст. 317 УК РФ отменить и дело прекратить за отсутствием события преступления. Утверждали, что действия С. по завладению оружием сотрудника полиции необоснованно квалифицированы двумя статьями УК РФ – 226 и 317 УК РФ, поскольку умысла на лишение жизни потерпевшего у него не было.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор в части квалификации действий осужденного без изменения, а жалобы без удовлетворения, указав следующее.

В судебном заседании осужденный С. не отрицал, что он совершил нападение на сотрудника полиции с целью завладения его табельным оружием, ударив его ножом, а затем нанес удар ножом гражданину З., пытавшемуся его задержать.

В соответствии с заключениями судебно-медицинских экспертов у Б. диагностировано телесное повреждение – непроникающая рана грудной клетки слева, – которое произошло от действия колюще-режущего предмета незадолго до поступления в стационар и квалифицируется как легкий вред здоровью по признаку кратковременного расстройства здоровья до 21 дня.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования законной деятельности по охране общественного порядка должно квалифицироваться по ст. 317 УК РФ независимо от того, была ли причинена смерть потерпевшему либо она не наступила в силу причин, не зависящих от воли виновного. Преступление считается оконченным в момент посягательства на жизнь. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Материалами дела установлено, что потерпевший Б., являясь штатным сотрудником полиции, был одет в форменную одежду, находился при исполнении своих служебных обязанностей по охране общественного порядка. Совершение на него нападения с очевидностью для осужденного С. было сопряжено с воспрепятствованием его законной деятельности по охране общественного порядка.

О наличии у С. прямого умысла на лишение жизни потерпевшего свидетельствует факт нанесения им ножом прицельного удара в левую часть груди, то есть в область расположения жизненно важных органов человека, в результате которого потерпевший упал и не мог оказать сопротивление во время завладения его табельным оружием. Умысел на лишение жизни не был доведен до конца по причинам, не зависящим от воли виновного, поскольку в результате нанесенного потерпевшему удара ножом жизненно важные органы человека фактически повреждены не были, и потерпевшему была оказана срочная медицинская помощь.

II. Процессуальные вопросы

5. Согласно ч. 2 ст. 142 УПК РФ заявление о явке с повинной может быть сделано как в письменном, так и в устном виде. Неоформление заявления о явке с повинной в качестве самостоятельного процессуального документа не влияет на учет этого обстоятельства в качестве смягчающего наказания.

Как следует из материалов уголовного дела, Ш. сообщил оперуполномоченному уголовного розыска Г., что он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ссоре нанес более 10 ударов кулаком К., она упала на пол. Увидев, что потерпевшая не подает признаков жизни, он позвонил З. и сказал, что убил К., свою вину признал, в содеянном раскаялся.

В отделе полиции Ш. дал аналогичные объяснения после разъяснения положений ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Показания свидетеля Г. относительно дачи Ш. указанных объяснений исследованы судом и положены в основу обвинительного приговора.

По приговору суда Ш. осужден по ч.1 ст. 105 УК РФ на 11 лет лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционным жалобам осужденного и его адвоката, изменила приговор в части назначенного Ш. наказания по следующим основаниям.

Согласно ст. 142 УПК РФ заявление о явке с повинной является добровольным сообщением лица о совершенном им преступлении. Заявление о явке с повинной может быть сделано как в письменном, так и в устном виде.

Таким образом, фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что Ш. добровольно сообщил о совершенном им преступлении в отношении К., при этом очевидцев события преступления не было, а обстоятельства содеянного стали известны свидетелям со слов самого обвиняемого.

Неоформление заявления о явке с повинной в качестве самостоятельного процессуального документа не влияет в данной ситуации на учет этого обстоятельства в качестве смягчающего наказания.

Судебная коллегия признала явку с повинной обстоятельством, смягчающим наказание, и смягчила назначенное Ш. наказание по ч. 1 ст. 105 УК РФ до 10 лет лишения свободы.

Определение № 11-АПУ16-21

6. Суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся свидетелей, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц, в частности в ходе очных ставок с его участием (ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 281 и ч. 2¹ ст. 281 УПК РФ).

Как следует из протокола судебного заседания, в суде были оглашены показания свидетелей Ш. и Д., являющихся гражданами Кыргызской Республики. Показания указанных свидетелей были оглашены при отсутствии согласия сторон на их оглашение, а также при отсутствии отказа свидетелей, являющихся иностранными гражданами, явиться по вызову суда.

Мотивируя свое решение, суд первой инстанции сослался на п. 3 ч. 2 ст. 281 УПК РФ и учел тот факт, что Ш. и Д. являются иностранными гражданами и в настоящее время находятся за пределами Российской Федерации.

Между тем документов, с достоверностью подтверждающих отказ свидетелей, являющихся иностранными гражданами, от явки в суд, в деле нет, и в судебном заседании такие документы не исследовались.

При этом и подсудимый С., и его адвокат возражали против оглашения данных показаний, ссылаясь на то, что с указанными свидетелями у подсудимых не было очных ставок, а также не было возможности задавать им вопросы и проверить их показания.

Суд апелляционной инстанции исключил из описательно-мотивировочной части приговора ссылки на показания свидетелей Ш. и Д., поскольку принятое судом первой инстанции решение противоречит требованиям ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 281 УПК РФ.

Кроме того, суд не принял должных мер к обеспечению явки свидетеля Ш. в суд, а именно: не установил место жительства Ш., в отношении которого имелись сведения о его местонахождении в Кыргызской Республике; не направил ему по месту жительства в Кыргызской Республике уведомление о вызове в судебное заседание и не обратился к компетентным органам иностранного государства с поручением об оказании правовой помощи в установлении места жительства Ш. и о вручении ему судебной повестки.

Вместе с тем исключение указанных показаний не свидетельствует о незаконности и необоснованности приговора в целом, постановленного на достаточной совокупности иных доказательств, отвечающих требованиям закона.

Определение № 67-АПУ16-9

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Наличие дефицита бюджета муниципального образования само по себе не может являться основанием для признания недействующим полностью нормативного правового акта, которым на основании соответствующих норм федерального законодательства определены условия, порядок назначения и выплаты муниципальной пенсии за выслугу лет лицам, замещавшим муниципальные должности муниципального образования.

Прокурор обратился в суд с административным иском о признании недействующим принятого представительным органом муниципального образования нормативного правового акта, которым установлены условия, порядок назначения и выплаты муниципальной пенсии за выслугу лет (ежемесячной доплаты к государственной пенсии) лицам, замещавшим муниципальные должности муниципального образования.

В обоснование требований указал, что оспариваемый акт противоречит действующему федеральному законодательству, принципам самостоятельности и сбалансированности бюджетов, не обеспечивает баланс частных и публичных интересов, принят без учета уровня бюджетной обеспеченности муниципального образования.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление прокурора удовлетворено, оспариваемый акт признан недействующим.

При этом суд исходил из того, что бюджет муниципального образования, равно как и бюджет субъекта Российской Федерации, в котором это муниципальное образование расположено, является дотационным.

В связи с этим право органа местного самоуправления на установление самостоятельного правового регулирования, касающегося дополнительных гарантий пенсионного обеспечения лиц, замещавших муниципальные должности муниципального образования, не является безусловным, поскольку зависит от уровня наполнения бюджета собственными доходами, обеспечивающими возможность самостоятельного – без привлечения средств субъекта Российской Федерации – исполнения своих расходных обязательств.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации с такими выводами не согласилась, отменила решение суда первой инстанции и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления прокурора, указав следующее.

Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому в соответствии с целями социального государства (ч. 1 ст. 7) социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ч. 1 ст. 39), относит определение условий и порядка реализации данного конституционного права, в том числе установление видов пенсий и доплат к ним, оснований приобретения права на их получение отдельными категориями граждан и правил исчисления размеров соответствующих выплат, к компетенции законодателя (ч. 2 ст. 39).

В Федеральном законе от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации закреплено в числе основных прав муниципального служащего (п. 12 ч. 1 ст. 11).

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 23 названного закона муниципальному служащему гарантируется пенсионное обеспечение за выслугу лет и в связи с инвалидностью.

В соответствии с пп. 2, 4 ст. 7 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» пенсия за выслугу лет устанавливается к страховой пенсии по старости (инвалидности), назначенной в соответствии с Федеральным законом «О страховых пенсиях», и выплачивается одновременно с ней; условия предоставления права на пенсию муниципальным служащим за счет средств местных бюджетов определяются актами органов местного самоуправления в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

При этом законодатель в ч. 1 ст. 24 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» предусмотрел распространение прав государственного служащего, установленных федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации, в полном объеме на муниципального служащего.

Частью 5.1 ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусмотрено, что гарантии осуществления полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления устанавливаются уставами муниципальных образований в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

В связи с этим органы местного самоуправления не могут быть лишены возможности вводить и изменять порядок и условия предоставления за счет собственных средств лицам, замещавшим должности муниципальной службы в данном муниципальном образовании, дополнительного обеспечения в виде пенсии за выслугу лет, в том числе

устанавливать правила исчисления таких выплат с учетом имеющихся у них финансово-экономических возможностей.

В ст. 34 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» перечислены органы местного самоуправления, к которым отнесены представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования, иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

Законом субъекта Российской Федерации о гарантиях осуществления полномочий депутата представительного органа муниципального образования, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления для данной категории лиц предусмотрено право на ежемесячную доплату к государственной пенсии, назначенной в соответствии с Законом Российской Федерации «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» либо досрочно оформленной в соответствии с Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации», и на муниципальную пенсию за выслугу лет, условия, порядок назначения и выплаты которых устанавливаются муниципальным правовым актом в соответствии с уставом муниципального образования

Во исполнение указанных положений закона уполномоченным органом муниципального образования принят оспариваемый акт.

Таким образом, удовлетворяя административное исковое заявление прокурора, суд фактически лишил названную выше категорию граждан гарантированного федеральным законодателем права на получение дополнительного пенсионного обеспечения.

Однако лишение лиц, замещавших муниципальные должности, права на получение назначенной им пенсии за выслугу лет в случае отсутствия у муниципального образования необходимых собственных денежных средств приводит к необоснованным различиям в реализации данного права лицами, проходившими муниципальную службу в другом муниципальном образовании, и влечет за собой такую дифференциацию в правовом положении граждан, относящихся к одной и той же категории, которая не имеет объективного и разумного оправдания, несовместима с требованиями ст. 19 (чч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации и не согласуется с конституционно значимыми целями возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина.

При этом само по себе наличие дефицита бюджета муниципального образования не может являться основанием для признания недействующим полностью оспариваемого нормативного правового акта, которым на основании соответствующих норм федерального

законодательства определены условия, порядок назначения и выплаты муниципальной пенсии за выслугу лет.

Определение № 83-АПГ16-2

2. В процессе принудительного исполнения судебных актов судебный пристав-исполнитель обязан принимать меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов.

А. является опекуном Н. – инвалида детства, имеющей I группу инвалидности по психическому заболеванию и признанной решением суда недееспособной.

Вступившим в законную силу решением суда на администрацию городского поселения возложена обязанность предоставить недееспособной Н. по договору социального найма благоустроенное жилое помещение общей площадью не менее 18 кв.м.

На основании исполнительного листа судебным приставом-исполнителем возбуждено исполнительное производство.

Постановлением администрации городского поселения Н. предоставлено по договору социального найма изолированное жилое помещение, состоящее из одной комнаты, площадью 18,1 кв.м.

В связи с тем, что направленный администрацией проект договора социального найма на указанное помещение А. как законный представитель Н. не подписала, ссылаясь на то, что недееспособной Н. должна быть предоставлена отдельная благоустроенная квартира, судебным приставом-исполнителем вынесено постановление об окончании исполнительного производства и возвращении исполнительного документа.

При этом судебный пристав-исполнитель исходил из того, что взыскатель своими действиями препятствует исполнению исполнительного документа.

А. не согласилась с названным постановлением судебного пристава-исполнителя, оспорила его в суде, полагая, что предложенное администрацией жилое помещение не соответствует требованиям действующего законодательства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано. При этом суды исходили из того, что судебным приставом-исполнителем совершены все необходимые действия, направленные на своевременное исполнение решения суда, тогда как А. своими действиями препятствует его исполнению. Утверждения А. о наличии уважительных причин для отказа от вселения в предоставляемую администрацией городского поселения комнату, не имеющую санузла, суд признал

несостоятельными, поскольку подлежащее исполнению решение суда не возлагает на администрацию обязанность предоставить отдельную квартиру.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации названные судебные акты отменила, вынесла новое решение об удовлетворении заявления А. и о признании незаконным постановления судебного пристава-исполнителя об окончании исполнительного производства и о возвращении исполнительного документа по следующим основаниям.

Задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций (ст. 2 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве») (далее – Закон об исполнительном производстве).

По смыслу приведенной нормы, правильным исполнением судебных актов является исполнение судебного акта в строгом соответствии с вынесенным по делу решением, на основании которого был выдан исполнительный документ и возбуждено исполнительное производство.

Из содержания п. 6 ч. 1 ст. 13 Закона об исполнительном производстве следует, что в исполнительном документе должна быть указана резолютивная часть решения суда, содержащая требование о возложении на должника обязанности совершить в пользу взыскателя определенные действия или воздержаться от совершения определенных действий.

Из толкования приведенных законоположений следует, что судебный пристав-исполнитель в процессе принудительного исполнения судебного акта должен требовать его исполнения в точном соответствии с выданным исполнительным листом.

Частью 3 ст. 47 Закона об исполнительном производстве предусмотрено, что исполнительное производство оканчивается судебным приставом-исполнителем в том числе в случае возвращения взыскателю исполнительного документа по основаниям, предусмотренным ст. 46 указанного закона, согласно п. 6 ч. 1 которой исполнительный документ, по которому взыскание не производилось или произведено частично, возвращается взыскателю, если взыскатель своими действиями препятствует исполнению исполнительного документа.

Таким образом, исполнительное производство может быть окончено в том числе, если взыскатель без объяснения мотивов либо без уважительных причин отказывается совершить действия, необходимые для исполнения решения суда.

Между тем вывод суда первой инстанции об отсутствии уважительных причин для отказа от вселения в предоставляемое администрацией городского поселения жилое помещение ввиду отсутствия в нем санузла не соответствует фактическим обстоятельствам.

Из заключения врачебной комиссии следует, что у Н. имеется хроническое психическое заболевание с тяжелыми стойкими часто обостряющимися болезненными проявлениями, отнесенное к п. 3 Перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 г. № 378.

Согласно представленному в материалы дела техническому паспорту жилого дома, являвшегося ранее общежитием, предложенное жилое помещение, состоящее из комнаты, не имеет кухни и санузла, что в судебном заседании никем не оспаривалось. Места общего пользования (кухня, санузел) находятся на этаже, то есть в совместном пользовании с другими нанимателями иных жилых помещений.

В связи с этим отказ А. от заключения договора социального найма, предметом которого является жилое помещение, имеющее указанные выше характеристики, не мог быть расценен судебным приставом-исполнителем в качестве действий, препятствующих исполнению исполнительного документа, и послужить основанием для окончания исполнительного производства и возвращения исполнительного листа.

При этом в случае неясности требования, содержащегося в исполнительном документе, судебный пристав-исполнитель не был лишен возможности обратиться в суд с заявлением о разъяснении исполнительного документа.

Определение № 44-КГ16-10

3. Налогоплательщик вправе реализовать права, предоставленные ему Налоговым кодексом Российской Федерации, посредством обращения в суд с административным иском с заявлением о признании задолженности по налогу безнадежной к взысканию.

А. обратился в суд с административным иском с заявлением о признании задолженности по транспортному налогу и пеням безнадежной к взысканию.

Определением судьи районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии административного искового заявления отказано на основании ст. 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с тем, что А. избрал ненадлежащий способ защиты права. Суды пришли к выводу о том, что

вопрос о списании безнадежной к взысканию задолженности по налогам подлежит рассмотрению не в судебном, а в административном порядке налоговым органом в соответствии с положениями Налогового кодекса Российской Федерации. При этом налоговым органом не принималось каких-либо решений по заявленному требованию, не совершалось действий (бездействие), которые могут быть предметом судебной проверки. Требование о признании задолженности безнадежной к взысканию направлено на установление юридического факта, в связи с чем нормы Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в данном случае не могут быть применены.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации с такими выводами судов не согласилась по следующим основаниям.

По смыслу положений ст. 44 Налогового кодекса Российской Федерации, утрата налоговым органом возможности принудительного взыскания сумм налогов, пеней, штрафа, то есть непринятие им в установленные сроки надлежащих мер к взысканию, сама по себе не является основанием для прекращения обязанности налогоплательщика по их уплате и, следовательно, для исключения соответствующих записей из его лицевого счета.

Согласно взаимосвязанному толкованию норм подп. 5 п. 3 ст. 44 и подп. 4 п. 1 ст. 59 Налогового кодекса Российской Федерации исключение соответствующих записей из лицевого счета налогоплательщика возможно только на основании судебного акта, в соответствии с которым налоговый орган утрачивает возможность взыскания недоимки, пеней, штрафов в связи с истечением установленного срока их взыскания, в том числе в случае отказа в восстановлении пропущенного срока подачи в суд заявления о взыскании этих сумм.

Вывод об утрате налоговым органом возможности взыскания налогов, пеней, штрафов в связи с истечением установленного срока их взыскания может содержаться в том числе в мотивировочной части судебного акта. Соответствующие записи исключаются налоговым органом из лицевого счета налогоплательщика после вступления такого судебного акта в законную силу.

Исходя из толкования подп. 4 п. 1 ст. 59 Налогового кодекса Российской Федерации инициировать соответствующее судебное разбирательство вправе не только налоговый орган, но и налогоплательщик, в том числе путем подачи в суд заявления о признании сумм, возможность принудительного взыскания которых утрачена, безнадежными к взысканию. Такое заявление подлежит рассмотрению в соответствии с требованиями Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Таким образом, у А. отсутствовала обязанность обращаться в досудебном порядке в налоговый орган с заявлением о признании сумм,

возможность принудительного взыскания которых утрачена, безнадежными к взысканию.

При этом выяснение обстоятельств, касающихся существования заявленных требований, а также определение характера спорного правоотношения и подлежащего применению закона осуществляются при подготовке дела к судебному разбирательству в соответствии со ст. 132, 135 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

В связи с этим Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные акты и направила материал по административному исковому заявлению А. в суд первой инстанции для рассмотрения со стадии принятия заявления к производству суда.

Определение № 78-КГ16-43

4. В порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, подлежат обжалованию решения (заключения) призывной комиссии, принятые в отношении лиц, для которых такие решения (заключения) являются обязательными.

К. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным решения призывной комиссии об отказе в удовлетворении его заявления о замене военной службы по призыву на альтернативную гражданскую службу, возложении обязанности принять соответствующее решение.

Определением судьи районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, К. отказано в принятии административного искового заявления. Суды пришли к выводу о том, что призывная комиссия не входит в перечень органов, решения которых могут быть оспорены в порядке Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, призывная комиссия не является юридическим лицом, наделенным отдельными государственными или иными публичными полномочиями. Кроме того, имеет место спор о праве заявителя на прохождение альтернативной гражданской службы, который подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации признала такие выводы ошибочными, основанными на неправильном толковании и применении норм законодательства, регулирующих возникшие правоотношения.

Правовое регулирование в области воинской обязанности и военной службы в целях реализации гражданами Российской Федерации конституционного долга и обязанности по защите Отечества осуществляется Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ

«О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон № 53-ФЗ), а также Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (далее – Федеральный закон № 113-ФЗ), который регламентирует отношения, связанные с реализацией гражданами Российской Федерации конституционного права на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой.

Право на обжалование в суд решений (заключений) призывной комиссии закреплено как п. 7 ст. 28 Федерального закона № 53-ФЗ, так и ст. 15 Федерального закона № 113-ФЗ.

Отношения между гражданином и государством, связанные с призывом на военную (альтернативную гражданскую) службу, носят публичный характер, одна из сторон этих отношений (государство в лице уполномоченных органов) безусловно обладает властными полномочиями, в связи с чем названная категория дел подлежит рассмотрению по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

В связи с изложенным Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные акты и направила материал по административному исковому заявлению К. в суд первой инстанции для рассмотрения по существу.

Определение № 18-КГ16-103

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Закон не содержит запрета на увольнение военнослужащего, обеспеченного по месту службы служебным жильем и признанного нуждающимся в жилом помещении по избранному месту жительства, отличному от места службы.

Решением Североморского гарнизонного военного суда от 18 ноября 2015 г. К. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным приказ командующего Северным флотом об исключении его из списков личного состава воинской части без обеспечения жилищной субсидией.

Апелляционным определением Северного флотского военного суда от 27 января 2016 г. решение гарнизонного военного суда отменено и по делу принято новое решение, которым заявление удовлетворено, оспариваемый приказ признан незаконным.

В кассационной жалобе представитель командующего Северным флотом, указывая на отсутствие в законе запрета на исключение из списков личного состава воинской части уволенного военнослужащего,

обеспеченного по установленным нормам служебным жилым помещением, просил апелляционное определение отменить, оставить в силе решение суда первой инстанции.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение флотского военного суда и оставила в силе решение гарнизонного военного суда от 18 ноября 2015 г. об отказе К. в удовлетворении заявления, приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела следует, что К., имеющий общую продолжительность военной службы более 10 лет и обеспеченный по месту военной службы по установленным нормам служебным жилым помещением, приказом командующего Северным флотом уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

На момент увольнения К. находился на учете нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, по избранному месту жительства в г. Санкт-Петербурге.

5 февраля 2014 г. жилищным органом удовлетворено заявление К. об изменении формы обеспечения жильем на государственный жилищный сертификат, а 27 мая 2015 г. – на жилищную субсидию.

В соответствии с абзацем вторым п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» (в редакции, действовавшей на 25 января 2014 г.) военнослужащие – граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии. При желании указанных военнослужащих получить жилые помещения не по месту увольнения с военной службы они обеспечиваются жилыми помещениями по избранному месту постоянного жительства в порядке, предусмотренном п. 14 ст. 15 названного закона.

Из анализа приведенной нормы следует, что закон устанавливает запрет на увольнение указанных военнослужащих при определенных обстоятельствах, а ограничений, связанных с невозможностью исключения уже уволенных военнослужащих из списков личного состава воинской части, обеспеченных по месту военной службы жилыми помещениями, не предусмотрено.

Аналогичный подход сформулирован в п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

Согласно договору найма служебного жилого помещения в пос. Луостари-2 и обязательству о сдаче этого жилья К. гарантировано

сохранение за ним данного помещения до обеспечения его жилищной субсидией.

При таких данных оснований для нахождения К. в списках личного состава воинской части после осуществления с ним окончательного расчета по денежному довольствию, продовольственному и вещевому обеспечению не имелось, а непредоставление ему жилищной субсидии (как формы реализации права на жилье) при обеспеченности по месту службы служебным жилым помещением по установленным нормам и нахождении на учете нуждающихся в жилых помещениях по избранному месту жительства само по себе не являлось препятствием для увольнения в запас и исключения из списков личного состава части.

Таким образом, вывод суда первой инстанции о законности приказа об исключении К. из списков личного состава воинской части, изданного во исполнение приказа командующего Северным флотом о его увольнении с военной службы, является правильным.

Определение № 210-КГ16-17

2. Военнослужащий, проходящий военную службу за пределами территории Российской Федерации и не подлежащий увольнению, не имеет права на обеспечение жильем или жилищной субсидией по избранному месту жительства.

Решением Смоленского гарнизонного военного суда от 29 июня 2015 г. с учетом изменений, внесенных апелляционным определением Московского окружного военного суда от 22 октября 2015 г., удовлетворено заявление Т. в части признания незаконным решения заместителя начальника федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Западрегионжилье») от 20 марта 2015 г. об отказе в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма.

В кассационной жалобе представитель ФГКУ «Западрегионжилье», указывая на обеспечение Т. по месту военной службы служебным жилым помещением и отсутствие правовых оснований для обеспечения его жильем по договору социального найма в период прохождения военной службы за пределами территории Российской Федерации, просил судебные акты отменить, принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы административного дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Т., родившийся в 1971 г., заключивший первый контракт до 1 января 1998 г. и имеющий общую продолжительность военной службы более 20 лет, с сентября 1994 года проходит военную службу в воинской части, дислоцированной за пределами территории Российской Федерации.

В феврале 2015 года Т. обратился с заявлением к начальнику ФГКУ «Западрегионжилье», в котором просил принять его на жилищный учет в избранном месте жительства после увольнения с военной службы в запас по истечении срока контракта в г. Санкт-Петербурге.

Решением заместителя начальника ФГКУ «Западрегионжилье» от 20 марта 2015 г. заявителю отказано в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 54 ЖК РФ, то есть в связи с непредставлением документов, подтверждающих право состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Решение Т. оспорил в судебном порядке.

Удовлетворяя заявление, суд первой инстанции исходил из того, что общая продолжительность военной службы заявителя составляет более 20 лет, он подлежит увольнению с военной службы по истечении срока контракта и по месту военной службы за пределами территории Российской Федерации не может быть в силу закона обеспечен жилым помещением, предоставляемым по договору социального найма, в связи с чем он имеет право на обеспечение жилищем в избранном постоянном месте жительства. Суд апелляционной инстанции с выводами гарнизонного военного суда согласился.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права и не соответствуют обстоятельствам дела.

В суде установлено, что заявитель, заключивший первый контракт до 1 января 1998 г. и подлежащий в связи с этим обеспечению по месту военной службы жилым помещением для постоянного проживания, после истечения в сентябре 2015 года срока контракта о прохождении военной службы заключил новый контракт сроком на один год.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

В соответствии с абзацем третьим п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, заключившие контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., подлежат обеспечению жилыми помещениями по избранному месту жительства лишь при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более.

Между тем, как следует из материалов дела, Т. проходит военную службу на должности, предельного возраста пребывания на военной службе не достиг. Что касается представленной заявителем в суд

кассационной инстанции не заверенной надлежащим образом копии заключения военно-врачебной комиссии от 6 апреля 2016 г., то есть после принятия жилищным органом оспариваемого решения, то это обстоятельство не может учитываться при рассмотрении данного дела.

Отсутствие возможности обеспечения заявителя по месту военной службы за пределами территории Российской Федерации жилыми помещениями в собственность или по договору социального найма не предполагает распространения на него положений абзаца двенадцатого п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» как на военнослужащего, обеспечиваемого на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями.

Право на обеспечение такими жилыми помещениями по месту военной службы заявитель приобретет в случае ее продолжения на территории Российской Федерации.

Таким образом, вывод судов о незаконности решения заместителя начальника ФГКУ «Западрегионжилье» об отказе заявителю в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, на законе не основан.

Допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможны защита охраняемых законом публичных интересов, что явилось основанием для отмены Судебной коллегией по делам военнослужащих в кассационном порядке решения Смоленского гарнизонного военного суда от 29 июня 2015 г. и апелляционного определения Московского окружного военного суда от 22 октября 2015 г. и принятия по делу нового решения об отказе в удовлетворении заявления.

Определение № 201-КГ16-38

3. Право военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей на обеспечение жилыми помещениями, в том числе в форме предоставления жилищной субсидии, подлежит реализации в порядке очередности.

Решением Североморского гарнизонного военного суда от 6 августа 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северного флотского военного суда от 6 ноября 2015 г., удовлетворено заявление Ш., в котором просил признать незаконным бездействие жилищного органа, связанное с неприятием своевременного решения о предоставлении ему жилищной субсидии.

В кассационной жалобе представитель жилищного органа выражает несогласие с принятыми по делу судебными постановлениями, просит их отменить и принять по делу новое решение об отказе Ш. в удовлетворении

заявления ввиду необходимости соблюдения принципа очередности при осуществлении жилищного обеспечения военнослужащих.

Рассмотрев материалы административного дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к следующим выводам.

Как усматривается из материалов дела, Ш., имеющий общую продолжительность военной службы более 17 лет, 20 марта 2014 г. уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и с 16 мая того же года исключен из списков личного состава части с оставлением на учете нуждающихся в жилых помещениях.

15 декабря 2014 г. жилищным органом принято предварительное решение о предоставлении Ш. жилищной субсидии, которое с комплектом необходимых документов и учетным жилищным делом истца было направлено для принятия окончательного решения в федеральное государственное казенное учреждение «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Минобороны России (далее – ФГКУ «Западрегионжилье») и поступило туда 26 декабря 2014 г.

Уведомлением руководителя ФКУ «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу, Ленинградской области и Республике Карелия» от 14 января 2015 г. до сведения начальника ФГКУ «Западрегионжилье» доведены лимиты бюджетных обязательств по статье «Единовременная денежная выплата на приобретение жилого помещения военнослужащим – гражданам Российской Федерации и гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы».

Признавая незаконным оспоренное истцом бездействие начальника ФГКУ «Западрегионжилье», суды исходили из того, что согласно п. 5 Порядка предоставления субсидии для приобретения или строительства жилого помещения военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, и гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 510 (далее – Порядок), решение о предоставлении жилищной субсидии военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей должно быть принято уполномоченным органом не позднее чем через десять дней со дня получения сведений, указанных в абзаце первом названного пункта, при отсутствии оснований для снятия этих лиц с учета нуждающихся в жилых помещениях. При наличии информации о доведении лимитов бюджетных обязательств должностным лицом не были направлены необходимые запросы и не принято решение о предоставлении Ш. и членам его семьи жилищной субсидии в установленные законом сроки, чем, по мнению судов, были нарушены права истца на своевременное получение субсидии.

Однако данный вывод судов основан на неправильном толковании норм материального права и противоречит материалам дела.

В соответствии с п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных названным федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Таким образом, предоставление жилищной субсидии является одной из форм обеспечения жильем военнослужащих.

Основания и порядок обеспечения военнослужащих жильем регулируются как нормами названного выше федерального закона, так и нормами Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) и принятыми в соответствии с ЖК РФ другими федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Порядок обеспечения жилыми помещениями, установленный законодательством Российской Федерации, в качестве одного из важнейших условий для предоставления жилья содержит положение о том, что жилые помещения предоставляются гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, в порядке очередности исходя из времени принятия таких граждан на учет (ч. 1 ст. 57 ЖК РФ).

Аналогичный подход сформулирован и в п. 11 Инструкции о предоставлении военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, жилых помещений по договору социального найма, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации № 1280 от 30 сентября 2010 г. При этом очередность определяется исходя из даты принятия военнослужащих на учет нуждающихся в жилых помещениях.

Утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 510 Порядок предоставления жилищной субсидии также разработан в целях реализации прав военнослужащих, гарантированных им ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Анализ приведенных выше норм свидетельствует о том, что право военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей на обеспечение жилыми помещениями, в том числе в форме предоставления

жилищной субсидии, должно реализовываться в порядке и на условиях, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, то есть в порядке очередности.

Из материалов дела следует, что на момент обращения Ш. в суд в едином реестре военнослужащих, признанных нуждающимися в получении постоянных жилых помещений, состояло 687 человек, изъявивших желание быть обеспеченными жилищной субсидией с датой постановки на учет ранее 7 октября 2013 г.

Таким образом, перед административным истцом значилось 687 человек, претендующих на получение жилищной субсидии, по отношению к которым он каких-либо льгот или преимуществ на получение такой субсидии вне имеющейся очереди не имел, хотя право на получение такой субсидии у них возникло ранее, чем у Ш., а в силу ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Указанное обстоятельство суды обеих инстанций оставили без внимания, хотя, как это следует из п. 5 Порядка, одним из условий для принятия в установленный срок решения о предоставлении жилищной субсидии военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей является наличие достаточных бюджетных ассигнований на реализацию выплаты жилищной субсидии, позволяющих обеспечить такой субсидией всех нуждающихся в получении постоянных жилых помещений граждан, изъявивших желание реализовать свое право на жилище в форме получения такой субсидии.

Поэтому в случае, если поступивших на эти цели денежных средств не хватает для обеспечения в порядке очередности всех желающих получить названную субсидию, принятых на учет ранее Ш., следует исходить из того, что непосредственно для него денежные средства не выделялись и не поступали, в связи с чем решение о выплате этих средств принято быть не могло.

Однако суд должным образом не проверил, достаточно ли поступило денежных средств для обеспечения жилищной субсидией всех очередников, изъявивших желание реализовать свое право на жилище в форме получения такой субсидии ранее Ш., и его в том числе, а возлагать на начальника ФГКУ «Западрегионжилье» обязанность по принятию решения о предоставлении истцу и членам его семьи этой субсидии вопреки правам и законным интересам других 687 человек, претендующих на получение жилищной субсидии ранее Ш., недопустимо.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила обжалуемые судебные акты по заявлению Ш. и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд в ином составе судей.

4. Проживание гражданина в жилом помещении по договору безвозмездного пользования, равно как и по иному договору или сделке, может явиться основанием для возникновения жилищных прав.

Решением 94 гарнизонного военного суда от 17 декабря 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением 3 окружного военного суда от 10 марта 2016 г., удовлетворено заявление Ч., в котором он просил признать незаконным решение Центральной жилищной комиссии ФСО России (далее – жилищная комиссия), оформленное протоколом от 5 ноября 2015 г., об отказе во включении его с членами семьи в списки военнослужащих, подлежащих обеспечению служебным жилым помещением по месту прохождения военной службы.

В кассационной жалобе представитель жилищной комиссии, указывая на фактическое проживание заявителя вместе с членами семьи в квартире, ранее принадлежавшей его супруге на праве собственности, и умышленное ухудшение последних жилищных условий, что свидетельствует о злоупотреблении ею правом, просил судебные акты отменить, принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы административного дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к следующим выводам.

Из материалов дела следует, что Ч. проходит военную службу в воинской части, дислоцированной в г. Москве.

До июля 2014 года заявитель был зарегистрирован в жилом помещении, расположенном в Павлово-Посадском районе Московской области и принадлежащем на праве собственности его отцу. По решению суда договор пользования указанным жилым помещением был расторгнут, право пользования его этим помещением прекращено.

Супруге Ч. – Ч.Н. до января 2015 года на праве собственности принадлежала квартира в г. Москве общей площадью жилого помещения 50,5 кв. м, которую она продала. Кроме того, супруге заявителя на праве собственности принадлежала $\frac{1}{2}$ доли (24,4 кв. м) квартиры, расположенной в г. Химки Московской области, которую она продала в феврале 2015 года своей матери.

После этого Ч. обратился в жилищную комиссию с заявлением о включении его в списки лиц, подлежащих обеспечению служебными жилыми помещениями, в чем ему было отказано решением жилищной комиссии от 5 ноября 2015 г. В обоснование принятого решения комиссия указала на проживание заявителя и членов его семьи в жилом доме, принадлежащем на праве собственности матери супруги заявителя и расположенном в Домодедовском районе Московской области, а также

совершение Ч.Н. действий, приведших к утрате гарантированного законом права пользования жилыми помещениями.

Признавая названное решение незаконным, гарнизонный военный суд указал, что на момент принятия оспариваемого решения по месту службы заявитель вместе с членами семьи не имел жилых помещений в собственности, пользовании и владении, то есть отвечал основаниям предоставления служебного жилья, указанным в ч. 2 ст. 99 ЖК РФ.

Соглашаясь с решением, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что командованием не представлено данных о невозможности предоставить Ч. служебное жилое помещение.

Согласно ч. 3 ст. 62 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, определяются судом в соответствии с нормами материального права, подлежащими применению к спорным публичным правоотношениям, исходя из требований и возражений лиц, участвующих в деле; при этом суд не связан основаниями и доводами заявленных требований по делам об оспаривании решений, действий (бездействия), принятых или совершенных органами государственной власти, должностными лицами.

При рассмотрении данного дела суды неправильно определили обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, и неправильно истолковали закон.

Из материалов дела следует, что после продажи в январе 2015 года квартиры в г. Москве супруга заявителя заключила договор безвозмездного пользования этим жилым помещением ею и двумя детьми до октября 2018 года, что подтвердил 17 декабря 2015 г. в судебном заседании Ч., пояснив, что он также продолжает проживать в этой квартире.

Кроме того, согласно решению жилищной комиссии от 5 ноября 2015 г. одним из оснований отказа заявителю включить его в списки лиц, подлежащих обеспечению служебными жилыми помещениями, явилось проживание его и членов семьи по устной договоренности с собственником (матерью супруги) в жилом доме, расположенном в Домодедовском районе Московской области.

Этим обстоятельствам судом оценки не дано, хотя они являются юридически значимыми.

В соответствии со ст. 10 ЖК РФ жилищные права и обязанности возникают в том числе из договоров и иных сделок, предусмотренных федеральным законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных федеральным законом, но не противоречащих ему.

Следовательно, проживание военнослужащего в жилом помещении по договору безвозмездного пользования, равно как и по иному договору или сделке, может явиться основанием для возникновения жилищных прав.

В связи с этим суду следовало выяснить обстоятельства, связанные с проживанием Ч. и членов его семьи в указанных жилых помещениях применительно к положениям ч. 2 ст. 99 ЖК РФ, согласно которой специализированные жилые помещения предоставляются по установленным Жилищным кодексом Российской Федерации основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте. Однако этого должным образом сделано не было.

Нарушение судом норм материального права и неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела, привели к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства о праве заявителя на обеспечение служебным жилым помещением.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение 94 гарнизонного военного суда от 17 декабря 2015 г. и апелляционное определение 3 окружного военного суда от 10 марта 2016 г. по заявлению Ч. и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд в ином составе судей.

Определение № 209-КГ16-4

5. Административное исковое заявление к федеральному органу исполнительной власти, вытекающее из деятельности его территориального органа, может быть подано также в суд по месту нахождения территориального органа.

Определением заместителя председателя Североморского гарнизонного военного суда от 2 октября 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северного флотского военного суда от 30 октября 2015 г., М. возвращено административное исковое заявление в связи с неподсудностью Североморскому гарнизонному военному суду.

В определении разъяснено, что возвращение заявления не лишает М. права обратиться с ним по его выбору в Мурманский либо Якутский гарнизонные военные суды.

Определением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих от 14 июля 2016 г. данное определение отменено, кассационная жалоба М. с материалами передана для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

В кассационной жалобе М. просил отменить судебные постановления, указав на оставление судами без внимания того, что с момента зачисления в списки личного состава войсковой части 74777 до даты обращения в Североморский гарнизонный военный суд он проходил военную службу и получал денежное довольствие в пункте временной

дислокации указанной воинской части, расположенном с июля 2015 года в г. Североморске на основании приказа командующего Северным флотом.

Рассмотрев материалы судебного производства, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия жалобу удовлетворила, отменила определение заместителя председателя Североморского гарнизонного военного суда от 2 октября 2015 г. и апелляционное определение Северного флотского военного суда от 30 октября 2015 г. о возвращении административного искового заявления и направила материалы в Североморский гарнизонный военный суд со стадии рассмотрения вопроса о принятии административного искового заявления к производству суда.

В обоснование принятого решения Судебная коллегия указала следующее.

Из сообщения врио начальника организационно-мобилизационного управления штаба Северного флота от 1 октября 2015 г. следует, что войсковая часть 74777 сформирована и включена в состав Северного флота с 1 августа 2014 г. с дислокацией на о. Котельный, Республика Саха (Якутия).

Приказом командующего Северным флотом от 28 июля 2015 г. «Об организации повседневной деятельности подразделений войсковой части 74777, находящихся в отрыве от постоянного места дислокации воинской части» организация учета переменного состава войсковой части 74777, его размещение, организация несения внутренней службы осуществляются в пункте временной дислокации, в казарме военного городка № 8 г. Североморска на ул. Восточной.

В силу ст. 46 Конституции Российской Федерации и п. 1 ст. 21 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие пользуются правом на судебную защиту на равных условиях с другими гражданами.

Статьи 22 и 24 КАС РФ предусматривают порядок подачи административного искового заявления по месту жительства и по месту нахождения административного ответчика, а также подсудность по выбору административного истца.

Органы военного управления, к которым относятся управления и штабы воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, относятся к федеральным органам исполнительной власти.

Административное исковое заявление к федеральному органу исполнительной власти, вытекающее из деятельности его территориального органа, может быть подано также в суд по месту нахождения территориального органа.

Таким образом, М. имел право обратиться с административным иском в Североморский гарнизонный военный суд.

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности судьи, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка.

Дисциплинарная коллегия удовлетворила жалобу Ф. на решение квалификационной коллегии судей Волгоградской области о досрочном прекращении полномочий судьи за совершение дисциплинарного проступка.

В решении Коллегия отметила, что в соответствии с п. 1 ст. 12¹ Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности судьи, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что в связи с жалобой ОАО «Азовский завод стройматериалов» на действия судьи Ф. при рассмотрении гражданского дела по иску ООО «Глобус» к Л. на основании приказа председателя Волгоградского областного суда от 25 марта 2015 г. в районный суд г. Волгограда направлены судьи областного суда Б., О. и С. для изучения практики применения законодательства при рассмотрении дел судьей Ф.

В этом же приказе председатель областного суда установил срок служебной проверки – с 27 по 31 марта 2015 г., а также срок представления заключения по ее итогам – к 3 апреля 2015 г.

Как усматривается из заключения судей Б. и О., изучавших практику применения судьей Ф. законодательства при рассмотрении гражданских дел, и справки судьи С., анализировавшего применение Ф. законодательства при рассмотрении уголовных дел, проверки были проведены в установленный срок с составлением документов, отражающих их результаты.

Зафиксированные в заключении судей Б. и О. нарушения легли в основу представления председателя Волгоградского областного суда, а затем и выводов квалификационной коллегии судей Волгоградской области о наличии в действиях судьи Ф. дисциплинарного проступка.

Судьей С. подобных нарушений в практике судьи Ф. при рассмотрении уголовных дел не обнаружено.

Исходя из смысла положений п. 1 ст. 12¹ Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» днем выявления нарушений, расцененных квалификационной коллегией судей в качестве дисциплинарного проступка, является в данном случае 3 апреля 2015 г. – день, когда у председателя областного суда, ознакомившегося с результатами проведенных служебных проверок, появились достаточные основания для реализации своих полномочий в сфере дисциплинарной ответственности судей.

Согласно табелям учета рабочего времени и медицинским документам судья Ф. имел периоды временной нетрудоспособности: в апреле 2015 года (после 3 апреля) – 7 дней, в июне 2015 года – 2 дня, в августе 2015 года – 5 дней, в сентябре 2015 года – 4 дня. В мае 2015 года он в течение 3 дней находился в отпуске, а в марте, июле и октябре 2015 года периодов временной нетрудоспособности и нахождения в отпуске не имел.

С учетом указанного времени решение о наложении на судью Ф. дисциплинарного взыскания могло быть принято не позднее 26 октября 2015 г. К дисциплинарной ответственности он привлечен 4 декабря 2015 г., то есть с нарушением установленного законом срока.

Мнение квалификационной коллегии судей о том, что шестимесячный срок привлечения судьи Ф. к дисциплинарной ответственности должен исчисляться с 22 апреля 2015 г., когда президиумом областного суда вынесено постановление по результатам обсуждения судебной деятельности судьи, противоречит материалам дисциплинарного производства, которые содержат данные о выявлении дисциплинарного проступка именно 3 апреля 2015 г.

Кроме того, в обжалуемом решении квалификационной коллегии судей содержатся ссылки на нарушения, допущенные судьей Ф. при вынесении решения по гражданскому делу по иску Г. к С., несмотря на то, что со дня его вынесения прошло более двух лет.

При таких обстоятельствах решение квалификационной коллегии судей о привлечении судьи Ф. к дисциплинарной ответственности не может быть признано законным и обоснованным.

Решение по делу № ДК15-83

2. Лицо, в отношении которого уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям, не может быть судьей.

Дисциплинарная коллегия отказала в удовлетворении жалобы А. на решение квалификационной коллегии судей Волгоградской области о досрочном прекращении полномочий судьи за совершение дисциплинарного проступка.

В решении Коллегия указала следующее.

Из представленных материалов усматривается, что 13 апреля 2015 г. органами предварительного следствия А. предъявлено обвинение в том числе в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 305 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), при следующих обстоятельствах.

В середине мая 2008 года директор ООО «Недвижимость» Е. с целью приобретения путем обмана права на квартиру, принадлежащую на условиях социального найма умершему К., договорился с М. и Г. о способе реализации данных намерений.

Действуя во исполнение заранее разработанного и согласованного плана, 12 ноября 2008 г. Е. организовал представление в суд подготовленного и подписанного от имени Г. заявления с иском к К., муниципальному учреждению ЖКХ о расторжении с К. договора социального найма указанной квартиры и снятии его с регистрационного учета, мотивируя ссылкой на заведомо ложные сведения о том, что последний выехал и в квартире не проживает, в связи с чем расходы на содержание данного объекта недвижимости якобы несет один Г.

Получив указанное исковое заявление, судья А., используя предоставленные полномочия вопреки интересам осуществления правосудия, действуя из иной личной заинтересованности, выразившейся в нежелании рассматривать исковое заявление в установленном законом порядке, нарушая требования ст. 55, 150, 157, 192, 193, 195, 230 ГПК РФ, а именно: без подготовки дела к судебному разбирательству, без фактического проведения судебного заседания и исследования обстоятельств гражданского дела, без протокола, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, вынес 2 декабря 2008 г. заведомо неправосудное заочное решение о расторжении с К. договора социального найма квартиры и снятии его с регистрационного учета.

На основании данного решения 15 января 2009 г. К. снят с регистрационного учета, а Е., действующий от имени Г. на основании нотариальной доверенности, 15 октября 2009 г. заключил договор социального найма данной квартиры с наймодателем.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда от 23 мая 2013 г. решение судьи А. отменено, в нем также указано на нарушения судье А. норм материального и процессуального законов.

Весной 2009 года тот же директор ООО «Недвижимость» Е., обладая информацией о том, что в квартире, принадлежащей на условиях социального найма умершей Р., никто не проживает, решил приобрести право на данное имущество путем обмана.

В этих целях Е. подыскал ранее знакомую С., после чего они совместно 2 июня 2009 г. подготовили и подали суд исковое заявление от

имени последней о признании за ней права пользования на указанное жилое помещение и о ее регистрации в этой квартире, мотивировав его не соответствующими действительности сведениями о наличии родственных отношений между С. и Р., совместном длительном проживании в квартире по указанному адресу и ведении совместного хозяйства, внесении истцом коммунальных платежей и проведении ею текущего ремонта в жилом помещении.

Получив указанное исковое заявление, судья А., в нарушение требований ст. 55, 113, 150, 157, 192, 193, 195, 230 ГПК РФ, а именно: без подготовки дела к судебному разбирательству, без фактического проведения судебного заседания и исследования обстоятельств гражданского дела, а также доказательств, без обеспечения участия сторон по делу, секретаря судебного заседания и ведения протокола судебного заседания, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, вынес 19 июня 2009 г. заведомо неправосудное решение о признании за С. права пользования жилым помещением и о ее регистрации в этой квартире.

На основании данного судебного решения С. была зарегистрирована в этой квартире.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда от 12 июля 2012 г. это решение отменено и указано на нарушения норм материального и процессуального законов.

В ходе ознакомления с материалами уголовного дела 30 июня 2015 г. обвиняемый А. подал письменное ходатайство о прекращении уголовного преследования по части 1 статьи 305 УК РФ по фактам вынесения 2 декабря 2008 г. и 19 июня 2009 г. заведомо неправосудных решений в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Согласно постановлению от 30 июня 2015 г. уголовное преследование в отношении обвиняемого А. в части предъявленного ему обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 305 УК РФ (по указанным выше фактам), прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду истечения сроков давности уголовного преследования.

В данном постановлении также указано, что фактические обстоятельства, вмененные в вину А., подтверждаются собранными в ходе предварительного следствия доказательствами, в том числе показаниями свидетелей, протоколами выемок, изученными гражданскими делами и иными доказательствами.

Впоследствии судья А. обжаловал постановление о частичном прекращении уголовного преследования в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ.

Его жалоба была предметом рассмотрения в судах первой и апелляционной инстанций, однако она оставлена без удовлетворения.

24 июля 2015 г. уголовное дело в отношении А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33 и ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 305 УК РФ, передано в суд для рассмотрения по существу.

На момент рассмотрения дела по жалобе А. Дисциплинарной коллегией судебное разбирательство по уголовному делу было не закончено.

Дисциплинарная коллегия отметила в своем решении, что основные требования, предъявляемые к судье, неисполнение которых может привести к досрочному прекращению его полномочий, сформулированы в ст. 3 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», согласно которой судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию Российской Федерации и другие законы; при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

Грубое и систематическое несоблюдение судьей процессуальных норм права влечет искажение принципов судопроизводства, нарушение прав участников процесса, умаляет авторитет судебной власти, причиняет ущерб репутации судьи.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 28 февраля 2008 г. № 3-П указал, что мера ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи может быть применена к судье в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение приведенных выше положений.

Системный анализ Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» позволяет сделать вывод, что полномочия судьи могут быть прекращены по различным основаниям и в порядке, установленном названным законом.

В соответствии с указанным законом в случае выявления факта назначения (избрания) на должность судьи лица, не соответствующего на момент назначения (избрания) требованиям, предусмотренным п. 1 ст. 4, соответствующая квалификационная коллегия судей в установленном федеральным законом порядке рассматривает вопрос о прекращении полномочий судьи.

Предусматривая необходимость прекращения полномочий судьи в случае выявления факта прекращения в отношении его уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, следует полагать, что данные положения могут быть применены и в отношении действующего судьи, назначенного на должность с соблюдением требований, предусмотренных п. 1 ст. 4 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации».

Иное толкование норм данного закона препятствует прекращению полномочий судьи, в отношении которого уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям в процессе предварительного следствия или в ходе судебного разбирательства уголовного дела по существу (при отсутствии вступившего в законную силу обвинительного приговора), что нельзя признать соответствующим основным принципам осуществления правосудия в Российской Федерации лицом, совершившим действия, порочащие честь и достоинство судьи, умаляющие авторитет судебной власти.

Дисциплинарная коллегия также учитывает, что в постановлении о прекращении в отношении А. уголовного преследования по ч. 1 ст. 305 УК РФ (по двум эпизодам) ввиду истечения сроков давности речь идет об установлении в его действиях наличия признаков данных преступлений.

Решение по делу № ДК 16-11

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. В чью пользу – арбитражного управляющего либо в пользу должника по делу о банкротстве – могут быть присуждены судебные расходы в случае удовлетворения требований арбитражного управляющего, оспорившего в судебном порядке отказ соответствующего лица в предоставлении информации о должнике, его имуществе, контрагентах и обязательствах?

ОТВЕТ. В силу положений п. 4 ст. 20³ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) при исполнении своих полномочий в процедурах банкротства арбитражный управляющий обязан действовать в интересах должника, кредиторов и общества.

В целях реализации своих полномочий на основании п. 1 ст. 20³ Закона о банкротстве арбитражный управляющий наделен правом запрашивать у соответствующих лиц ряд сведений, в том числе информацию о должнике, принадлежащем ему имуществе, контрагентах и обязательствах должника, а на лиц, обладающих такой информацией, возложена обязанность по ее предоставлению арбитражному управляющему.

Поскольку действия арбитражного управляющего, связанные с запросом указанных сведений, совершаются в интересах должника и кредиторов, для достижения целей соответствующей процедуры банкротства, осуществляемые в связи с этим арбитражным управляющим судебные расходы, в частности, по уплате государственной пошлины при

обращении в суд, на основании пп. 1 и 2 ст. 20⁷, п. 1 ст. 59 Закона о банкротстве по общему правилу должны производиться за счет средств должника, как относящиеся к процедуре банкротства.

Исходя из изложенного, если расходы на уплату государственной пошлины и иные судебные расходы оплачены из средств должника (например, перечислены на основании платежного поручения со счета должника), то при их распределении по правилам ст. 110 АПК РФ такие расходы должны присуждаться к возмещению в пользу должника и поступать в конкурсную массу.

Если судебные расходы оплачены из личных средств арбитражного управляющего и не компенсированы ему из средств должника, в интересах которого он действовал при обращении в суд, эти расходы могут быть присуждены в пользу арбитражного управляющего.

ВОПРОС 2. С какого момента в пользу лизингополучателя начисляются предусмотренные ст. 395 ГК РФ проценты при расторжении договора выкупного лизинга?

ОТВЕТ. Согласно п. 4 ст. 453 ГК РФ в случае, когда до расторжения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (гл. 60), если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства.

Положениями п. 2 ст. 1107 ГК РФ установлено, что на сумму неосновательного денежного обогащения подлежат начислению проценты за пользование чужими средствами (ст. 395) с того времени, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств.

Таким образом, начисление предусмотренных ст. 395 ГК РФ процентов при расторжении договора связано с моментом, в который стороне договора стало известно или должно было стать известно в обычных условиях гражданского оборота, что полученное ею от другой стороны исполнение является излишним.

Из п. 1 ст. 28 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» и разъяснений Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, данных в п. 2 постановления от 14 марта 2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга», следует, что денежное обязательство лизингополучателя в договоре выкупного лизинга состоит в возмещении затрат лизингодателя, связанных с приобретением и передачей предмета лизинга лизингополучателю (возврат вложенного лизингодателем

финансирования) и выплате причитающегося лизингодателю дохода (платы за финансирование).

Излишнее исполнение указанного денежного обязательства со стороны лизингополучателя возникает в том случае, когда внесенные им платежи в совокупности со стоимостью возвращенного предмета лизинга превысили сумму предоставленного лизингополучателю финансирования, причитающейся платы за финансирование, а также убытков и иных санкций, предусмотренных законом или договором.

Таким образом, лизингодатель должен узнать о получении им лизинговых платежей в сумме большей, чем его встречное предоставление, с момента, когда ему должна была стать известна стоимость возвращенного предмета лизинга.

Стоимость предмета лизинга определяется из суммы, вырученной лизингодателем от продажи предмета лизинга в разумный срок после получения предмета лизинга или в срок, предусмотренный соглашением лизингодателя и лизингополучателя, либо на основании отчета оценщика.

Следовательно, при начислении предусмотренных ст. 395 ГК РФ процентов в пользу лизингополучателя необходимо исходить из момента продажи предмета лизинга (истечения срока его реализации лизингодателем).

ВОПРОС 3. К компетенции какого суда – суда общей юрисдикции или арбитражного суда – относится рассмотрение иска юридического лица или индивидуального предпринимателя о взыскании с Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов вреда, причиненного в результате ненадлежащего исполнения судебным приставом-исполнителем исполнительного листа, выданного судом общей юрисдикции, должником по которому выступает физическое лицо?

ОТВЕТ. Общие правила разграничения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов по делам о возмещении убытков, причиненных актами государственных и иных органов, а также действиями должностных лиц, не соответствующими законодательству, приведены в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 августа 1992 г. № 12/12 «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам»: если такие требования предъявлены гражданином, то они разрешаются в суде, а если требования предъявлены организацией или гражданином-предпринимателем – в арбитражном суде.

В то же время при рассмотрении иска о взыскании с Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов вреда,

причиненного незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства, возбужденного, в частности, на основании выданного судом общей юрисдикции или арбитражным судом исполнительного документа, необходимо учитывать следующее.

В п. 3 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (далее – постановление № 50) разъяснено, что требования, связанные с исполнением исполнительных документов и подлежащие рассмотрению в порядке искового производства, относятся к компетенции судов общей юрисдикции исходя из правил ст. 22 ГПК РФ и арбитражных судов, в том числе Суда по интеллектуальным правам, – в соответствии со ст. 27, 28, 33 АПК РФ.

Согласно ч. 4 ст. 22 ГПК РФ при обращении в суд с заявлением, содержащим несколько связанных между собой требований, из которых одни подведомственны суду общей юрисдикции, другие – арбитражному суду, если разделение требований невозможно, дело подлежит рассмотрению и разрешению в суде общей юрисдикции.

По делам о возмещении вреда суд должен установить факт причинения вреда, вину причинителя вреда и причинно-следственную связь между незаконными действиями (бездействием) причинителя вреда и причинением вреда.

То обстоятельство, что действия (бездействие) судебного пристава-исполнителя не были признаны незаконными в отдельном судебном производстве, не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда, причиненного этими действиями (бездействием), и их законность суд оценивает при рассмотрении иска о возмещении вреда (абзац второй п. 82 постановления № 50).

Основными критериями разграничения предметной компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов по требованию о признании незаконными действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя является не только субъектный состав или экономический характер спора, но и то, каким судом (общей юрисдикции или арбитражным) выдан исполнительный документ либо в каком суде (общей юрисдикции или арбитражном) возможно оспорить несудебный исполнительный документ – чч. 2 и 3 ст. 128 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве).

Поэтому если с иском о возмещении вреда, причиненного действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства, возбужденного по выданному судом общей юрисдикции исполнительному документу, по которому должником выступает физическое лицо, обратился взыскатель – юридическое лицо

или индивидуальный предприниматель, то при рассмотрении данного имущественного спора оценку законности указанных действий должен дать суд общей юрисдикции.

Изложенный вывод основан на том, что к предметной компетенции арбитражных судов не отнесена проверка действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, совершенных в рамках исполнительного производства, возбужденного по выданному судом общей юрисдикции исполнительному документу (ст. 29 АПК РФ, чч. 2 и 3 ст. 128 Закона об исполнительном производстве).

Кроме того, при выяснении размера вреда, причиненного бездействием судебного пристава-исполнителя, суд обязан выяснить, не утрачена ли возможность принудительного исполнения исполнительного документа, выданного судом общей юрисдикции, самим должником – физическим лицом.

Таким образом, иск юридического лица или индивидуального предпринимателя о взыскании с Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов убытков, причиненных в результате действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства, возбужденного по выданному судом общей юрисдикции исполнительному документу, должником по которому выступает гражданин, подлежит рассмотрению и разрешению в суде общей юрисдикции.

Вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

ВОПРОС 4. Вправе ли судья рассмотреть по существу дело об административном правонарушении, за совершение которого предусматривается административное наказание в виде административного ареста, в отсутствие лица, привлекаемого к административной ответственности?

ОТВЕТ. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) связывает производство по делу об административном правонарушении, совершение которого влечет административное наказание в виде административного ареста, с необходимостью исполнения лицами, осуществляющими производство по делу, ряда специальных требований.

В соответствии с ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ административный арест как связанное с лишением лица свободы, а потому наиболее строгое административное наказание, применяемое к гражданам, может быть назначен в исключительных случаях и только судьей.

Протокол об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест, передается на рассмотрение судье немедленно после его составления (ч. 2 ст. 28.8 КоАП РФ). Частью 4 ст. 29.6 КоАП РФ установлен сокращенный срок рассмотрения дела о таком административном правонарушении – в день получения протокола и других материалов дела, а в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, – не позднее 48 часов с момента его задержания.

В силу ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ присутствие лица, привлекаемого к административной ответственности, при рассмотрении дела об административном правонарушении, влекущем административный арест, во всех случаях является необходимым.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в определениях от 21 мая 2015 г. № 1125-О, от 29 сентября 2015 г. № 1902-О, ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ создает для лица дополнительную гарантию полноценной реализации права на защиту при привлечении к ответственности за такие административные правонарушения, за которые предусмотрена возможность применения к нарушителю наиболее ограничительных по своему характеру мер административной ответственности.

Таким образом, принимая во внимание сокращенный срок рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершение которых влечет административный арест, судья вправе приступить к рассмотрению дела по существу при совокупности следующих условий:

- лицо не явилось либо не было доставлено в судебное заседание;
- санкция статьи (части статьи) КоАП РФ, на основании которой возбуждено дело об административном правонарушении, предусматривает помимо административного ареста возможность назначения иного вида административного наказания;
- фактические обстоятельства дела не исключают возможности назначения административного наказания, не связанного с содержанием нарушителя в условиях изоляции от общества.

При этом судам надлежит учитывать, что по делу, рассматриваемому в отсутствие лица, привлекаемого к административной ответственности, последнему не может быть назначено административное наказание в виде административного ареста.

Если судья допускает возможность назначения лицу, в отношении которого ведется производство по делу, административного наказания в виде административного ареста (в том числе и в случае, когда санкция статьи (части статьи) КоАП РФ не устанавливает альтернативного административного наказания, не связанного с содержанием нарушителя в условиях изоляции от общества) и лицо не явилось либо не было доставлено в судебное заседание, протокол об административном правонарушении с другими материалами дела подлежит возвращению в

орган, должностному лицу, которые составили протокол, в порядке, установленном п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, со стадии подготовки к рассмотрению дела.

ВОПРОС 5. Подлежит ли привлечению к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35¹ КоАП РФ лицо, допустившее до 15 июля 2016 г. неуплату алиментов в течение двух или более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства?

ОТВЕТ. Частью 1 ст. 5.35¹ КоАП РФ предусмотрена административная ответственность родителей за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Указанная норма введена Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и вступила в силу с 15 июля 2016 г. До этой даты административная ответственность за соответствующее деяние не была установлена.

В то же время ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции, действовавшей до 15 июля 2016 г., предусматривала уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты по решению суда средств на содержание детей.

С 15 июля 2016 г. установлена уголовная ответственность за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, если это деяние совершено неоднократно, то есть лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда такое лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Новое правовое регулирование направлено на уточнение диспозиции ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации, ранее (до 15 июля 2016 г.) охватывающей в том числе бездействие, связанное с систематическим уклонением от уплаты средств на содержание детей. При этом введение административной ответственности за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально

удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, и ее разграничение с уголовной ответственностью осуществлено с сохранением уголовно-правовой защиты имущественных интересов детей и, следовательно, не может рассматриваться как ослабление мер правовой ответственности лиц, виновных в неуплате средств на содержание таких детей, а также не должно приводить к уклонению от ответственности виновных лиц.

Действие административного закона во времени регулируется ст. 1.7 КоАП РФ, в соответствии с которой лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения.

Поскольку способом совершения административного правонарушения является бездействие, выраженное в неуплате без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, указанное правонарушение является длящимся и будет считаться оконченным с момента его выявления (обнаружения) либо добровольного прекращения лицом действий по неуплате средств на содержание детей.

Таким образом, в случае, если исполнительное производство было возбуждено до 15 июля 2016 г. и после этой даты выявлена неуплата средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, длительностью более двух месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, то такое лицо может быть привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35¹ КоАП РФ.

ВОПРОС 6. Образует ли объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ, отсутствие в момент проведения государственного контроля (надзора) в сфере миграции у иностранного гражданина или лица без гражданства при себе документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации?

ОТВЕТ. Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, выразившееся в отсутствии документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, или в случае утраты таких документов – в неподаче заявления об их утрате в соответствующий

орган либо в уклонении от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, в соответствии с ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

Правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин – лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации.

Нормативными правовыми актами определен порядок выдачи компетентными государственными органами иностранным гражданам или лицам без гражданства документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации.

Так, в соответствии с п. 10 Правил использования миграционной карты, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 413 «О миграционной карте», миграционная карта находится у иностранного гражданина в течение срока его пребывания в Российской Федерации.

Отсутствие в момент проведения государственного контроля (надзора) в сфере миграции у иностранного гражданина или лица без гражданства при себе действительных документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, не образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ, если имеются сведения о том, что такие документы выдавались в предусмотренном законодательством порядке компетентными государственными органами иностранному гражданину или лицу без гражданства, не утрачены и сохраняют свое действие.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года (раздел II «Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений») отзывается пример номер 3 (определение № 20-КГ13-10).

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; ст. 3 – 33). Согласно п. «б» ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные указанными договорными органами.

Практика Европейского Суда по правам человека

В сфере административных правоотношений

Оказание (неоказание) надлежащей медицинской помощи лишенным свободы лицам

Постановление Европейского Суда по правам человека (далее также – Европейский Суд, Суд) по жалобе №21566/13 «*Сергей Денисов против Российской Федерации*» (вынесено 8 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявитель жалуется на то, что власти не предприняли мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь в нарушение статьи 3 Конвенции.

Суд отметил, что заявитель жаловался на ненадлежащую медицинскую помощь в отношении, в том числе следующих заболеваний: ВИЧ-инфекции, гепатита С. Проведя оценку свидетельских показаний, Суд не убедился в том, медицинское обслуживание, предоставленное заявителю, было ненадлежащего качества (п. 58 постановления).

«[О]тносительно качества медицинской помощи, предоставляемой заявителю для лечения ВИЧ-инфекции, Суд отме[тил], что 16 августа

2012 года [в]ластям стало известно о том, что заявитель страдает от ВИЧ-инфекции..., после освидетельствования врачебной комиссией на момент поступления в следственный изолятор... На следующий день заявителю был выписан рецепт на прием комбинации высокоактивных антиретровирусных препаратов..., которые он получал на регулярной основе на протяжении всего периода содержания под стражей... Власти Российской Федерации разработали и начали проведение антиретровирусной терапии в соответствии с указаниями Всемирной организации здравоохранения, действующими в период рассматриваемых событий, а также национальными правовыми требованиями (п. 59 постановления).

Европейский Суд установил, что «заявитель проходил регулярный осмотр на предмет ВИЧ-инфекции. Представляется, что его лечение было успешным, поскольку анализы, проводимые на регулярной основе, выявили небольшой, но постоянный рост количества лимфоцитов...» (п. 60 постановления).

«Заявитель указал на один случай бездействия в отношении лечения его ВИЧ-инфекции, а именно, что в момент ареста 13 августа 2012 года у него отобрали лекарственные средства для лечения ВИЧ-инфекции. Власти оспорили это утверждение. Суд отме[тил], что в материалах дела отсутствуют доказательства, свидетельствующие, что сотрудники полиции действительно изъяли у заявителя принадлежащие ему препараты в момент ареста. Тем не менее, даже если предположить, что действительно имел место трехдневный перерыв в антиретровирусной терапии в период с 13 августа 2012 года, дня ареста заявителя, по 16 августа 2012 года, когда тюремные врачи предписали ему новый режим приема препаратов, отсутствуют доказательства, что это оказало негативное влияние на состояние здоровья заявителя и привело к неэффективности общего медицинского обслуживания, полученного в условиях содержания под стражей. Суд [подчеркнул], что медицинская документация убедительно демонстрирует, что состояние здоровья заявителя не ухудшилось за период его нахождения под стражей и что его ВИЧ-инфекция не прогрессировала... Суд, таким образом, не [смог] прийти к заключению, что лечение, полученное в отношении ВИЧ-инфекции заявителя, было ненадлежащим» (п. 61 постановления).

«Возвращаясь к жалобам заявителя, касающимся его страданий из-за гепатита С (ВГС), ни заявитель, ни [в]ласти Российской Федерации не представили подробных сведений в отношении указанной жалобы. Копии медицинских документов, представленных [в]ластями Российской Федерации, не содержат какой-либо информации по данному вопросу. Таким образом, представляется, что заявитель не получал никакого лечения в отношении гепатита С. Однако, учитывая агрессивный характер антиретровирусной терапии и повышенный риск токсичности лекарственных средств и взаимодействия между некоторыми препаратами

антиретровирусной терапии и препаратами для лечения ВГС, как указывается в директивах Всемирной организации здравоохранения, действующих в рассматриваемый период времени..., Суд [пришел к выводу], что решение органов власти Российской Федерации не назначать лечение в отношении гепатита С не представляется необоснованным. Суд также [учел] тот факт, что заявитель просто перечислил гепатит С в числе одного из своих заболеваний и не представил дополнительных доводов, которые могли бы указать, что российские власти проигнорировали этот диагноз или отказались принять меры по жалобам заявителя в этом отношении» (п. 62 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что внутригосударственные органы власти обеспечили заявителю полноценное, эффективное и прозрачное медицинское обслуживание в течение всего периода содержания под стражей. Таким образом, отсутствует нарушение статьи 3 Конвенции (п. 66 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 32917/13 *«Халваш против Российской Федерации»* (вынесено 15 декабря 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении нарушения его прав на защиту от жесткого обращения с ним в соответствии со статьей 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также – Конвенция).

Европейский Суд установил, что «...при принятии решения по жалобе о нарушениях внутригосударственных норм, регулирующих оказание медицинской помощи заключенным, администрация мест заключения не обладала достаточно независимой позицией для удовлетворения требований статьи 35 Конвенции... даже несмотря на то, что проверка надзирающим прокурором играет важную роль в обеспечении адекватной медицинской помощи в течение срока лишения свободы, жалоба прокурору далека от требований к эффективному средству правовой защиты» (п. 50 постановления).

Оценив гражданский иск о компенсации на основании положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах вследствие причинения вреда, Суд пришел к выводу, что «...такой иск не мог привести к предоставлению каких-либо мер компенсации, кроме денежной компенсации убытков, и не мог прекратить ситуацию, в которой имеет место длящееся нарушение, такое как неадекватное оказание медицинской помощи... [Рассматриваемое] средство правовой защиты не предусматривало возможности благоприятного исхода, в частности, потому, что размер присуждаемой компенсации зависит от установления виновности властей, что крайне маловероятно с учетом того, что национальные правовые нормы предусматривают применение

определенных критериев, например, определенных условий содержания под стражей или уровень медицинской помощи» (п. 50 постановления).

Суд заключил, что «...предложенные властями средства правовой защиты не являл[и]сь эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами в соответствии со статьей 3 Конвенции» (п. 51 постановления).

Таким образом Суд отклонил возражение властей о неисчерпаниии внутригосударственных средств правовой защиты и пришел к выводу, что «...заявитель не располагал эффективным внутренним средством правовой защиты в отношении своей жалобы, что является нарушением статьи 13 Конвенции» (п. 52 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь в нарушение статьи 3 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...врачебные комиссии в своих заключениях, а также врачи следственных изоляторов и больниц следственных изоляторов в своих заключениях и справках, представленных властями, опирались на полную историю болезни заявителя, результаты проведенных ими самими медицинских освидетельствований и осмотров заявителя, которые составляют основную часть процесса оценки состояния здоровья» (п. 62 постановления).

Суд установил, что «...представленные заявителем заключения не содержат никаких ссылок на объективные данные...Суд вынужден отклонить довод заявителя, основанный исключительно на данных спорных медицинских заключений, в частности о необходимости проведения срочной операции на головном мозге и/или длительного стационарного лечения в специализированном медицинском учреждении, а также в части особой опасности отбывания наказания в северном регионе для его здоровья» (п. 63 постановления).

Европейский Суд также отметил, что «...во время нахождения заявителя под стражей за его изменения его состояния здоровья пристально следили несколько врачей-специалистов, в том числе невролог. Администрации мест заключения выполнили требования о ведении медицинской карты и немедленном ее направлении в каждое учреждение, где заявитель содержался под стражей. Соответственно, медицинский персонал сразу узнавал о наличии у заявителя проблем со здоровьем и в случае необходимости мог надлежащим образом на них реагировать... В соответствии с рекомендациями врачей мест содержания под стражей заявителя без существенных задержек переводили в специализированные медицинские учреждения для проведения полного обследования» (п. 64 постановления).

Суд подчеркнул, что «...медицинский персонал мест содержания под стражей выполнял различные медицинские манипуляции, в том числе особо сложные и с применением новейшего оборудования, следил за развитием заболевания заявителя, назначал необходимое лечение лекарственными препаратами и по мере необходимости корректировал лечение...[В]торичное заболевание заявителя...было немедленно взято под наблюдение и успешно вылечено...[Н]ет никаких объективных данных, свидетельствующих о значительном ухудшении состояния здоровья заявителя за годы его содержания под стражей, которым можно было бы вменить в вину властям как халатность или непредоставление заявителю надлежащей медицинской помощи» (п. 65 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...российские власти обеспечили оказание заявителю надлежащей медицинской помощи в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции... Таким образом, нарушения статьи 3 Конвенции допущено не было» (пп. 68–69 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 32863/13 *«Литвинов против Российской Федерации»* (вынесено 22 марта 2016 г., вступило в силу 22 июня 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия, не оказав ему надлежащей медицинской помощи в ходе его содержания под стражей в нарушение статьи 3 Конвенции.

В отношении нарушения статьи 3 Конвенции Суд отметил, что «...до задержания заявитель страдал различными сердечно-сосудистыми заболеваниями и заболеваниями почек, перенес инсульт, закрытую черепно-мозговую травму и инфаркт миокарда. Некоторые заболевания уже прогрессировали в дальнейшие стадии. Органам власти стало известно о плохом состоянии его здоровья сразу после его поступления в пенитенциарное учреждение» (п. 90 постановления).

Европейский Суд также установил, что «...заявитель не представил никаких конкретных заявлений в отношении того, что...случаи невыдачи лекарственных средств являлись длительными или что они влияли на состояние здоровья заявителя. Более того...заявитель также способствовал прерыванию режима приема лекарственных препаратов и, таким образом, возникновению возможных недостатков в лечении, в некоторых случаях отказываясь принимать лекарственные препараты или отказываясь от внутривенных вливаний и медицинских обследований» (п. 91 постановления).

Суд подчеркнул, что «...лечение сердечных заболеваний заявителя...привело к успешному лечению...Заявитель был в разумные сроки излечен от вторичных заболеваний...Его хронические заболевания не проявляли заметных признаков развития» (п. 93 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...заявитель во время содержания под стражей находился под пристальным медицинским наблюдением. Органы власти обратили внимание на его серьезные сердечные заболевания в первые дни после его задержания...Вскоре после этого тюремный врач рекомендовал стационарное лечение, и заявитель был переведен в тюремную больницу...После проведения различных клинических тестов в больнице заявителю было назначено и проведено медикаментозное лечение. Его регулярно госпитализировали в тюремные больницы и медицинские части...Врачи-специалисты...осуществляли мониторинг эффективности лечения заявителя и корректировали лечение по мере необходимости...органы власти разрешили приглашенным врачам посещать заявителя во время его содержания под стражей и фиксировали их заключения относительно режима лечения заявителя в медицинской карте для учета тюремными врачами» (п. 94 постановления).

Таким образом, принимая во внимание вышеупомянутые соображения, Европейский Суд не усмотрел нарушения статьи 3 Конвенции.

См. также поступившее в Верховный Суд Российской Федерации постановление Европейского Суда по жалобе № 2763/13 «*Хайлетдинов против Российской Федерации*» (вынесено 12 января 2016 г., вступило в силу 6 июня 2016 г.), содержащее констатацию нарушения положений статьи 3 Конвенции в части неоказания надлежащей медицинской помощи лишенным свободы лицам.

Право лишенного свободы лица на уважение личной и семейной жизни

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 32917/13 «*Видиш против Российской Федерации*» (вынесено 15 марта 2016 г., вступило в силу 15 июня 2016 г.).

Заявитель жаловался, в том числе, на то, что требование об оплате использования помещений для долгосрочных семейных свиданий в лечебно-исправительном учреждении нарушало статью 8 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...обязательной частью права заключенного на уважение его семейной жизни является предоставление ему властями возможности или, по необходимости, оказание ему помощи в поддержании контакта с близкими родственниками, так как при содержании под стражей заключенный продолжает пользоваться всеми основными правами и свободами, за исключением права на свободу...[В]мешательство в право заключенного на уважение его семейной жизни не должно обязательно приводить к запрету свиданий с родственниками, но может заключаться в других мерах, принятых администрацией тюрьмы...[О]граничения частоты и продолжительности

свиданий с родственниками, надзор за такими свиданиями и применение к заключенному особых условий посещения являются вмешательством в право заявителей, предусмотренное статьей 8 Конвенции» (п. 35 постановления).

Суд также подчеркнул, что «...в настоящем деле имеет место дополнительное финансовое ограничение, согласно которому осуществление законного права заявителя на долгосрочное свидание с родственниками зависело от его способности оплатить такое посещение...[Т]ак как указанная мера вынудила заявителя сократить продолжительность разрешенного свидания с родственниками, она привела к вмешательству в его право на уважение семейной жизни, что привело к нарушению статьи 8 [Конвенции]» (п. 36 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...[в] то время как ни заявитель, ни его дочери не запросили особых условий посещения или дополнительного оборудования помещения для свиданий, от них потребовали оплатить заработную плату персонала учреждения и сборы за обслуживание, что не может рассматриваться в качестве «дополнительных услуг». Так как в российском законодательстве не имеется основания для перекладывания стоимости основных услуг на посещающих членов семьи, рассматриваемое ограничение, по-видимому, является незаконной инициативой администрации лечебно-исправительного учреждения... Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции по причине незаконного ограничения свиданий с родственниками» (пп. 38, 40 постановления).

Право на уважение личной жизни в аспекте защиты персональных данных лица

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 40378/06 «*У.У. против Российской Федерации*» (вынесено 23 февраля 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.).

Заявитель жаловалась, ссылаясь на статью 8 Конвенции, на то, что региональный комитет здравоохранения осуществил сбор и исследование медицинских документов заявителя и ее детей и направил рецензию, содержащую результаты такого исследования, в Министерство здравоохранения без соответствующего согласия заявителя.

Европейский Суд отметил, что «...раскрытие клиникой — без согласия пациента — медицинских документов, содержащих личную и конфиденциальную информацию о пациенте, Службе социального страхования, и, соответственно, более широкому кругу государственных служащих, представляет собой вмешательство в право пациента на уважение частной жизни... [п]редоставление медицинскими организациями информации о состоянии здоровья пациента в распоряжение органов прокуратуры и работодателя пациента, а также

совершение органом, уполномоченным на осуществление контроля за качеством медицинской помощи, действий по сбору информации о здоровье пациента также представляет вмешательство в право на уважение частной жизни» (п. 39 постановления).

Суд подчеркнул, что «...[п]о мнению национальных судов, гарантия недопущения разглашения конфиденциальной медицинской информации без согласия пациента не распространяется на ситуации, аналогичные ситуации заявителя...Во-первых, такая гарантия не применяется в отношении раскрытия информации Комитетом Министерству [здравоохранения Российской Федерации], поскольку последнее является контрольным органом в структуре государственной системы здравоохранения. Во-вторых, такая гарантия применяется лишь в отношении раскрытия самой медицинской документации пациента, но не раскрытия полученной из нее информации» (п. 53 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «...выводы национальных судов о том, что действия Комитета по сбору, изучению и раскрытию Министерству [здравоохранения Российской Федерации] информации о состоянии здоровья заявителя не могут рассматриваться в качестве нарушения требования о соблюдении конфиденциальности медицинской информации, основаны на общем обязательстве Комитета по предоставлению в Министерство подробной запрошенной им информации. Однако подобные выводы национальных судов не подкреплены какими-либо отсылками к нормам соответствующего внутреннего законодательства» (п. 55 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что «...несмотря на наличие у заявителя формальной возможности для оспаривания в суде действий Комитета, тем не менее, заявителю не была обеспечена минимальная степень защиты от произвола со стороны властей. Спорные действия не могут рассматриваться в качестве предсказуемого применения соответствующего законодательства Российской Федерации... вмешательство в право заявителя на уважение частной жизни не было «предусмотрено законом» по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции» (пп. 58–59 постановления).

Условия содержания в местах лишения свободы

В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений статьи 3 Конвенции в части необеспечения надлежащих условий содержания в местах лишения свободы.

Постановление по жалобе № 4963/06 по делу «*Курушин против Российской Федерации*» (вынесено 15 октября 2015 г.); постановление по жалобе № 36814/06 «*Чукаев против Российской Федерации*» (вынесено 5 ноября 2015 г., вступило в силу 5 февраля 2016 г.); постановление по

жалобе № 32036/10 *«Бутко против Российской Федерации»* (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.); постановление по жалобе № 16179/14 *«Бутрин против Российской Федерации»* (вынесено 22 марта 2016 г., вступило в силу 22 июня 2016 г.); постановление по жалобе № 38758/05 *«Морозов против Российской Федерации»* (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.); постановление по жалобе № 48416/09 *«Коркин против Российской Федерации»* (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.); постановление по жалобам № 36101/11, 36831/11, 52683/12, 63745/12, 59337/13, 67679/13, 67943/13, 77397/13, 3251/14, 9694/14, 13257/14 и 19016/14 *«Аристов и другие против Российской Федерации»* (вынесено 30 июня 2016 г.); постановление по жалобе № 32917/13 *«Видиш против Российской Федерации»* (вынесено 15 марта 2016 г., вступило в силу 15 июня 2016 г.).

Цензура переписки заявителя с Европейским Судом по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений статей 8 и 34 Конвенции в части цензуры переписки заявителя с Европейским Судом по правам человека.

Постановление по жалобе № 36814/06 *«Чукаев против Российской Федерации»* (вынесено 5 ноября 2015 г., вступило в силу 5 февраля 2016 г.); постановление по жалобе № 32917/13 *«Видиш против Российской Федерации»* (вынесено 15 марта 2016 г., вступило в силу 15 июня 2016 г.).

Неисполнение (несвоевременное исполнение) судебных постановлений

Решение Европейского Суда по правам человека по жалобе № 24324/05 *«Владимир Николаевич Смаилов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 13 ноября 2014 г.).

Заявитель жаловался на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с тем, что российские власти не смогли помочь ему добиться исполнения решения суда, вынесенного против частной компании, а также в связи с тем, что он был лишен доступа к правосудию в рамках спора о компенсации ущерба, причиненного отказом судьи применить в гражданском процессе обеспечительные меры.

В отношении предполагаемой неспособности властей помочь заявителю добиться исполнения судебного решения, вынесенного против частной компании, Европейский Суд установил, что «...во время

рассматриваемых событий заявитель считал статью 1069 [Гражданского кодекса Российской Федерации] доступным и эффективным средством правовой защиты в своем деле. В 2007 году он предпринял попытку возбудить соответствующее гражданское судопроизводство в отношении Казначейства Российской Федерации и Управления Службы судебных приставов, которая оказалась безрезультатной из-за того, что заявитель не выполнил разумные процессуальные требования российского законодательства, не сформулировав свои исковые требования к ответчикам и не указав их почтовые адреса. В замечаниях сторон нет никаких свидетельств того, что заявитель устранил или попытался устранить указанные недостатки, несмотря на то, что российские суды предоставили

ему такую возможность..., и, таким образом, заявитель не выполнил своего обязательства оценить степень защиты его прав национальной правовой системы...[В] рассматриваемом деле отсутствие результата не может быть истолковано как доказательство недоступности или неэффективности данного средства правовой защиты» (п. 43 решения).

Суд подчеркнул, что «...указанное властями внутригосударственное средство правовой защиты¹ имеет четкие правовые основания в рамках внутригосударственного права и является достаточно неизменным с точки зрения законодательства и процессуальных норм...[Ч]етким основанием для указанного властями средства правовой защиты является статья 1069 Гражданского кодекса. Положения данной статьи с достаточной степенью определенности предусматривают перечень прав на возмещение ущерба (ущерба, причиненного в результате действий, бездействия или законных актов органов государственной власти или их должностными лицами), соответствующую компенсацию (возмещение ущерба), основания для получения компенсации (незаконность актов, действий или бездействия), а также перечень государственных учреждений, ответственных за выплату компенсаций (Федеральное казначейство или его областные или местные управления). Более того, общие положения статьи 1064 части 1 Гражданского кодекса указывают на обязательное полное возмещение соответствующего ущерба. Часть 2 статьи 1064 и статья 1069 Гражданского кодекса в совокупности определяют распределение бремени доказательства, при котором истец должен доказать незаконность действия (бездействия), а ответчик – отсутствие своей вины» (п. 44 решения).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «...статья 1069 представляет собой средство правовой защиты, которое является достаточным для возмещения ущерба в отношении соответствующих жалоб, и что в свете существующей российской судебной практики данное средство правовой защиты может обеспечить разумные шансы на благоприятный результат...[В] своих замечаниях власти указали ряд

---

¹ Возможность подачи гражданского иска о возмещении ущерба в соответствии со статьей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации.

соответствующих примеров из российской судебной практики по делам физических и юридических лиц, которые прибегли к статье 1069 как средству правовой защиты в российских судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Заявитель в своих замечаниях оспорил наличие такой судебной практики, однако не представил никаких доказательств обратного. Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу о том, что позиция властей в достаточной степени основана на соответствующей судебной практике на национальном уровне... [Д]оступность и эффективность статьи 1069 подтверждается авторитетным толкованием Конституционным Судом соответствующих положений национального законодательства, а также рекомендациями, судов высшей инстанции российской судебной системы... [В]ласти в своем заявлении о неисчерпании средств правовой защиты представили доказательство наличия доступного и эффективного внутригосударственного средства правовой защиты (гражданский иск о возмещении ущерба, поданный в соответствии со статьей 1069 Гражданского кодекса) в отношении предполагаемого отказа российских властей помочь заявителю добиться исполнения судебного решения, вынесенного против частного лица» (пп. 45-48 решения).

В отношении вопроса об использовании заявителем доступного и эффективного внутригосударственного средства правовой защиты, Суд заключил, что «...в настоящем деле два разных гражданских процесса преследовали совершенно разные цели – признание действий судебного пристава-исполнителя неправомерными и получение денежного возмещения ущерба соответственно. Если бы заявителю было отказано в удовлетворении иска о признании, его шансы на получение денежной компенсации существенно снизились бы, однако в настоящем деле районный суд, напротив, своим определением признал незаконность бездействия судебного пристава на основании принципа *res judicata* в отношении иска по статье 1069... [З]аявитель не исчерпал доступные и эффективные внутригосударственные средства правовой защиты в отношении своей жалобы на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с предполагаемым отказом российских властей помочь ему добиться исполнения судебного решения, вынесенного против частного лица. Следовательно данная жалоба должна быть признана неприемлемой в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции» (пп. 51-52 решения).

В отношении жалоб заявителя на отказ в доступе к правосудию, Европейский Суд отметил, что «...действие пункта 1 статьи 6 распространяется на «разногласия» (споры) по вопросам «гражданских прав», которые могут считаться, по крайней мере, на спорных основаниях, признанными в рамках национального права в независимости от того, защищены ли они также и в рамках Конвенции» (п. 54 решения).

Суд установил, что «...[и]з положений Гражданского кодекса и Гражданского процессуального кодекса следует, что российская

законодательная система предусматривает законные основания для подачи иска о возмещении ущерба, причиненного физическому лицу в результате незаконных действий или бездействия национальных органов государственной власти или их должностными лицами, в том числе судами и судьями. Данный вывод подтверждается толкованием Конституционным Судом положений, касающихся возмещения вреда, причиненного в результате незаконных действий или бездействия судей или судов» (п. 56 решения).

Суд также указал, что «...[в] настоящем деле нет никаких доказательств того, что действия судьи по отказу в применении обеспечительных мер, которых добивался заявитель, выходили за пределы его полномочий или были незаконны. Напротив, отказ может рассматриваться как разумное осуществление судьей своего права усмотрения, характерного для осуществления правосудия и соответствующего применимым положениям национального законодательства... [Д]анный подход российского законодательства соответствует требованиям статьи 6 Конвенции о независимом и беспристрастном суде. Юридическая независимость не предполагает наличие иммунитета к вынесению неверных решений, однако требует от судьи принятия решений в соответствии с имеющимися у него сведениями, собственными убеждением, разумными соображениями и без опасений быть наказанным. Возможность подачи гражданского иска о возмещении вреда, причиненного в результате законного и обоснованного определения по вопросу применения обеспечительных мер, неизбежно привела бы к ограничению усмотрения судьи. Надлежащим средством правовой защиты для стороны производства является стандартный механизм обжалования. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что заявитель не обжаловал соответствующее определение суда... даже несмотря на то, что в соответствии с российским процессуальным правом у него такая возможность была» (п.п. 58-59 решения).

Европейский Суд подчеркнул, что «...гражданский иск заявителя к Судебному департаменту является ничем иным, как попыткой обойти стандартную процедуру исполнения решения суда и соответственно привлечь государство к ответственности за долги частного лица. В рамках указанного производства заявитель явно добивался взыскания присужденной ему судом компенсации; однако исполнения решения он добивался не от должника, который отказался выплачивать компенсацию, а от судьи, который посчитал применение ограничений до окончательного определения гражданских прав необоснованным... [Г]ражданский иск имел опосредованное отношение к фактически желаемому результату и, таким образом, не может считаться действительно существующим серьезным спором» (п. 60 решения).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «...требование заявителя о возбуждении гражданского производства по вопросу

возмещения ущерба, предположительно причиненного в результате законного отказа судьи применить обеспечительные меры, не соответствует стандартам Конвенции о действительно существующем и серьезном споре по вопросу гражданских прав...[Ж]алоба на отказ в доступе к правосудию в рамках данного производства не соответствует *ratione materiae* положениям статьи 6 Конвенции и должна быть признана неприемлемой в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции» (п. 61 решения).

В Верховный Суд Российской Федерации также поступило постановление по жалобе № 2686/06 «**Калугина против Российской Федерации**» (вынесено 21 июня 2016 г.), содержащее констатацию нарушения Российской Федерацией положений пункта 1 статьи 6 и/или статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в части неисполнения судебных постановлений.

В сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях

Право на юридическую помощь защитника

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 46998/08 «**Михайлова против Российской Федерации**» (вынесено 19 ноября 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель жаловалась на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с непредоставлением ей бесплатной юридической помощи в ходе производства по ее делу об административном правонарушении.

Европейский Суд напомнил, что «...не будучи абсолютным, право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления на эффективную защиту посредством адвоката, назначенного властями, если это необходимо, является одной из основ справедливого судебного разбирательства» (п. 77 постановления).

«Право на получение бесплатной юридической помощи, предусмотренное подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, может быть реализовано при условии соблюдения двух условий. Во-первых, у заявителя должно быть недостаточно средств для оплаты юридических услуг. Во-вторых, предоставление юридической помощи осуществляется в интересах правосудия» (п. 78 постановления).

По мнению Европейского Суда «...[д]ля установления необходимости предоставления юридической помощи в интересах правосудия в рамках внутригосударственного производства, Суд принимает во внимание несколько факторов. Для этого необходимо рассмотреть совокупность обстоятельств дела, в том числе с учетом серьезности правонарушения, степени суровости возможного наказания,

степень сложности дела и личную ситуацию заявителя» (п. 79 постановления).

Европейский Суд постановил, что «...в случае возможного лишения свободы интересы правосудия, как правило, требуют услуг судебного представительства, причем если обвиняемый не в состоянии самостоятельно их оплатить, они должны быть предоставлены за счет бюджетных средств...Однако Конвенция не предусматривает какого-либо порога продолжительности такого лишения свободы. При этом изложенное выше не означает, что бюджетные средства не должны предоставляться для обеспечения судебного представительства в делах, не касающихся возможного лишения свободы» (п. 82 постановления).

«...предоставление государством юридической помощи в делах, не относящихся к уголовному праву, может быть обязательным в соответствии с пунктом 1 статьи 6 в случае, если ее отсутствие препятствует эффективной реализации права на обращение в суд» (п. 84 постановления).

Привлечение заявителя к ответственности по статье 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Суд отметил, что «...заявителю было предъявлено обвинение в одном эпизоде неповиновения распоряжению сотрудников полиции. Можно утверждать, что предъявление такого обвинения требовало, в том числе, проверки законности распоряжения сотрудника полиции (с учетом других законодательных актов, таких как Закон «О собраниях» и Закон «О полиции»), либо правового заключения по вопросу реализации заявителем своего права на свободу собраний и выражение мнения.... Суд согласен с тем, что утверждения заявителя, представленные в национальных судах, были содержательными, однако для разрешения вопроса о предоставлении юридической помощи этого недостаточно. В любом случае, знание или незнание заявителем юриспруденции не имело и не могло иметь значения, поскольку законодательством исключалась какая-либо возможность предоставления юридической помощи. Что касается личной ситуации заявителя, то Суд отмечает, что заявитель была пенсионером и не имела юридического или другого соответствующего образования» (п. 91 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что «...наказание было в достаточной мере суровым для того, чтобы прийти к выводу о необходимости предоставления заявителю бесплатной правовой помощи «в интересах правосудия»» (п. 92 постановления).

Суд напомнил, что «...подпункт «с» пункта 3 статьи 6 предоставляет Высоким Договаривающимся Сторонам выбор средств для обеспечения соблюдения права на получение юридической помощи в своих судебных системах, задача Суда – лишь определить, соответствует ли выбранный ими способ требованиям справедливого разбирательства....Однако

заявитель была лишена как возможности воспользоваться юридической помощью во время судебных разбирательств, так и возможности получить юридическую помощь другим способом, например, в виде юридической консультации либо помощи/представительства до судебного слушания или во время составления апелляционной жалобы, либо всего перечисленного вместе взятого...И, наконец, вопрос о том, могло ли апелляционное или любое дальнейшее производство по делу рассматриваться в качестве средства правовой защиты в отношении непредоставления юридической помощи с учетом сферы действия пересмотра и практических механизмов его реализации, не стоит...В действительности, в рамках этих производств бесплатная юридическая помощь тоже не была предусмотрена» (п. 94 постановления).

Суд установил наличие нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции (п. 95 постановления).

Привлечение заявителя к ответственности по статье 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

«Что касается степени суровости предусмотренного законом наказания, то Суд отмечает, что во время рассматриваемых событий единственным предусмотренным наказанием было наложение штрафа в размере 1 000 рублей (28 евро), что является относительно небольшой суммой даже применительно к национальным условиям» (п. 96 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «...дело касалось одного эпизода, в отношении которого были определены достаточно ясные правовые признаки, в том числе состав правонарушения. В то же время Суд отмечает, что при предъявлении обвинений необходимо было установить применимые нормы и действия, в отношении которых статьей 20.2 КоАП² предусмотрено наказание, а также оценить их с учетом и на основании других законодательных актов, таких как Закон «О собраниях»..., и, в конечном итоге, с учетом правовых соображений относительно реализации обвиняемой своего права на свободу собраний и/или свободу выражения мнения...Вполне возможно, что эта задача могла помочь определить степень сложности дела, для чего у заявителя не было необходимых знаний или юридического образования» (п. 97 постановления).

Суд подчеркнул, что «...производство в отношении заявителя было непосредственно связано с реализацией ее основных свобод, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции. Соответственно нельзя утверждать, что заявитель рисковал немногим» (п. 99 постановления).

Суд установил, что «...заявитель была лишена как возможности воспользоваться юридической помощью во время судебных

---

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

разбирательств, так и возможности получить юридическую помощь другим способом, например, в виде юридической консультации либо помощи/представительства до судебного слушания или во время составления апелляционной жалобы, либо всего перечисленного вместе взятого» (п. 100 постановления).

Суд указал, что «...в целях соблюдения требований статьи 6 Конвенции, при рассмотрении вопроса о юридической помощи следует в первую очередь провести на национальном уровне оценку соответствующих фактических обстоятельств и правовых признаков (такие как проверка имущественного положения и «интересы правосудия»), особенно в случаях, аналогичных настоящему делу, где в ходе национального производства затрагиваются основные права и свободы, гарантированное Конвенцией. Однако в силу положений российского законодательства, такая оценка на национальном уровне не проводилась» (п. 101 постановления).

С учетом исследованных обстоятельств Суд пришел к выводу, что «...интересы правосудия» в конкретных обстоятельствах настоящего дела требовали предоставления бесплатной юридической помощи. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции» (п. 102 постановления).

Административное выдворение

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 40081/14, 40088/14 и 40127/14 «*Л.М. и другие против Российской Федерации*» (вынесено 15 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявители в частности утверждали, что их возвращение в Сирию нарушит их права, гарантированные статьями 2 и 3 Конвенции, и что их содержание в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан (далее – специальное учреждение, центр временного содержания иностранных граждан) в России нарушало статьи 3 и 5 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...внутригосударственные суды ограничились установлением того, что нахождение заявителей на территории России является незаконным... [Р]айонный суд и... областной суд не стали подробно рассматривать угрозы, на которые ссылались заявители, и множество международных и национальных источников, описывающих текущую ситуацию в Сирии...[В]виду абсолютного характера статьи 3 невозможно сравнить наличие угрозы жестокого обращения и оснований для выдворения...Подход судов в настоящем деле вызывает особое сожаление, поскольку в стране существует практика, согласно которой внутригосударственные суды, в том числе Верховный [С]уд [Российской Федерации], при рассмотрении административных

правонарушений в области иммиграции принимают во внимание и придают существенное значение аргументам истцов о существовании серьезной угрозы жестокого обращения. В результате постановление о выдворении может быть отменено» (п. 115 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «...общая ситуация насилия, как правило, сама по себе не приводит к нарушению статьи 3 в случае выдворения...; однако он никогда не исключает вероятность того, что общая ситуация насилия в стране назначения является настолько напряженной, что создает реальную опасность того, что выдворение заявителя в эту страну обязательно повлечет нарушение статьи 3 Конвенции. Тем не менее, Суд принимает такой подход только в самых тяжелых случаях общего насилия, где существует реальная угроза жестокого обращения попросту в силу того, что по возвращении лицо станет объектом этого насилия (п. 119 постановления).

Европейский Суд установил, что «...заявители родом из г. Алеппо и г. Дамаска, где идут особо жестокие сражения. [Один из заявителей] рассказал об убийстве его родственников вооруженными ополченцами, которые захватили район, в котором он жил. Он также сказал, что он боялся, что его тоже убьют. [Другой заявитель] имеет палестинское происхождение и не имеет гражданства. Согласно УВКБ ООН³, «почти все области, в которых проживает большое количество беженцев из Палестины, непосредственно затронуты конфликтом». УВКБ ООН считает, что данная группа людей нуждается в международной защите. Суд также отмечает, что заявителями являются молодые люди, которые, по мнению «Хьюман Райтс Вотч»⁴, особенно подвержены угрозе содержания под стражей и жестокого обращения» (п. 124 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что «...заявители обоснованно утверждают, что их возврат в Сирию нарушит статьи 2 и/или 3 Конвенции. Власти не представили никаких доводов или информации, которая могла бы опровергнуть эти утверждения. Также... [власти] не сослались на какие-либо особые обстоятельства, которые обеспечивали бы заявителям защиту в случае возврата в Сирию» (п. 125 постановления).

Европейский Суд напомнил, рассматривая представленные жалобы в части предполагаемого нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции что «с момента вынесения постановления по делу «Азимов против России», которое касалось аналогичной жалобы..., он установил нарушение пункта 4 статьи 5 в ряде дел против России ввиду отсутствия в национальном законодательстве положения, которое позволило бы заявителю возбудить процедуру судебного пересмотра его содержания в специальном

---

³ Управление Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев.

⁴ *Human Rights Watch*. Неправительственная организация, осуществляющая мониторинг, расследование и документирование нарушений прав человека.

учреждении в ожидании выдворения.... В деле «Ким против России» власти признали нарушение пункта 4 статьи 5 и, учитывая повторяющийся характер нарушения, Суд указал, что власти России должны «обеспечить в своей правовой системе наличие механизма, посредством которого лица могли бы возбуждать производство с целью рассмотрения законности их в специальном учреждении до административного выдворения, в свете событий в производстве по административного выдворения» (п. 141 постановления).

Суд установил, что «...заявители в настоящем деле не имели в своем распоряжении процедуру для судебного пересмотра законности их содержания в специальном учреждении. Таким образом...имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении каждого из трех заявителей» (п. 142 постановления).

Рассматривая вопрос о соблюдении требований подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд вновь напомнил, что «...[л]юбое лишение свободы в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 может быть оправданным только в ходе производства по делу о депортации или экстрадиции. Если это производство не осуществляется с должной тщательностью, лишение свободы перестает быть приемлемым по смыслу подпункта «f» пункта 1 статьи 5...[л]ишение свободы в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 должно отвечать материально-правовым и процессуальным нормам внутригосударственного законодательства. Однако соблюдения норм национального законодательства недостаточно: пункт 1 статьи 5 требует, чтобы любое лишение свободы учитывало цель защиты лица от произвола. Понятие «произвол», содержащееся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, не ограничивается несоблюдением норм национального права, вследствие чего лишение свободы может являться правомерным в рамках национального законодательства, но при этом быть произвольным и, следовательно, противоречащим требованиям Конвенции. Чтобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно должно осуществляться добросовестно; при этом оно должно быть тесно связано с тем основанием для заключения под стражу, на которое ссылаются власти; место и условия содержания под стражей должны быть приемлемыми; продолжительность содержания под стражей не должна превышать срока, разумно необходимого для достижения преследуемой цели» (п. 146 постановления).

Суд пришел к выводу, что «изначальное постановление о помещении заявителей в специальное учреждение соответствовало букве национального закона. Кроме того, ввиду коротких доводов заявителей относительно ситуации в Сирии, представленных в ходе судебных слушаний, можно обоснованно сказать, что в течение первоначального периода содержания в специальном учреждении в отношении заявителей

принимались меры с целью выдворения, поскольку, судя по всему, на данном этапе власти все еще выясняли, возможно ли осуществить их выдворение» (п. 147 постановления).

Европейский Суд, однако, подчеркнул, что «...в апелляционных жалобах, поданных в... областной суд, заявители четко указали, со ссылкой на соответствующие российские источники, что выдворение в Сирию невозможно...27 мая 2014 года областной суд оставил без изменения постановления о выдворении и помещении в специальное учреждение, не рассмотрев доводы относительно возможности выдворения. Отдельным определением областной суд отказал в ходатайстве [одному из заявителей] об отмене наказания в виде выдворения, сославшись лишь на административное правонарушение, которое тот совершил... В июне 2014 года Федеральная служба судебных приставов попросила тот же суд приостановить исполнение постановлений о выдворении, указав, что выдворение не может быть осуществлено. Суд вновь отказал, сославшись на отсутствие правовых оснований для отсрочки выдворения... В результате, несмотря на наличие достаточного количества материалов, указывающих на то, что не следует принимать никаких мер с целью выдворения, содержание заявителей в специальном учреждении было санкционировано. [Двое заявителей] до сих пор содержатся в специальном учреждении, в то время как [третий заявитель] сбежал и находится на свободе с августа 2014 года. Таким образом, при обстоятельствах настоящего дела Суд при[шел] к выводу о том, что нельзя сказать, что после 27 мая 2014 года заявители являлись лицами «в отношении которых принимались меры с целью их выдворения или экстрадиции». Следовательно, их содержание в специальном учреждении после этой даты не было приемлемым согласно оговорке к праву на свободу, содержащейся в подпункте «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции» (п. 148 постановления).

В сфере гражданско-правовых отношений

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 40025/10 «*Лагунов против Российской Федерации*» (вынесено 1 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что он не мог получить компенсацию за содержание под стражей, которое он считал незаконным.

Европейский Суд установил: «...национальные суды признали, что сотрудники милиции задержали заявителя в отсутствие «обоснованного подозрения» в том, что он совершил преступление... Таким образом, лишение свободы не представляло собой какое-либо из исключений относительно права на свободу, перечисленных в подпунктах (a)–(f) пункта 1 статьи 5. Поскольку его задержание нарушало пункт 1 статьи 5, в деле применим пункт 5 статьи 5» (п. 16 постановления).

Европейский суд ранее уже устанавливал, что «...российское гражданское право ограничивает ответственность за незаконное содержание под стражей определенными процессуальными формами лишения свободы, к которым относятся, в частности, заключение под стражу в рамках уголовного судопроизводства и содержание под стражей после вынесения постановления в рамках административного производства, но не задержание⁵...В настоящем деле, как и в деле "Махмудов против России", заявитель был подвергнут задержанию, а его требование о компенсации было отклонено со ссылкой на то же положение...При таких обстоятельствах Суд не видит каких-либо оснований для иного заключения по настоящему делу (п. 17 постановления).

Следовательно, было допущено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции.

В сфере гражданского, административного судопроизводства, а также судопроизводства в арбитражных судах Российской Федерации

Участие лишенного свободы лица в судебном разбирательстве по гражданскому делу

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 27236/05, 44223/05, 53304/07, 40232/11, 60052/11, 76438/11, 14919/12, 19929/12, 42389/12, 57043/12 и 67481/12 «*Евдокимов и другие против Российской Федерации*» (вынесено 16 февраля 2016 г., вступило в силу 16 мая 2016 г.)

Заявители жаловались, в частности, на то, что им было отказано в возможности лично явиться в суд в гражданском процессе, сторонами которого они, будучи лишенными свободы, являлись. По мнению заявителей было нарушено их право на справедливое разбирательство дела согласно пункту 1 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд повторил, что «...статья 6 Конвенции гарантирует не право личного присутствия на заседании гражданского суда, а закрепляет более общее право на эффективное участие в судебном разбирательстве и равные условия с противоположной стороной. Пункт 1 статьи 6 Конвенции оставляет за Государством свободный выбор средств, позволяющих гарантировать участникам судебных разбирательств данные права.... Таким образом, вопросы личного присутствия в суде, формы судопроизводства - устная или письменная, а также защиты правовых интересов в суде тесно связаны и должны быть рассмотрены в контексте гарантии «справедливого судебного разбирательства» по статье 6. Суд должен установить, была ли предоставлена заявителю, участнику гражданского судопроизводства, разумная возможность узнавать и

---

⁵ См. постановление Суда по делу «Махмудов против России», пункт 104.

комментировать доводы или доказательства, предоставленные другой стороной, и представлять свое дело в условиях, не ставящих его в невыгодное положение *по отношению* к своим оппонентам» (п. 22 постановления).

«Что касается формы судебного разбирательства, [далее продолжил Европейский Суд], право на «публичное разбирательство» согласно пункту 1 статьи 6 истолковано в установленной прецедентной практике Суда как включающее в себя право на «устное слушание». Тем не менее, обязательство проведения заседания, предусмотренное этой статьей Конвенции, не является абсолютным. Устное слушание может и не быть необходимым в исключительных обстоятельствах дела, например, в случаях, когда оно не поднимает фактических или правовых вопросов, которые не могут быть надлежащим образом разрешены на основании материалов дела и письменных доводов сторон... Также при условии, что устное слушание было проведено в суде первой инстанции, на апелляционном уровне, на котором непроведение такого слушания может быть оправдано особыми характеристиками производства, о котором идет речь, применяются менее строгие требования. Таким образом, судебные разбирательства о предоставлении права на обжалование и судебные разбирательства, относящиеся только к правовым, а не к фактическим вопросам, могут соответствовать требованиям статьи 6, даже если лицо, подавшее жалобу, не имело возможности быть лично выслушанным судом апелляционной или кассационной инстанции» (п. 23 постановления).

Суд согласился, что «...в связи с очевидными трудностями, сопряженными с переводом заключенных из одного места содержания под стражей в другое, представление интересов заключенного заявителя адвокатом не являлось бы нарушением принципа «справедливого судебного разбирательства», при условии, что ходатайство не было основано на личном опыте заявителя» (п. 24 постановления).

Однако, по мнению Европейского Суда «...личное участие участника судебных разбирательств считалось необходимым с точки зрения статьи 6 в делах, когда характер и образ жизни заинтересованного лица были непосредственно связаны с предметом дела или когда решение затрагивало поведение и опыт этого лица. Таким образом, Суд признал нарушение статьи 6 в делах, в которых характер гражданского спора обосновывал личное присутствие истца в суде, независимо от того, были ли его интересы представлены на слушании дела⁶» (п. 25 постановления).

---

⁶ См., например, *иски о взыскании компенсации за неудовлетворительные условия содержания под стражей*: постановление Европейского Суда от 14 марта 2013 г. по делу «*Инсанов против Азербайджана*»; постановление Европейского Суда от 22 декабря 2009 г. по делу «*Скоробогатых против России*»; постановление Европейского Суда от 17 декабря 2009 г. по делу «*Шилбергс против России*»; см. также постановление Европейского Суда от 12 июня 2012 г. по делу «*Грязнов против России*», постановление Европейского Суда от 10 мая 2007 г. по делу «*Ковалев против России*», касающееся жалобы заявителя на жестокое обращение со стороны полиции;

Суд повторил, что «...правовая помощь в гражданском разбирательстве не является обязательной. Только в случаях, когда стороне судебного разбирательства не предоставляется справедливого разбирательства дела без предоставления правовой помощи, со ссылкой на все факты и обстоятельства дела, статья 6 будет требовать оказания правовой помощи, включая участие адвоката... Помимо этого, в случаях, когда ходатайство заявителя о явке в суд было отклонено, и ему не была предоставлена возможность предоставления правовой помощи, национальные суды должны, во всяком случае предоставить заявителю достаточное время с тем, чтобы он решил вопрос, связанный с представлением его интересов. Национальные суды, в частности, должны проверить, приняв во внимание время, уже проведенное заявителем в заключении, имеет ли до сих пор заявитель в своем распоряжении представителя, готового представлять его интересы в национальных судах, и если да, имел ли он возможность связаться с ним и поручить ему свое дело» (п. 26 постановления).

Суд отметил, что «...правила российского гражданского судопроизводства требуют проведения судами устного слушания во всех категориях дел без исключения... Это не позволяет российским судам рассматривать даже мелкие иски или споры технического характера без проведения слушания, как это могут делать суды других юрисдикций. Во всех случаях, когда проводится устное слушание, стороны имеют право участвовать и делать заявления в суде. Любая сторона может, как правило, отказаться от этого права по своему собственному желанию, и это не будет нарушением принципа беспристрастного слушания согласно статье 6 Конвенции, если добровольный отказ был определенно установлен» (п. 30 постановления).

Суд признал, что «...отсутствие законодательства, регулирующего участие заключенных в слушаниях, не может быть достаточным основанием для лишения их права предстать перед судом... Как ни одно из положений национального права не должно толковаться и применяться несовместимым с обязательствами государства согласно Конвенции образом..., так и пробел в национальном праве не может быть оправданием для неприменения стандартов Конвенции» (п. 31 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...национальные суды обязаны сразу, как только им стало известно, что одна из сторон судебного процесса находится в местах лишения свободы и не имеет возможности

постановление Европейского Суда от 4 марта 2010 г. по делу «*Мохов против России*»; и постановление Европейского Суда от 29 октября 1991 г. по делу «*Хелмерс против Швеции*», иск на клевету; постановление Европейского Суда от 15 октября 2009 г. по делу «*Сокур против России*» и постановление Европейского Суда по делу «*Гоч против Турции*», пункт 48, спор о сумме компенсации неимущественного вреда, причиненного в результате незаконного содержания под стражей и судебного преследования.

присутствовать на слушании независимо от его или ее желания, проверить до начала рассмотрения существа жалобы, требует ли характер дела личных показаний стороны, заключенной в колонии, и выразила ли она желание присутствовать в суде. Если национальные суды рассматривают дело, пренебрегая участием стороны судебного процесса, по мнению Суда, они должны представить особые причины, почему они посчитали, что отсутствие стороны на слушании не отразится в целом на справедливости разбирательства. Они должны рассмотреть все доводы за и против проведения слушания в отсутствие одной из сторон, принимая во внимание, в частности, прецедентную практику Суда в аналогичных судебных делах и характер спорных вопросов, заблаговременно уведомить сторону, находящуюся в местах лишения свободы, о своем решении по делу и основаниях для этого решения... Решение должно быть сообщено стороне судебного процесса заблаговременно с тем, чтобы она имела достаточно времени для определения дальнейших действий для защиты своих прав» (п. 36 постановления).

«Анализ, который Суд предполагает найти в решениях национальных судов, должен выходить за рамки ссылок на неточности в законе, которые сделали невозможной явку стороны, находящейся в местах лишения свободы. Он должен основываться на четко выраженных причинах за и против присутствия стороны, находящейся в местах лишения свободы, истолкованных в свете требований Конвенции и всех относящихся к делу факторов, например, характера спора и затронутых гражданских прав» (п. 38 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...[о]собая форма процессуальных мер предоставления заключенному эффективной возможности участия зависит от многих условий, самым важным является вопрос, обращается ли иск к его или ее личному опыту и, соответственно, нужно ли суду заслушивать устные доказательства непосредственно от него или от нее. Национальным судам надлежит найти конкретные практические решения в соответствии с требованием справедливости судебного разбирательства с учетом местонахождения, доступного технического оснащения в здании суда и в месте содержания заключенного, доступности юридической помощи и других элементов, относящихся к делу. Рассмотрев все эти вопросы, национальные суды должны заблаговременно и соответствующим образом сообщить результат заключенному, чтобы он имел достаточно времени и средств для решения вопроса о способах защиты своих прав» (п. 41 постановления).

По мнению Европейского Суда «...[е]сли иск, главным образом, основывается на личном опыте заключенного, его устные замечания в суде будут «играть важную роль в [его или ее] представлении дела и будут фактически единственным способом обеспечения состязательного судопроизводства»... Только давая показания лично, заключенный мог обосновать свои жалобы и ответить на вопросы судей при их наличии.

В таких обстоятельствах верным решением будет проведение судебного разбирательства в месте заключения истца или использование видеосвязи» (п. 42 постановления).

В отношении использования видеосвязи или системы видеоконференц-связи Европейский Суд обратил внимание на то, что «...такая форма участия в судебном процессе предназначена, среди прочего, для того, чтобы уменьшить промедление при перевозке заключенных и, таким образом, облегчить и ускорить судебный процесс... Обращение к таким средствам не является, как таковое, несовместимым с понятием справедливого и публичного слушания дела, но оно должно осуществляться так, чтобы заключенный мог следить за ходом судебного процесса, видеть присутствующих и слушать сказанное, а также участвовать и быть заслушанным другими сторонами, судьей и свидетелями беспрепятственно» (п. 43 постановления).

Суд подчеркнул, что «...[п]роведение судебного заседания вне зала суда, напротив, является времязатратной процедурой. При этом проведение судебного заседания, например, в месте отбывания наказания, куда, по общему правилу, не имеет доступа общественность, сопровождается возможностью нарушения принципа публичности судебного разбирательства. В таких случаях государство обязано принять компенсационные меры для обеспечения возможности уведомления общественности и СМИ о месте проведения слушания и предоставления им фактического доступа» (п. 44 постановления).

Европейский Суд исходит из позиции, что «...[с]бор доказательств по поручению также отвечает требованиям справедливого судебного разбирательства. Право заслушать заключенного может быть поручено судье или суду, находящемуся рядом с местом отбывания наказания. В сочетании с контролем судьи первой инстанции на всем протяжении судебного процесса, в целях обеспечения информированности заключенного о доводах противоположной стороны и возможности в полной мере и должным образом отвечать на них, допрос заключенного вне зала суда не будет противоречить принципу справедливого судебного разбирательства» (п. 45 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, «...когда национальный суд решает, что для заключенного было не столь важно лично давать показания, его или ее право на справедливое судебное разбирательство может быть гарантировано посредством определенной формы представления интересов. Законодательство РФ об оказании бесплатной юридической помощи устанавливает принцип получения бесплатной юридической помощи, основанный на доходе стороны судебного разбирательства и характере спора, участником которого он является... Перечень видов споров является исчерпывающим и не включает, например, иск с требованием компенсации вреда за унижающие достоинство условия содержания под стражей. В делах, содержащих иск такого типа, Суд не

был убежден на основании доступной информации в том, что российская система правовой помощи предоставила заявителям надлежащую защиту их прав... Если заключенный не может позволить себе квалифицированное судебное представительство своих интересов, он имеет право назначить своим представителем в судебном разбирательстве родственника, друга или знакомого... В этом случае национальные суды должны, во-первых, удостовериться имел ли заключенный достаточно времени, чтобы найти лицо, готовое представлять его в суде, и поручить ему ведение дела, и, во-вторых, удостовериться, что шансы заключенного на справедливое слушание дела не нарушены из-за непрофессионального представления его интересов» (п. 46 постановления).

Суд отметил, что «...во всех случаях, когда национальные суды делают выбор в пользу процессуальных мер, направленных на устранение помехи, которая была причиной неявки заключенного в зал суда, они должны проверить, будет ли выбранное решение учитывать право отсутствующей стороны на эффективное представление его дела в суде и не поставит ли оно его в невыгодное положение *по отношению* к его оппоненту. Суду предстоит вынести решение по вопросу, были ли меры, принятые для обеспечения полноценной возможности участия заключенного в судебном процессе достаточными, и был ли судебный процесс в целом справедливым в значении статьи 6 Конвенции» (п. 47 постановления).

Европейский Суд установил, что «...[н]ациональные суды отказали заявителям в удовлетворении ходатайства о присутствии в суде, ссылаясь на отсутствие правовой нормы, требующей их присутствия в обязательном порядке... [С]ылка на технические основания без обращения к существенному вопросу о том, требует ли характер спора как таковой, чтобы сторона лично явилась в суд, несовместима с должным соблюдением принципа справедливого судебного заседания, так как заявитель не должен быть обременен в результате несостоятельности законодателя обеспечить в особых обстоятельствах сторон, находящихся в местах лишения свободы, явку в суд в гражданском процессе. Вопреки заявлению [в]ластей о том, что заявители могли эффективно представить свое дело в судах, так как они были должным образом извещены обо всех слушаниях, одного только извещения заявителей о дате проведения слушания было недостаточно в ситуации, когда современное состояние национального законодательства фактически мешает им явиться в суд» (п. 50 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...[в] распоряжении национальных судов имелся ряд других возможностей для обеспечения явки заявителей в зал суда, которые были упомянуты в прецедентной практике Конституционного Суда Российской Федерации. Как оказалось, национальные суды вовсе не использовали эти возможности... Суд на[шел] особенно поразительным то, что национальные суды не только не

рассмотрели каждое дело в индивидуальном порядке, но и пренебрегли возможностями, определенно указанными Конституционным Судом для обеспечения заявителей процессуальными правами в подобных обстоятельствах» (п. 51 постановления).

Суд заключил, что «...(i) должным образом не оценив характер гражданских исков, поданных заявителями, с тем, чтобы принять решение о том, являлась ли их явка обязательной, а также вместо этого акцентировав внимание на недостатках национального права, и (ii) не рассмотрев соответствующие процессуальные действия, предоставляющие заявителям возможность быть заслушанными в суде, национальные суды лишили заявителей возможности эффективно представлять свои дела в суде и не выполнили свое обязательство по обеспечению принципа справедливого судебного разбирательства закрепленного в статье 6 Конвенции» (п. 52 постановления).

Вопросы судебного извещения

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 2430/06, 1454/08, 11670/10 и 12938/12 *«Ганькин и другие против Российской Федерации»* (вынесено 31 мая 2016 г., вступило в силу 31 августа 2016 г.).

Заявители жаловались, что их право на справедливое судебное разбирательство дела согласно пункту 1 статьи 6 Конвенции было нарушено в связи с отсутствием действий со стороны внутригосударственных судов по обеспечению их участия в судебных заседаниях по рассмотрению их кассационных жалоб, участниками которых они являлись.

Европейский Суд подчеркнул, что «...[в]нутригосударственные суды должны приложить обоснованные усилия для вызова сторон, участвующих в деле, на судебное слушание... Кроме того, стороны должны предпринять все необходимые меры для обеспечения эффективного получения корреспонденции, которая может быть направлена им внутригосударственными судами... Даже в случае, если стороны, участвующие в деле, не демонстрируют должного усердия, последствия, отнесенные на счет их поведения внутригосударственными судами, должны быть соизмеримы с серьезностью допущенных ошибок в контексте основополагающего принципа справедливого слушания дела (п. 27 постановления).

Европейский Суд напомнил, что «...[с]татья 6 Конвенции не предусматривает особую форму вручения судебной корреспонденции... Кроме того, от внутригосударственных органов власти не требуется обеспечить идеально функционирующую почтовую систему... Однако общая концепция справедливого судебного разбирательства, фундаментальным принципом которой является состязательность

судебного процесса..., гласит, что лицо, в отношении которого инициируется судебный процесс, должно быть извещено об этом... В случае если судебная документация, включая извещение о судебном заседании, надлежащим образом не вручена участнику судебного процесса, он может быть лишен возможности самостоятельной защиты в суде» (п. 28 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...правила российского гражданского судопроизводства требуют проведения судами устного слушания по всем категориям дел без исключения... Это не позволяет российским судам выносить решения даже по незначительным искам или спорам технического характера без проведения слушания. Принимая участие в устных слушаниях, стороны, участвующие в деле, имеют право делать устные заявления, избрать иной тип участия в слушании, например, назначив представителя, или ходатайствовать об отсрочке слушания. Для эффективной реализации этих прав стороны должны быть надлежащим образом заблаговременно уведомлены о времени и месте проведения слушания для того, чтобы располагать достаточным периодом времени для организации участия в судебном слушании по делу, назначить и проинструктировать представителя или проинформировать суд о своем решении не присутствовать на слушании. Право сторон, участвующих в деле, быть своевременно извещенными о предстоящем слушании представляет собой неотъемлемую часть права на эффективное участие в гражданском процессе, как это гарантировано ГПК РФ и статьей 6 Конвенции» (п. 33 постановления).

Европейский Суд напомнил, что «...выявление предпочтительных способов связи со сторонами, участвующими в деле, не является его задачей..., внутригосударственные суды, которые располагают достоверной информацией о текущей ситуации, имеют возможность эффективно оценить ситуацию в свете фактических обстоятельств..., таких как надежность местной почтовой службы, место нахождения сторон, участвующих в деле, а также техническая оснащенность. Также, Европейский Суд не имеет возможности *абстрактно* оценить, какое влияние конкретные средства связи могли оказать на право сторон, участвующих в деле, на эффективное участие в гражданском споре... В подобных делах роль Европейского Суда заключается в том, чтобы установить, являются ли такая интерпретация и толкование процессуальных норм совместимыми с положениями Конвенции» (п. 35 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...российские суды располагают достаточной свободой избрания способов извещения... ГПК РФ не ограничивает суды в выборе определенных способов извещения, но при этом предусматривает необходимость предоставления доказательств получения извещения. Это означает, что независимо от выбранного способа уведомления сторон, участвующих в деле, внутригосударственные

суды должны располагать доказательствами получения извещения адресатом... Необходимость предоставления доказательств получения сторонами соответствующих уведомлений должна стимулировать внутригосударственные суды удостоверяться в том, достаточно ли заблаговременно судебные извещения получены сторонами, участвующими в деле, либо, в случае необходимости, к принятию решения о переносе судебного заседания. Европейский Суд установил нарушение статьи 6 Конвенции во многих российских делах, в рамках которых внутригосударственные суды не проверяли наличие доказательств получения извещений и рассмотрение ограничивалось лишь общими утверждениями, что сторона, участвующая в деле, «надлежащим образом извещена», не подтвердив данные утверждения никакими доказательствами доставки... Таким образом, внутригосударственные суды обязаны изучить доказательства уведомления сторон о предстоящем судебном заседании, которыми они располагают либо не располагают, а также внести соответствующие выводы в текст решения. Порядок рассмотрения данного вопроса национальными судами является ключевым в процессе изучения Европейским Судом других подобных дел» (п. 36 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «...участники судебного процесса несут соответствующее обязательство предоставлять актуальные контактные данные и уведомлять об изменениях, которые могли произойти в ходе судебного разбирательства... В отличие от уголовных дел, внутригосударственные суды не несут ответственность за неотслеживание местонахождения отсутствующих сторон, участвующих в гражданском производстве..., при условии, что стороны, участвующие в деле, располагают информацией о том, что в их отношении проводится гражданское производство.... В случае, если сторона, участвующая в деле, указала предпочтительный способ уведомления, который не предусматривает материального доказательства получения, суд не будет иметь возможности убедиться в том, была ли сторона надлежащим образом уведомлена о проведении слушания или проинформировать сторону о переносе рассмотрения дела в случае, если принято решение о переносе слушания. Таким образом, внутригосударственные суды должны убедиться в том, было ли от стороны, участвующей в деле, получено согласие на использование конкретных способов связи, а также в том, что для связи использовались актуальные контактные данные. Предоставление указанной информации национальными судами позволит Европейскому Суду делать выводы об объективных причинах несвоевременного получения или неполучения стороной, участвующей в деле, извещения, в том числе о возможном не проявлении должного усердия такой стороной» (п. 37 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...[н]ациональным судам необходимо выявлять недостатки процедуры уведомления, прежде чем

приступать к рассмотрению дела по существу. Анализ, который Европейский Суд ожидает увидеть в решениях внутригосударственных судов, не должен ограничиваться ссылками на факты отправки судебных извещений, а должен включать имеющиеся доказательства принятия мер по уведомлению стороны, участвующей в деле, с целью выявления факта того, была ли она достаточно заблаговременно извещена о предстоящем слушании... Ответ на данный вопрос позволит судам определить целесообразность переноса заседания до момента надлежащего извещения стороны... Суды не имеют права делать заключения о том, что сторона, участвующая в деле, отказалась от права личного присутствия, не убедившись в том, что такая сторона была уведомлена о наличии такого права и, следовательно, о рассматриваемом слушании...». Суд напомнил, что «при рассмотрении вопроса о своевременном извещении отсутствующей на заседании стороны, участвующей в деле, судам необходимо уделить особое внимание и обеспечить максимальную реализацию права рассмотрения дела такой стороны в суде, не ставя отсутствующую сторону в невыгодное положение *по отношению* к противникам. Это позволит Европейскому Суду рассмотреть вопрос на основании решений судов и определить, были ли слушания справедливыми в значении статьи 6 Конвенции» (п. 38 постановления).

С учетом изложенного Европейский Суд «...рассматривает любой выбранный способ связи внутригосударственных судов, который они считают надежным, на основании имеющихся доказательств о том, были ли стороны, являющиеся участниками дела, надлежащим образом уведомлены о предстоящем слушании. Европейский Суд, на основании приведенных аргументов внутригосударственных судов, примет решение, была ли сторонам, участвующим в деле, предоставлена возможность эффективно участвовать в рассмотрении своего дела» (п. 39 постановления).

Все заявители утверждали о своем отсутствии на кассационных слушаниях в рамках гражданского судопроизводства, сторонами которого они являлись. Европейский Суд отметил, что «...Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в редакции, действовавшей на момент рассматриваемых событий, предусматривал проведение устных слушаний в судах кассационной инстанции, и что юрисдикция кассационных судов не ограничивалась вопросами права, но также распространялась на вопросы факта. Соответствующие суды были наделены полномочиями осуществлять пересмотр дела в полной мере, а также рассматривать дополнительные доказательства и доводы, которые не были рассмотрены в рамках слушаний в судах первой инстанции (см. статью 347 ГПК РФ)» (п. 40 постановления).

«Принимая во внимание большой объем дел для пересмотра, [продолжил Суд], гарантии справедливого слушания дела, изложенные в статье 6 Конвенции, включая, в частности, право делать устные заявления

в суде, были не менее важны в процессе кассационных слушаний, чем в судах первой инстанции. Однако для того, чтобы указанные гарантии имели практический эффект, как того требует Конвенция, вместо того, чтобы оставаться теоретическим или иллюзорным правом, заявители должны быть извещены о проведении слушания таким образом, чтобы у них была возможность присутствовать на слушании в случае, если у них возникнет намерение реализовать свое право на участие в слушаниях, которое определено внутригосударственным правом» (п. 40 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «...в соответствии с применимыми положениями российского законодательства, какие бы особые средства связи ни были избраны с целью извещения сторон, внутригосударственные суды должны были располагать доказательствами, свидетельствующими о том, что извещение было надлежащим образом вручено; в ином случае, слушание необходимо было отложить (см., в частности, статью 160 и пункт 2 статьи 167 ГПК РФ...). Однако кассационные решения не содержат никаких доказательств получения заявителями судебных извещений или какого-либо анализа в отношении наличия/отсутствия необходимости переноса слушания до надлежащего уведомления заявителей. Кроме того, в указанных решениях нет упоминаний о характере законных требований заявителей, которые могли сделать их присутствие необязательным. Таким образом, по мнению Европейского Суда, доводы, представленные [в]ластями, не были проверены в рамках внутригосударственного судопроизводства и были озвучены на слушаниях в Европейском Суде впервые. Европейский Суд в данной связи также напоминает, что отсутствие или недостаток доводов в решениях внутригосударственных судов не может служить причиной получения *обратной силы* в рамках слушаний в Европейском Суде, так как Суд не имеет возможности действовать на уровне национальных судов, которые располагали соответствующими доказательствами. По этой причине, Европейский Суд не может принять во внимание жалобы, которые [в]ласти государства-ответчика приводили впервые в рамках судебного производства в Суде» (п. 41 постановления).

С учетом исследованных обстоятельств дела Суд пришел к выводу, что «...факт того, что внутригосударственный суд не удостоверился в своевременном получении заявителем повестки, а в случае, если он ее не получал, в необходимости переноса слушания, сам по себе не имеет ничего общего с подлинным соблюдением принципа справедливого судебного разбирательства и позволяет Европейскому Суду прийти к выводу о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции» (п. 42 постановления).

Отмена вступившего в законную силу судебного постановления

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 5623/09, 12460/09, 33656/09 и 20758/10 «*Трапезников и другие против Российской Федерации*» (вынесено 5 апреля 2016 г., вступило в силу 5 июля 2016 г.)

Заявители жаловались на отмену в порядке надзорного производства в период с 2008 по 2012 год решений национальных судов, вынесенных в их пользу, и считающихся окончательными и подлежащими исполнению в соответствии с внутригосударственным процессуальным законодательством. По мнению заявителей отмена в порядке надзора вынесенных в их пользу окончательных решений не была оправдана обстоятельствами существенного и аргументированного характера, и, следовательно, был нарушен принцип правовой определенности. Они ссылались на статью 6 Конвенции и статью 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Европейский Суд упомянул правовую позицию, согласно которой «...[п]равовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata*..., то есть принципа окончательности решений. Данный принцип подчеркивает, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и имеющего обязательную силу судебного решения исключительно в целях проведения повторного слушания и нового рассмотрения дела. Полномочия вышестоящего суда по пересмотру должны осуществляться в целях исправления судебных ошибок, последствий ненадлежащего отправления правосудия, а не в целях повторного рассмотрения дела по существу. Пересмотр не стоит рассматривать как скрытую апелляцию, и простая возможность существования двух взглядов на один предмет не может являться основанием для повторного рассмотрения. Отклонение от данного принципа оправдано только в тех случаях, если такую необходимость порождают обстоятельства существенного и аргументированного характера» (п. 23 постановления).

Европейский Суд установил, что «...[п]ересмотр в порядке надзора по делам заявителей осуществлялся в соответствии с положениями Гражданского процессуального кодекса РФ, действовавшими в период с 7 января 2008 года по 1 января 2012 года» (п. 29 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...в рассматриваемой таким образом системе [обжалования] решения, вынесенные на уровне судов апелляционной инстанции, пусть и считающиеся обязательными и подлежащими исполнению по смыслу внутригосударственного процессуального законодательства, получили такую степень устойчивости, что выигравшая дело сторона не может ожидать, что другая сторона не прибегнет к данному средству уже после того, как проиграет дело в суде второй инстанции» (п. 33 постановления).

«...[X]отя Суд принял решение не принимать данное средство правовой защиты во внимание в контексте правила шести месяцев..., он не может исключить, что его практическое действие, в определенных обстоятельствах, может соответствовать требованиям статьи 6 Конвенции» (п. 34 постановления).

По мнению Суда, «...в его задачи входит не решение абстрактных или теоретических вопросов относительно того, совместимо ли применимое национальное законодательство с Конвенцией или выполнили ли национальные власти требования национального законодательства... В делах по индивидуальным жалобам он должен в максимально возможной степени ограничиться, насколько это возможно, рассмотрением вопросов, поднятых в находящемся на рассмотрении деле, не упуская из виду общего контекста... Поэтому Суд считает, что вопрос, который он должен решить по настоящим жалобам, не состоит в том, является ли измененная в 2008 году процедура пересмотра в порядке надзора совместимой как таковая с Конвенцией, а в том, привели ли процедуры, примененные в обстоятельствах данных конкретных дел, к нарушению требований правовой определенности» (п. 35 постановления).

Исследовав обстоятельства дела, Европейский Суд отметил, что «...по всем четырем жалобам надзорные жалобы были поданы сторонами разбирательства (властями-ответчиками в делах «Трапезников против России» и «Бычков и другие против России» и физическими лицами в делах «Рябчиков против России» и «Маркова против России»), а не должностным лицом, являющимся третьей стороной..., после того, как они воспользовались возможностью подачи апелляционной жалобы в суд второй инстанции... Данные жалобы были поданы в течение относительно коротких периодов времени и, в любом случае, в течение шестимесячного срока, установленного Гражданским процессуальным кодексом РФ... Президиумы отменили решения нижестоящих судов и, в деле «Рябчиков против России», отклонили все требования заявителя и прекратили производство по делу. По делу «Маркова против России» было вынесено новое решение, в котором было частично удовлетворено встречное исковое заявление ответчиков, а дела «Трапезников против России» и «Бычков и другие против России» были отправлены на повторное рассмотрение в суды нижестоящей инстанции. Впоследствии разбирательства продолжились в свете выводов [п]резидиумов в судах первой и второй инстанции, которые частично удовлетворили требования заявителя по делу Трапезникова и отклонили все требования заявителей по делу Бычкова и других. Заявители по делу «Бычков и другие», а также по делу «Рябчиков против России» попытались, в свою очередь, подать надзорные жалобы на эти решения, но они оказались безрезультатными» (п. 36 постановления).

Суд установил, что «...[в]нутригосударственные решения, вынесенные в пользу заявителей, были отменены вышестоящими судами

по жалобам ответчиков, поданных в течение относительно коротких периодов времени и, в любом случае, в те сроки, которые предусмотрены Гражданским процессуальным кодексом РФ, на том основании, что они были вынесены вопреки законодательству либо являлись необоснованными... Производство по пересмотру в порядке надзора по данным делам не длилось бесконечно и не сопровождалось какими-либо недостатками, выявленными Судом в его существовавшей ранее прецедентной практике... В результате, пересмотр в порядке надзора, применявшийся в конкретных обстоятельствах данных дел, не являлся несовместимым с принципом правовой определенности, закрепленным в Конвенции. По мнению Суда, он представлял собой следующее логическое звено в цепочке национальных средств правовой защиты, имеющих в распоряжении сторон, а не дополнительным средством для возобновления производства по делу» (п. 37 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на следующее: «...жалобы заявителей на то, что отмена внутригосударственных судебных решений, вынесенных в их пользу, не была оправдана обстоятельствами существенного и непреодолимого характера, равносильна оспариванию правильности применения национальными судами внутригосударственного процессуального законодательства. Суд напоминает, что национальные суды имеют больше возможностей для того, чтобы толковать и применять нормы материального и процессуального права, а соответствующие решения, вынесенные на национальном уровне, не содержат явно произвольной аргументации... В этой связи Суд отмечает, что отмена окончательных внутригосударственных судебных решений, вынесенных в пользу заявителей, являлась оправданной по жалобам «Трапезников против России» и «Бычков и другие против России» в силу необходимости обеспечить единообразное применение национальной судебной практики применительно к законодательству, регулиющему права конкретной социальной категории на получение социальных выплат. Те же соображения в равной степени относятся и к жалобам «Рябчиков против России» и «Маркова против России», в которых ретроспективное применение внутригосударственного законодательства привело к тому, что ответчики были лишены своих имущественных прав» (п. 38 постановления).

Суд не усмотрел нарушения принципа правовой определенности в связи с применением по делам заявителей процедуры пересмотра в порядке надзора (п. 39 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 10775/09 *«Светлана Васильева против Российской Федерации»* (вынесено 5 апреля 2016 г., вступило в силу 5 июля 2016 г.).

Ссылаясь на статью 6 Конвенции и статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, заявительница жаловалась на то, что в результате отмены вступившего в силу решения, вынесенного в ее пользу районным судом и оставленного в силе областным судом, ей грозила опасность лишиться принадлежащей ей собственности.

Европейский Суд установил, что на момент вынесения вышеуказанного постановления заявительница была по-прежнему зарегистрирована в качестве владельца спорного дома в Реестре прав на недвижимое имущество, но могла быть в любое время лишена своих прав в соответствии с постановлением президиума областного суда (п. 33 постановления).

Суд отметил, что «...вопрос о реальной собственности на спорный дом не был разрешен в рамках уголовного процесса...[Р]ассмотрение данного вопроса имело место в районном суде после иска [б]анка о возмещении [третьему лицу] дополнительных убытков...[Р]айонный суд установил, что именно заявительница, а не [третье лицо], являлась настоящим владельцем дома. Данное решение было оставлено в силе...областным судом, рассмотревшим его в кассационном порядке, и вступило в законную силу. Однако [позже] оба решения были отменены [п]резидиумом...областного суда, который посчитал, что реальным владельцем дома являлось именно [третье лицо], а не заявительница, и, соответственно, распорядился о его продаже. При этом Президиум сослался на часть приговора...районного суда, которое было отменено...областным судом, рассмотревшим дело в апелляционном порядке, проигнорировав при этом все разбирательства после отмены данного решения, в рамках которых национальные суды двух инстанций пришли к противоположным выводам» (п. 35 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...постановление...областного суда...представляло собой незаконное вмешательство в право заявительницы на беспрепятственное пользование ее имуществом, вопреки требованиям статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции» (п. 36 постановления).

См. также поступившие в Верховный Суд Российской Федерации постановления Европейского Суда, содержащие констатацию нарушения положений пункта 1 статьи 6 Конвенции, статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с отменой вступивших в законную силу судебных постановлений.

Постановление по жалобам № 12100/05, 5744/07 и 28425/07 «*Кузьмин и другие против Российской Федерации*» (вынесено 14 июня 2016 г.); постановление по жалобам № 41337/04, 26332/05, 34812/05, 469/06 и 11092/07 «*Парчиев и другие против Российской Федерации*» (вынесено 12 июля 2016 г.); постановление по жалобам № 36775/05,

35376/06 и 30165/08 *«Коровина и другие против Российской Федерации»* (вынесено 12 июля 2016 г.).

Право лица на разумные сроки судебного разбирательства по гражданскому делу

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пункта 1 статьи 6 Конвенции в части обеспечения права лица на разумные сроки судебного разбирательства по гражданскому делу.

Постановление по жалобам № 5076/05, 25573/05, 30076/05, 41335/05, 1399/06, 36533/06, 45149/06, 9564/07, 14928/07 и 44630/08 *«Кузнецов и другие против Российской Федерации»* (вынесено 21 июля 2016 г.); постановление по жалобам №№ 42139/05, 4014/06, 6331/06, 41170/06, 43842/06 и 22926/07 *«Воронина и другие против Российской Федерации»* (вынесено 21 июля 2016 г.); постановление по жалобам № 4174/06, 9796/06, 13663/06, 26675/06, 36696/06, 10117/07, 4475/08, 30062/08, 40607/08, 56239/08, 61152/08 и 4633/09 *«Мальцев и другие против Российской Федерации»* (вынесено 21 июля 2016 г.); постановление по жалобам №№ 23975/06 и 5211/07 *«Гречкин и Смирнова против Российской Федерации»* (вынесено 21 июля 2016 г.).

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных правоотношений

Обеспечение права на защиту

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №36814/06 *«Чукаев против Российской Федерации»* (вынесено 5 ноября 2015 г., вступило в силу 5 февраля 2016 г.).

Заявитель утверждал, в частности, что после задержания ему не был предоставлен адвокат, было вынесено постановление об уплате им судебных издержек, и он не имел возможности допросить свидетелей, дающих показания против него.

Отсутствие правовой помощи после задержания

Суд повторил, что, «...не являясь абсолютным, предусмотренное подпунктом (с) пункта 3 статьи 6 право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления на эффективную защиту посредством помощи адвоката, назначенного властями, если это необходимо, является одной из основ справедливого судебного разбирательства... В каждом случае вопрос состоит в том, приводило ли ограничение права на помощь адвоката, с учетом всех судебных

разбирательств, к лишению обвиняемого права на справедливое слушание дела» (п. 95 постановления).

При этом, по мнению Европейского Суда «...[т]ребования подпункта (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции также могут применяться до передачи дела в суд в случае, когда справедливость судебного разбирательства может быть серьезно ограничена посредством первоначального несоблюдения указанных требований» (п. 96 постановления).

Суд также обратил внимание на «...важность этапа расследования с точки зрения подготовки уголовного производства, так как доказательства, полученные на этом этапе, определяют рамки, в которых дело будет рассматриваться судом. В то же время, на данном этапе производства обвиняемый часто находится в особенно уязвимом положении, что усугубляется тем фактом, что уголовно-процессуальное законодательство становится все более сложным, особенно в отношении правил сбора и использования доказательств. В большинстве случаев эта определенная уязвимость может быть должным образом компенсирована только участием адвоката, чьей задачей является, среди прочего, обеспечение соблюдения права обвиняемого не свидетельствовать против себя самого. Это право фактически предполагает, что сторона обвинения стремится доказать свою версию по уголовному делу против обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным путем подавления и принуждения вопреки воли обвиняемого» (п. 97 постановления).

Поэтому, продолжает Европейский Суд, «...для того чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось достаточно «практическим и эффективным», пункт 1 статьи 6, как правило, требует предоставления адвоката уже на первом допросе полицией, если в свете определенных обстоятельств нет неопровержимых доводов в пользу ограничения этого права. И даже если особые обстоятельства могут позволить обоснованно отказать в доступе к услугам адвоката, подобные ограничения – независимо от причин – не могут незаконно ущемлять права обвиняемого, гарантируемые статьей 6 Конвенции. В случаях, когда инкриминирующие заявления, сделанные в ходе допроса без присутствия адвоката, используются для признания подсудимого виновным, правам подсудимого на защиту по существу наносится непоправимый ущерб» (п. 98 постановления).

Суд установил, что «...когда допрос заявителя был назначен на 6 июня 2006 года, его адвокат, Ор., присутствовал, но заявитель отказался давать показания и не предоставил других комментариев» (п. 102 постановления).

«Более того, когда районный суд рассматривал дело заявителя, он принял протокол задержания в качестве доказательства, указывающего на то, что заявитель был задержан после того, как «свидетели и очевидцы указали, что заявитель совершил преступление»... Районный суд не принял во внимание показания заявителя, содержащиеся в протоколе его

задержания, в качестве отдельных показаний в отношении обвинений... Дополнительно, заявитель не утверждал во внутригосударственных судах или в Суде, что давал показания – ни сразу после задержания, ни после – без правовой помощи или под давлением. Ни он, ни его назначенный защитник не стремились к исключению показаний, содержащихся в протоколе задержания, из доказательств; кроме того, заявитель не объяснил ни в своих замечаниях, ни в своей первоначальной жалобе в Суд, каким образом и были ли такие показания приняты во внимание районным судом при признании его виновным, или повлияли ли они на общую справедливость судебного разбирательства в его отношении» (п. 103 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...[з]аявитель жаловался только на то, что его отпечатки пальцев и ладоней были взяты в отсутствие адвоката. Тем не менее, в любом случае районный суд не принял заключение судебно-медицинской экспертизы об отпечатках пальцев заявителя в качестве доказательства, и заключение судебно-медицинской экспертизы об отпечатках ладоней заявителя являлись на суде оправдательным доказательством» (п. 104 постановления).

С учетом исследованных обстоятельств Суд пришел к выводу о том, что «...право заявителя на адвоката при задержании не было ограничено и отсутствие адвоката в момент задержания заявителя не ограничивало общую справедливость судебного разбирательства в отношении заявителя» (п. 105 постановления).

Компенсация судебных издержек на представительство на третьем этапе разбирательства по пересмотру в порядке надзора

Суд отметил, что «...заявитель был представлен адвокатами Ор., М., и И. в ходе судебного разбирательства первой инстанции и в ходе обжалования..., а также адвокатом К. на третьем этапе разбирательств по пересмотру в порядке надзора» (п. 114 постановления).

Суд также обратил внимание на то, что «...[в]ласти покрыли расходы на юридическую помощь заявителю в ходе судебных разбирательств. Они добивались компенсации платы в пользу К. в отношении третьего этапа разбирательств по пересмотру в порядке надзора; затребованная сумма (30 евро), по мнению Европейского Суда, не ка[залась] чрезмерной» (п. 115 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[в] любом случае, заявитель мог заявить о полном или частичном отказе от оплаты судебных издержек на основании бедности... В связи с этим Суд считает приемлемым, в соответствии с Конвенцией, что бремя доказывания недостаточности средств должно нести лицо, которое заявляет о такой недостаточности... Тем не менее, заявитель не представил финансовых или других документов в поддержку своего требования об освобождении от оплаты на

основании несостоятельности и не сослался на невозможность получения таких документов» (п. 116 постановления).

Суд установил, что «...заявитель пользовался бесплатной правовой помощью в ходе судебных разбирательств и не заявил об отказе от возмещения платы в пользу К., и принимая во внимание сумму судебных издержек, постановление о возмещении расходов, Европейский Суд пришел к выводу об отсутствии негативного влияния на общую справедливость судебных разбирательств в отношении заявителя» (п. 117 постановления).

Соответственно, по мнению Суда, не было допущено нарушения подпункта (с) пункта 3 и пункта 1 статьи 6 на основании возмещения судебных издержек заявителем (п. 118 постановления).

Отсутствие свидетеля

Суд вновь отметил, что «...подпункт (d) пункта 3 статьи 6 закрепляет принцип, суть которого сводится к следующему: до того как обвиняемый может быть осужден, на публичном заседании в его присутствии должны быть представлены все доказательства против него, с тем чтобы соблюсти принцип состязательности. Исключения из этого принципа возможны, если они не нарушают права на защиту, которые требуют, чтобы подсудимому была предоставлена достаточная и надлежащая возможность оспорить показания свидетеля и произвести его допрос либо на момент дачи показаний, либо на более поздней стадии судебного разбирательства» (п. 123 постановления).

Европейский Суд также повторил, что «...существуют два требования, основанные на этом принципе. Во-первых, должна иметься веская причина для неявки свидетеля. Во-вторых, если обвинение основывается только или главным образом на показаниях человека, которого заявитель не мог допросить либо на этапе расследования, либо на этапе рассмотрения дела в суде, права защиты ограничены в той степени, которая несовместима с гарантиями, предусмотренными [с]татьей 6... Если приговор основан исключительно или главным образом на показаниях отсутствующих свидетелей, Суд в каждом случае рассматривает вопрос о том, имеются ли уравнивающие факторы, включая меры, обеспечивающие справедливую и надлежащую оценку достоверности такого доказательства» (п. 124 постановления).

Суд установил, что «...сторона обвинения дважды вызывала Б. для присутствия на слушании в качестве свидетеля. Он не явился, так как был тяжело болен и не мог говорить. При этом Суд принимает заболевание в качестве основания для отсутствия в соответствии с внутригосударственным законодательством. С учетом вышесказанного и на основании представленных материалов Суд посчитал, что подтвержденное плохое состояние здоровья Б. оказывало на него

значительное негативное влияние и являлось веской причиной для неявки в суд» (п. 125 постановления).

«Заявитель утверждал, что признавая его виновным, районный суд опирался только на досудебные показания Б., не принимая во внимание показания других свидетелей. Тем не менее, [продолжил Европейский Суд,] свидетель О., который покупал у заявителя наркотики вместе с Б. в декабре 2003 года, рассказал о сделке и заявитель допросил его в суде. Кроме того, согласно протоколу судебного заседания, точность которого заявитель не оспаривал, заявитель не имел возражений в отношении принятия досудебных показаний О. в качестве доказательства. В этом отношении Суд отметил, что досудебные показания О. и Б. являлись идентичными. В частности, в ходе предварительного расследования они оба указали, что встречались с заявителем в г. Астрахани в ноябре 2003 года, что он продал им героин в декабре 2003 года и что они перевезли героин в г. Воронеж. Дополнительно к этому, районный суд также выслушал показания шестерых полицейских, которые организовали и приняли участие в операции под прикрытием и указали на участие заявителя в продаже наркотиков. Заявитель мог допросить всех их в суде и не отверг их показания в своих замечаниях в Суд. Районный суд также принял предварительные показания двоих отсутствующих полицейских и троих отсутствующих понятых, а также значительный объем документальных и вещественных доказательств» (п. 126 постановления).

Таким образом, не было допущено нарушения пункта 1 и подпункта (d) пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении отсутствия свидетеля Б. на судебном разбирательстве в отношении заявителя.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 40852/05 *«Шлычков против Российской Федерации»* (вынесено 9 февраля 2016 г., вступило в силу 9 мая 2016 г.).

Заявитель жаловался, в том числе на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с тем, что он был осужден на основании признательных показаний, полученных под принуждением в отсутствие адвоката.

Европейский Суд напомнил, что «...в его обязанности в принципе не входит определение того, могут ли определенные виды доказательств (например, доказательства, полученные незаконно с точки зрения национального законодательства) являться допустимыми. Суду предстоит ответить на вопрос, было ли все разбирательство, в том числе способ получения доказательств, справедливым. Данный вопрос предполагает оценку законности, а в случае нарушения другого гарантированного Конвенцией права — оценку характера установленного нарушения» (п. 80 постановления).

Европейский Суд вновь отметил, что «...[п]раво не давать показания и право не свидетельствовать против себя являются общепризнанными международными стандартами, которые лежат в основе понятия

справедливого разбирательства, предусмотренного статьей 6 Конвенции. Смысл этих прав заключается в том числе в обеспечении защиты подозреваемых от любых проявлений незаконного принуждения со стороны властей; таким образом их соблюдение помогает избежать судебных ошибок и способствует реализации целей статьи 6 Конвенции. Право не свидетельствовать против самого себя, в частности, предполагает, что сторона обвинения в уголовном деле стремится доказать свою версию по делу против обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным путем принуждения или подавления воли обвиняемого» (п. 81 постановления).

«Признательные показания, полученные в нарушение статьи 3, по определению считаются недостоверными. Кроме того, в уголовном производстве они зачастую становятся непосредственным поводом для жесткого обращения. Использование таких показаний для признания человека виновным несовместимо с гарантиями, предусмотренными статьей 6 Конвенции» (п. 82 постановления).

Суд установил, что «...явка с повинной, которую заявитель написал в отсутствие адвоката в качестве свидетельства против самого себя после задержания и заключения под стражу, являлась одним из доказательств стороны обвинения во время разбирательства по уголовному делу. Областной суд признал данные показания неприемлемыми, однако сослался на них при признании заявителя виновным и вынесении ему приговора» (п. 84 постановления).

Суд обратил внимание на утверждения властей, что «...заявитель отказался от своих процессуальных прав и ссылались на его письменные показания от 19 марта 2004 года. В этой связи Суд напомнил, что отказ от прав, гарантированных Конвенцией – в той мере, в которой это допустимо, – не должен противоречить каким-либо важным общественным интересам, и должен быть выражен в однозначном виде и сопровождаться минимальными гарантиями, сопоставимыми со степенью значимости отказа. Учитывая обстоятельства настоящего дела Суд не смог согласиться с утверждением властей об отказе заявителя от своих прав, так как письменные показания от 19 марта 2004 года были даны после написания явки с повинной 18 марта 2004 года. Более того, заявитель не может считаться отказавшимся от права не свидетельствовать против себя и в свете выводов Суда, в частности о жестоком обращении с заявителем в нарушение статьи 3 Конвенции» (п. 85 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...внутригосударственные суды приняли явку заявителя с повинной в качестве доказательства его вины, и что разбирательство по делу заявителя было несправедливым независимо от того, какую доказательную ценность имели эти показания и от того, насколько решающую роль они сыграли в осуждении заявителя» (п. 86 постановления).

См. также приведенное выше постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 46998/08 *«Михайлова против Российской Федерации»* (вынесено 19 ноября 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Отмена вступившего в законную силу оправдательного приговора

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 46926/09 *«Бакрина против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 17 мая 2016 г.).

Заявитель в основном жаловалась на то, что отмена окончательного оправдательного приговора нарушила ее права, предусмотренные пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

Суд отметил, что «...возможность повторного рассмотрения уголовного дела как таковая совместима с Конвенцией, включая гарантии статьи 6 Конвенции, лишь в той мере, в какой фактический способ ее использования не подрывает саму сущность справедливого судебного разбирательства. Иными словами, полномочия по повторному рассмотрению уголовного дела должны осуществляться властями таким образом, чтобы в максимально возможной степени был соблюден справедливый баланс между интересами физического лица и необходимостью обеспечения эффективности системы уголовного судопроизводства» (п. 17 постановления).

Европейский Суд ранее указывал, что «...существенные недостатки судопроизводства, оправдывающие отмену окончательного и обязательного судебного решения, могут включать в себя судебные ошибки или серьезные нарушения судебной процедуры, злоупотребления полномочиями, явные ошибки в применении материального права или иные веские причины, вытекающие из интересов правосудия» (п. 18 постановления).

Европейский Суд установил, что «...18 февраля 2009 года [п]резидиум Верховного [с]уда [одного из субъектов Российской Федерации] отменил оправдательный приговор в отношении заявителя по трем причинам: 1) по мнению суда надзорной инстанции, все представленные доказательства были собраны в пределах сроков, установленных законом, 2) нижестоящие суды, изучив все доказательства в ходе слушаний, не упомянули их в своих решениях, а лишь указали причины для отклонения обвинений, и 3) формальное предъявление обвинений заявителю с нарушением сроков, установленных законом, в любом случае не могло бы повлечь за собой оправдание» (п. 19 постановления).

«Принимая во внимание сво[ю] прецедентн[ую] [практику] применительно к статье 6 Конвенции, а также все имеющиеся материалы дела и доводы сторон, Суд не [посчитал] возможным сделать вывод о том, что вышеупомянутые причины представляют собой существенные недостатки судопроизводства, оправдывающие отмену окончательных и обязательных решений...» (п. 20 постановления).

См. также постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 63833/09 «*Грузда против Российской Федерации*» (вынесено 5 апреля 2016 г.).

Право лица на разумные сроки судебного разбирательства по уголовному делу

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений статьи 6 Конвенции в части нарушения права на разумные сроки судебного разбирательства по уголовному делу.

Постановление по жалобе № 40288/06 «*Наимджон Якубов против Российской Федерации*» (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.); постановление по жалобам №№ 24787/05, 25245/07, 22334/08, 23795/08, 41202/08 и 4045/09 «*Хайбуллаева и другие против Российской Федерации*» (вынесено 21 июля 2016 г.); постановление по жалобам № 20213/05, 4482/06, 43519/06, 49045/06, 11213/07, 12688/07, 42174/07 и 39347/08 «*Ван и другие против Российской Федерации*» (вынесено 21 июля 2016 г.); постановление по жалобам №№ 4721/06, 6991/06, 10576/06, 32026/06, 48683/06, 1615/07, 5798/07, 27732/07 и 28193/07 «*Кочиев и другие против Российской Федерации*» (вынесено 21 июля 2016 г.).

Право лица на содержание под стражей в соответствии с законом

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 6277/06 «*Любушкин против Российской Федерации*» (вынесено 22 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей на период следствия превысило максимально допустимый законодательством срок в двенадцать месяцев. Он ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «...заявитель содержался под стражей в период следствия не более шестнадцати с половиной месяцев. В этом отношении Суд отме[тил], что вопрос о соответствии этого периода процедуре, предусмотренной законом был рассмотрен Верховным Судом Российской Федерации, который в ответ на жалобы заявителя постановил,

что в его случае максимально возможный период содержания под стражей, ввиду тяжести предъявленных обвинений, составлял восемнадцать месяцев. Суд не усмотр[ел] ничего в доводах заявителя, чтобы прийти к иному заключению. Суд также отме[тил], что заявитель не утверждал, что суды вышли за рамки своих полномочий или действовали недобросовестно при продлении срока содержания заявителя под стражей в период следствия, или же что они пренебрегли попыткой применить соответствующее законодательство правильно. При таких обстоятельствах Суд [пришел к выводу], что содержание заявителя под стражей в течение указанного периода было законным» (п. 43 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 48416/09 *«Коркин против Российской Федерации»* (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель жаловался, что с 20 марта по 10 апреля 2009 г. он содержался под стражей без постановления суда.

Европейский Суд принял во внимание аргумент властей о том, что «...содержание заявителя под стражей с 20 марта по 10 апреля 2009 г. было санкционировано приговором по делу. [Суд] признал, что текст решения был подготовлен внутригосударственным судом к 20 марта 2009 г. и содержал санкцию суда на заключение заявителя под стражу до вступления приговора по его делу в силу. Однако Суд не [упустил] из виду, что судья предпочел огласить заявителю решение, касающееся его содержания под стражей, только 10 апреля 2009 г., то есть с задержкой более чем на 20 дней. Учитывая такой промежуток времени, Суд не [смог согласиться] с тем, что бездействие со стороны судьи не оказало воздействие на ситуацию заявителя. Более двадцати дней заявитель находился в состоянии неопределенности касательно правовой основы своего содержания под стражей. По мнению Суда, такая задержка сообщения заявителю сведений, касающихся его содержания под стражей представляла собой санкцию, *действующую задним числом*, которую Суд [посчитал] несовместимой с «правом лица на личную неприкосновенность», поскольку она непременно запятнана произволом. Возможность томления узника под стражей в отсутствие судебного решения, подкрепленного конкретными основаниями, и без установления конкретных сроков была бы равносильна пренебрежению статьей 5 Конвенции, положением, в котором содержание под стражей считается исключительным случаем отступления от права на свободу, допустимым только в четко оговоренных и строго определенных случаях» (п. 82 постановления).

Суд также отметил, что «...[в]ласти не опирались на какое-либо особое положение внутригосударственного права, которое позволяло бы судье задерживать оглашение его или ее решения о заключении под стражу соответствующему лицу» (пункт 82 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции вследствие содержания заявителя под стражей в период с 20 марта по 10 апреля 2009 года.

См. также поступившие в Верховный Суд Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 2281/06 «*Александр Андреев против Российской Федерации*» (вынесено 23 февраля 2016 г., вступило в силу 23 мая 2016 г.) и № 35413/07 «*Карнова против Российской Федерации*» (вынесено 12 января 2016 г.).

Право лица на разумные сроки содержания под стражей в ожидании приговора

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 21566/13 «*Сергей Денисов против Российской Федерации*» (вынесено 8 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на нарушение его права на рассмотрение дела в разумный срок и утверждал, что постановления о заключении его под стражу не были достаточно обоснованными. Заявитель сослался на пункт 3 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...содержание заявителя под стражей началось с момента его задержания 13 августа 2012 года и завершилось 7 августа 2013 года, когда он был освобожден под подписку о невыезде... Таким образом, рассматриваемый период составляет чуть менее 12 месяцев» (п. 74 постановления).

Суд установил, что «...[к]роме тяжести предъявленных заявителю обвинений, судебные власти приняли во внимание информацию, касающуюся его поведения. В частности, они установили, что его уголовное дело свидетельствовало о его особой склонности к совершению нового преступления, попытки скрыться от правосудия или оказать влияние на свидетелей» (п. 77 постановления).

Что касается опасности совершения заявителем нового преступления, Суд отметил, что «...заявитель был задержан вскоре после своего освобождения, отбыв наказание за аналогичное преступление по незаконному обороту наркотиков. Суд нап[ом]нил, что прежние судимости заявителя могли составить основание для обоснованного опасения, что обвиняемый может совершить новое преступление. Судья может принять во внимание серьезность последствий уголовных преступлений, если существует вопрос о принятии во внимание опасности повторного совершения таких преступлений, в целях принятия решения о возможности освобождения рассматриваемого лица ... В настоящем деле российские суды... [указали] в своих постановлениях на серьезность и повторяющийся характер рассматриваемых уголовных преступлений, и Суд соглас[ился] с их решением придать особое значение этим аспектам

уголовных преступлений, учитывая огромные сложности, с которыми сталкиваются национальные органы власти в Европе в процессе сбора информации, отслеживания, задержания и привлечения к суду за преступления, связанные с наркотиками... Суд, таким образом, [признал], что российские суды тщательным образом оценили риск совершения заявителем нового преступления. Данный факт создал сильную презумпцию против применения альтернативных мер пресечения в деле заявителя» (п. 78 постановления).

Европейский Суд обратил внимание также на то, что «...российские суды ссылались на вероятность того, что заявитель может скрыться от правосудия или прибегнуть к запугиванию свидетелей, в качестве дополнительных оснований, обеспечивающих его содержание под стражей. [При этом] Суд не упус[тил] из виду, что доводы за и против освобождения не должны иметь общий характер и не должны быть абстрактными... Суд нап[ом]нил, что российские суды не упомянули ни одного конкретного случая, когда заявитель попытался связаться, за пределами места рассмотрения дела, со свидетелем в ходе уголовного производства. Кроме того, отсутствуют доказательства того, что он когда-либо пытался скрыться от правосудия. В то же время Суд не упус[тил] из виду тот факт, что досье преступника включает данные о его участии в незаконном обороте наркотиков и о том, что он вновь был обвинен в совершении еще одного эпизода подобного преступления. Суд отме[тил], что внутригосударственные суды обра[тили] внимание на короткий период времени, прошедший с момента предыдущего осуждения заявителя за незаконный оборот наркотиков и его новым задержанием. Суд также уч[ел] тот факт, что обвинения в отношении заявителя были позднее изменены и дополнены несколькими эпизодами торговли наркотиками, совершенной в составе организованной группы... В этих обстоятельствах Европейский Суд [признал], что российские суды могли обоснованно предположить наличие вероятности того, что в случае освобождения заявитель может скрыться от правосудия или воспрепятствовать производству по уголовному делу с учетом характера его предполагаемой преступной деятельности» (п. 79 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «...имелись достаточные основания для дальнейшего содержания заявителя под стражей. Оценка «значимости и достаточности» таких оснований, однако, не может быть отделена от фактической длительности предварительного заключения. Соответственно, остается выяснить, проявили ли судебные органы «надлежащую осмотрительность» при проведении судебного разбирательства» (п. 80 постановления).

Суд установил, что «...заявитель находился в предварительном заключении в течение двенадцати месяцев. В материалах дела, предоставленных Суду, отсутств[овали] сведения, демонстрирующие какой-либо существенный период бездеятельности с стороны обвинения

или суда... В этом отношении Суд отме[тил], что расследование было в определенной степени сложным, в частности, с учетом общих затруднений при сборе доказательств преступления, связанного с оборотом наркотиков... Важным элементом оценки дела Судом [явился] тот факт, что почти через двенадцать месяцев содержания заявителя под стражей внутригосударственные суды сочли, что указанная мера больше не является необходимой, учитывая стадию уголовного производства и тот факт, что риски, первоначально принятые во внимание внутригосударственными судами, больше не могут оправдывать дальнейшее содержание под стражей. Суд отме[тил], что заявитель был освобожден из-под стражи на условиях альтернативной меры пресечения, под подписку о невыезде, сразу после завершения расследования, дело было передано в суд, и риск вмешательства заявителя в производство по делу был сведен к минимуму... В таких обстоятельствах нельзя [было] сказать, что компетентные внутригосударственные органы продемонстрировали отсутствие особой тщательности при проведении расследования по делу заявителя» (п. 82 постановления).

Соответственно, по настоящему делу не было допущено нарушения требований пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 37311/08 *«Роман Петров против Российской Федерации»* (вынесено 12 декабря 2015 г., вступило в силу 12 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на чрезмерную продолжительно содержания под стражей в ходе предварительного следствия.

Европейский Суд напомнил, что в соответствии с его прецедентной практикой «вопрос о разумности срока содержания под стражей не может рассматриваться абстрактно. Вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей должен рассматриваться с учетом особенностей каждого отдельного дела. Непрерывное содержание под стражей может быть оправдано только в отдельных случаях, когда имеются явные признаки необходимости соблюдения общественных интересов, которые перевешивают необходимость соблюдения права отдельного человека на свободу даже с учетом презумпции его невиновности» (п. 55 постановления).

Суд готов был признать, что «...содержание заявителя под стражей на протяжении нескольких периодов с 27 июня 2007 по 28 марта 2008 года могло быть обусловлено высокой вероятностью побега заявителя или его вмешательства в отправление правосудия. Российские суды надлежащим образом изучили конкретные обстоятельства дела заявителя, в частности его проживание ранее в другом государстве, опыт работы в правоохранительных органах, и обосновали свои выводы тем, что заявитель мог скрыться от правосудия или вмешаться в его отправление» (п. 56 постановления).

Аналогичным образом Суд посчитал, что «...внутригосударственные органы власти привели значительные и достаточные основания при вынесении решения о содержании заявителя под стражей в период с 12 апреля по 5 июля 2010 года. В связи с этим Суд [отметил], что районный суд отменил меру пресечения в виде залога и заключил заявителя под стражу из-за его неоднократной неявки в суд, а также его попыток оказать влияние на несовершеннолетнего потерпевшего по уголовному делу, возбужденному в отношении заявителя» (п. 57 постановления).

Суд пришел к выводу об отсутствии в настоящем деле нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 40288/06 *«Наимджон Якубов против Российской Федерации»* (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что срок его содержания под стражей в ходе предварительного следствия не соответствовал критерию «разумного срока», установленному пунктом 3 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...[в]нутригосударственные суды в настоящем деле... признали, что заявитель провел длительный период времени под стражей в рамках предварительного следствия, и посчитали возможным обеспечить его участие в судебном разбирательстве посредством освобождения под залог... Тем не менее, при установлении размера залога, внутригосударственные органы власти не представили никакого обоснования в отношении указанной суммы. Областной суд не осуществлял оценки достатка или активов заявителя в момент принятия решения, кроме того, он не осуществлял поиск информации или показаний, касающихся возможностей заявителя по выплате суммы залога... В данных обстоятельствах Суд не смог признать, что органы власти проявили необходимую заботу при установлении надлежащей суммы залога при вынесении решения о том, являлось ли его продолжительное содержание под стражей совершенно необходимым» (п. 65 постановления).

Суд пришел к выводу о нарушении пункта 3 статьи 5 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пункта 3 статьи 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда.

Постановление по жалобе № 31691/10 *«Истомин против Российской Федерации»* (вынесено 15 октября 2015 г.); постановление по жалобе №6277/06 *«Любушкин против Российской Федерации»* (вынесено 22 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.); постановление по

жалобе № 2763/13 «*Хайлетдинов против Российской Федерации*» (вынесено 12 января 2016 г., вступило в силу 6 июня 2016 г.); постановление по жалобе № 48416/09 «*Коркин против Российской Федерации*» (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.); постановление по жалобам № 36101/11, 36831/11, 52683/12, 63745/12, 59337/13, 67679/13, 67943/13, 77397/13, 3251/14, 9694/14, 13257/14 и 19016/14 «*Аристов и другие против Российской Федерации*» (вынесено 30 июня 2016 г.); постановление по жалобе № 8026/04 «*Егорычев против Российской Федерации*» (вынесено 17 мая 2016 г., вступило в силу 17 августа 2016 г.); постановление по жалобе № 44815/10 «*Шепель против Российской Федерации*» (вынесено 24 мая 2016 г.); постановление по жалобе № 8681/06 «*Булин против Российской Федерации*» (вынесено 29 марта 2016 г.).

Право лица на личное участие в судебном разбирательстве при рассмотрении жалобы на решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или решения о продлении сроков нахождения под стражей

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 40288/06 «*Наимджон Якубов против Российской Федерации*» (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.).

Заявитель жаловался, в том числе, на то, что пересмотр срока его содержания под стражей в ходе предварительного следствия, осуществленный областным судом 18 марта, 24 апреля и 24 июля 2008 г., не соответствовал требованиям, установленным пунктом 4 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что «...в силу пункта 4 статьи 5 Конвенции задержанные и заключенные под стражу имеют право на возбуждение производства по пересмотру судом процессуальных и материальных условий, существенных для «законности» — по смыслу пункта 1 статьи 5 — лишения их свободы... Хотя порядок, установленный пунктом 4 статьи 5, необязательно должен сопровождаться гарантиями, предусмотренными пунктом 1 статьи 6 Конвенции для уголовного или гражданского судопроизводства, он должен носить судебный характер и предоставлять гарантии, соответствующие рассматриваемому типу лишения свободы... В деле лица, заключение которого под стражу подпадает под действие подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, необходимо слушание дела в суде... Возможность для заключенного быть услышанным либо лично, либо посредством представителя является одной из фундаментальных гарантий процедуры, применяемой в делах о лишении свободы» (п. 73 постановления).

Обращаясь к обстоятельствам дела, Суд отметил, что, «...с одной стороны, целью слушания являлся пересмотр решения о продлении срока

содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия и, вероятно, что вопросы, которые ранее обсуждались в присутствии заявителя, не изменились, и что заявитель имел возможность описать личную ситуацию суду и направить доводы в пользу своего освобождения. Тем не менее, Суд не может пренебречь тем фактом, что на слушании от 24 июля 2008 года суд кассационной инстанции впервые осуществлял пересмотр вопроса о невыплате заявителем суммы залога. По мнению Суда, в целях разрешения данного аспекта дела существенное значение имели личные доводы заявителя. Наконец, Суд принимает во внимание довод заявителя о том, что назначенный государством адвокат не встретился с заявителем до момента проведения слушания для обсуждения дела или для получения согласия заявителя на осуществления такого представительства» (п. 75 постановления).

Суд признал, что присутствие государственного защитника не было достаточно для соблюдения принципа равноправия сторон. Тот факт, что заявитель не смог принять участие в заседании суда кассационной инстанции 24 июля 2008 г., что представляет собой нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции (п. 76 постановления).

Право лица на оперативное рассмотрение жалобы на решение суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении сроков нахождения под стражей

В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пункта 4 статьи 5 Конвенции в части несоблюдения права лица на оперативное рассмотрение жалобы на решение суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении сроков нахождения под стражей.

Постановление по жалобе № 6277/06 *«Любушкин против Российской Федерации»* (вынесено 22 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.); постановление по жалобе № 49848/10 *«Манеров против Российской Федерации»* (вынесено 5 января 2016 г., вступило в силу 5 апреля 2016 г.); постановление по жалобе № 22631/04 *«Олюнин против Российской Федерации»* (вынесено 19 апреля 2016 г.).

Право лица не подвергаться жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов. Право на эффективное расследование указанных случаев

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений статьи 3

Конвенции в части несоблюдения права лица не подвергаться жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов и/или права на эффективное расследование таких случаев.

Постановление по жалобе № 630/08 «**Миникаев против Российской Федерации**» (вынесено 5 января 2016 г., вступило в силу 5 апреля 2016 г.); постановление по жалобе № 40852/05 «**Шлычков против Российской Федерации**» (вынесено 9 февраля 2016 г., вступило в силу 9 мая 2016 г.); постановление по жалобе № 2281/06 «**Александр Андреев против Российской Федерации**» (вынесено 23 февраля 2016 г., вступило в силу 23 мая 2016 г.); постановление по жалобе № 27217/06 «**Зиновчик против Российской Федерации**» (вынесено 9 февраля 2016 г., вступило в силу 9 мая 2016 г.).

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

**Управление систематизации законодательства
и анализа судебной практики**